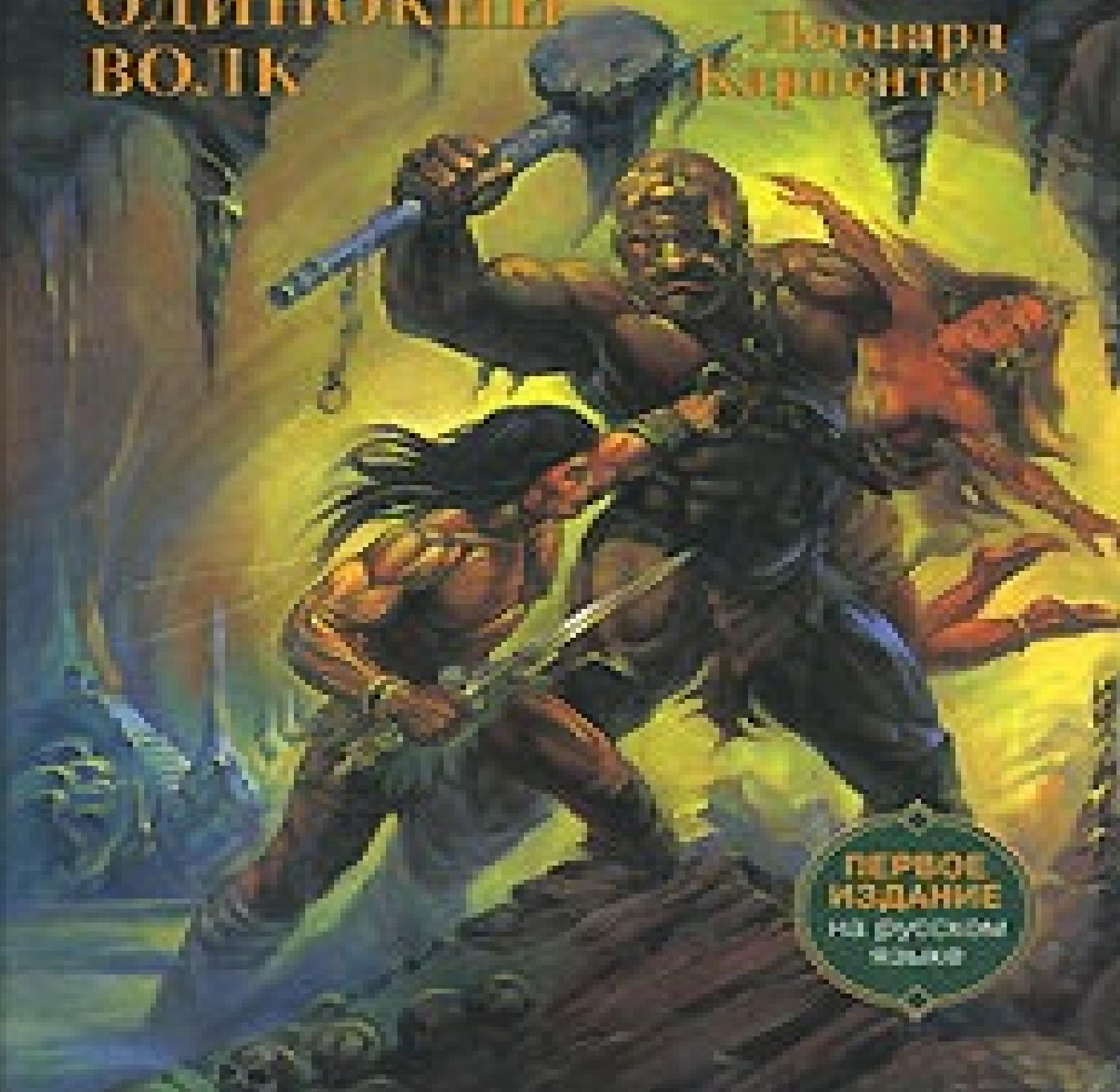

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАК

ОЛИНСКИЕ
ВОЛК

Богданов
Борис Федорович

ПЕРВОЕ
ИЗДАНИЕ
на русском
языке

Annotation

Правитель Сарка и верховный жрец, чтобы спасти королевство от засухи, хотят принести в жертву целый город. Конану, волею судеб оказавшемуся в этих краях по пути на Восток, удаётся спасти жителей города от страшной участи.

«Азбука», «Терра», 1996, «Конан. Одинокий волк»

Леонард Карпентер. Конан-изгнаник (роман, перевод В. Правосудова), стр. 239-458

- [Леонард Карпентер](#)

- [Пролог](#)
  - [Глава I](#)
  - [Глава II](#)
  - [Глава III](#)
  - [Глава IV](#)
  - [Глава V](#)
  - [Глава VI](#)
  - [Глава VII](#)
  - [Глава VIII](#)
  - [Глава IX](#)
  - [Глава X](#)
  - [Глава XI](#)
  - [Глава XII](#)
  - [Глава XIII](#)
  - [Глава XIV](#)
  - [Глава XV](#)
  - [Глава XVI](#)
  - [Эпилог](#)
-

Леонард Карпентер

Конан-изгнаник

Пролог

Когда в восьмой день восьмого месяца восьмого дня царствования на седьмом году величайшей засухи, поразившей город, король Сарка Анаксимандр проснулся, перед его глазами возникло видение.

Король словно вынырнул из мрака тяжелого забытья без снов. По ярким лучам, пробивавшимся сквозь резные узоры ставней его спальни, он понял, что проснулся позже обычного часа. Анаксимандр почувствовал себя отдохнувшим и бодрым; свою роль в этом, несомненно, сыграли и большие опахала, непрерывно покачивающиеся в изголовье и охлаждающее монаршее тело легким ветерком.

Две рабыни — красивые светлокожие, обнаженные по пояс девушки из Заморы — покачивали опахалами в полнейшем молчании. Малейший шорох или легкий шепот — что бы ни побеспокоило монарха во время отдыха или бессонной ночи, пошевелило бы хоть один из завитков одного-единственного волоса его длинной курчавой бороды — означал мучительную смерть под пыткой виновной рабыни, а скорее всего, и ее напарницы. Король Анаксимандр считал, что только таким способом можно заставить раба делать порученное ему дело с должной эффективностью.

В то утро, вместо того чтобы, щелкнув пальцами, вызвать слуг или наложниц, как это было заведено, король поступил по-другому. Поднявшись с жесткого прохладного ложа, он прикрыл свою царственную наготу, завернувшись в легкое шелковое покрывало. Не обращая внимания на почтительно склонившихся вдоль стен слуг, он с истинно королевской решительностью направился к прикрытыму занавесями выходу на террасу. Не дожидаясь бросившихся ему на помощь рабов, он сам распахнул портьеры и шагнул вперед, в яркий, слепящий солнечный свет.

Внизу под террасой не было ничего нового: тот же дворцовый двор, безлюдный в такую жару. Лишь несколько париев и нищих спрятались в узкой полосе тени вдоль северной стены дворца. С высоты было трудно отличить тех, кто уже умер от жажды, от тех, кто просто впал в забытье. За дворцом виднелись черепичные крыши казарм стражи; за ними — городская стена, толстая и мощная, с торчащими, как гигантский гребень, зубьями. Как всегда, на стене несли службу часовые в бронзовых доспехах, конических шлемах, с длинными, сверкающими бронзой наконечниками копьями наперевес.

Однако, скользнув по стене, взгляд короля уперся во что-то необыкновенное. Анаксимандр ожидал увидеть привычный пейзаж: иссохшую равнину, пересеченную пустыми руслами рек, покрытую коричневыми пятнами пересохших полей, и облака пыли, поднятой раскаленным ветром. Но вместо этого прямо за стеной перед окнами дворца стоял город, выросший словно из-под земли за одну ночь, пока Анаксимандр спал. Город или призрак города.

Огромный, освещенный ярким солнцем город казался реальней самой реальности. Величественный город с черепичными крышами, окруженный высокой стеной. Над ней возвышались богатые виллы, белоснежные купола и зиккураты. Белые птицы кружили над городом, садясь на коньки крыш и густые кроны деревьев. Посреди главной стены были открыты главные ворота — широкий проход, заполненный входящими и выходящими жителями. Мимо бронзовых створок ворот в город неторопливо входил караван. Погонщики почтительно склоняли головы при въезде. Другой караван невдалеке от стены ждал своей очереди. Его груз внимательно осматривали таможенные офицеры.

Но самым восхитительным зрелищем было голубое мерцание воды под солнцем. Прямо за воротами, извиваясь, тек широкий поток, обрамленный изумрудными зарослями кустов.

Пришедшие из пустыни погонщики верблюдов благоговейно наполняли водой свои кувшины. Ниже по течению прачки не торопясь возились с бельем.

Так мог выглядеть и Сарк — город, где царствовал Анаксимандр. Но не сейчас, а много лет назад: до того, как великий и всемогущий бог Вотанта по неизвестной причине отвернулся от города, — города, в котором жили верные своему богу люди, в котором царствовал усердный слуга Вотанты — король Анаксимандр.

В то утро король был не единственным, кто увидел прекрасное видение. Он понял это по удивленным возгласам и жестам стражи на стене. Король мог бы вызвать начальника охраны и приказать ему наказать нарушителей покоя, но тот наверняка и сам прибежал бы с выпущенными от удивления глазами. Король лишь поморгал и прикрыл глаза руками.

Когда он снова взглянул на таинственный город, тот постепенно начал таять в воздухе. Его купола и стены задрожали, поплыли на невидимых волнах, и сквозь них начала прступать выжженная земля — собственное царство Анаксимандра.

Не дожидаясь, когда безрадостный реальный пейзаж снова явственно предстанет перед его взором король резко повернулся и вошел обратно в спальню. Замершему в почтении и страхе перед повелителем начальнику стражи был отдан короткий приказ: немедленно вызвать Верховного жреца Куманоса.

Когда через несколько минут жрец, затаив дыхание, предстал перед монархом, Анаксимандр сидел на золоченом троне, облаченный в церемониальный наряд — украшенную драгоценными камнями рубаху и длинную, вышитую золотом юбку над ногтями рук и ног короля трудились слуги, доводя до совершенства маникюр. Король взглянул на Куманоса — стройного, высокого, загорелого человека, непривычно молодого для столь высокой должности. Во взгляде Анаксимандра поблескивал инквизиторский огонь.

— Ты уже слышал о видении, посланном мне нашим богом? Или, быть может, видел его сам?

Верховный жрец лишь кивнул в ответ.

— Это был призрак нашего давнего торгового соперника, — продолжил король, — проклятого города Оджары. Он находится далеко отсюда, на северо-востоке, но волею Вотанты его образ был перенесен сюда. Тот город выглядел богатым и процветающим. Много воды, караванов. Несомненно, почитаемая его жителями богиня явно благосклонна к ним.

Это уже был камень в огород Куманоса. Кому, как не ему, было известно, что жреческая каста Сарка в последние годы была очень виновата перед городом и королем. Жрецам так и не удалось упросить небо послать дождь — напоить живительной влагой город. И хотя король города-государства Сарка считался главой не только светской власти, но и жречества, разумеется, вина не могла пасть на него. Вот почему жрецам приходилось принимать на себя гнев народа и монарха и приносить порой себя в искупительную жертву.

Молодой жрец не сделал попытки оправдаться или защититься. Он торжественно и величественно склонил голову и произнес:

— Повелитель, это видение — явный знак, посланный нам всем великим Вотантой. Пророчество или предупреждение. Если вы пожелаете, я и мои астрологи могли бы подробно истолковать его...

— Нет, жрец. Я, я сам дам толкование этого чуда. И оно будет самым истинным и обязательным для всех.

Король, несмотря на всю свою власть, все же с почтением и опаской относился к высшему клану жрецов. Он помолчал, глядя, как две рабыни расчесывают и укладывают его бороду, и доверительно добавил:

— Ты первый узнаешь это, Верховный жрец: я сам несу часть ответственности за то, что

произошло с нашим городом. Я был небрежен, слишком увлекся обустройством своего двора и проморгал тот миг, когда сравнение с соседними городами стало не в нашу пользу.

Верховный жрец набрал в легкие побольше воздуха и даже с чуть подозрительной готовностью сказал:

— Да, Повелитель, если говорить честно, то нужны решительные шаги, чтобы...

— Но хватит. — Анаксимандр, казалось, не заметил обращенной к нему фразы. — Несомненно, наш бог требует жертвы. Настоящей жертвы. Не какая-то там дюжина младенцев или девственниц, убитых на вершине зиккурата, не окропление колодцев кровью пленных кочевников... Нет, великая жертва должна быть принесена Вотанте. Жертва, достойная древних легенд. Сам Вотанта, послав нам это видение, назвал достойную для искупления жертву — город. Богатый, цветущий город. Целиком божественный выбор пал на Оджару!

Король встал с трона, возвышаясь над павшими на колени слугами.

— Я вижу, что после этой жертвы великую милость падет на наш город. Дожди пройдут над горами, наполнив реки, колодцы, наши бассейны и напоив поля. Караваны снова будут заходить в Сарк, а не в Оджару, принося нам доходы от торговли и таможни. Вотанта снова повернется к нам лицом, пошлет нам удачу во всем: в торговле, в погоде, в войне.

— Мой Повелитель! — Куманос, не осмелившись до сих пор прервать экстатическую тираду своего монарха, наконец не выдержал: — Если вы предлагаете войну, то вспомните: ведь Оджара хорошо укрепленный город. Известно, что его защищает каста воинов — верных жрецов-воинов их богини. Такая осада может быть долгой и дорогостоящей...

— Осада? Я не имею в виду осаду. И ты, Куманос, лучше, чем кто-либо другой, должен понимать меня. — Король резко повернулся к жрецу и ткнул в него пальцем. — Жрецы хранят свои древние тайны не менее крепко, чем королевские династии — свои.

Он повернулся спиной к Верховному жрецу и подошел к окну, выходящему на террасу. На этот раз из него открывался привычный вид на выжженную солнцем равнину и склоны гор на горизонте.

— Легенды нашего города рассказывают об империях в восточных пустынях, которые были уничтожены. Уничтожены волей бога, нашего бога — Вотанты, который в те времена куда больше страшил чужаков, чем сейчас.

Эти города из древних преданий — Песк, Эль-гаши и Иб-на-Эдамите — были уничтожены божественным громом, обрушившимся на них за их грех и богохульство. Насколько я помню историю, большинство их грехов было связано с непочтительным отношением к нашему гордому городу Сарку и моим царственным предкам.

Анаксимандр повернулся лицом к Куманосу, который мог видеть лишь темный силуэт короля на фоне яркого света.

— В каждом из этих случаев, — продолжал король, — жрецы Вотанты прокляли нечестивые города. Каждая стрела с неба усиливала веру в нашего могучего бога. И после каждого разрушения соперника наш город вступал в эпоху благоденствия и процветания. — Король помолчал. — Ты сам видишь, Куманос, наш бог извещает нас, что пришло время для нового чуда.

— Да будет так. — Голос Верховного жреца стал хрипловатым. — Надеюсь, мы с моим королем в равной мере осознаем значение этого события. Это будет не просто жертва, не просто демонстрация силы нашего бога. Нет, такое случается раз в тысячелетие. Лишь пришествие Вотанты на землю может быть значительнее и величественнее...

— Ну что ж, отлично, — холодно оборвал его Анаксимандр. — Рад, что мы поняли друг друга. Я лишь хочу напомнить тебе, что трое твоих предшественников на посту Верховного жреца — люди куда более опытные и умудренные годами — за последние шесть лет окончили

свои дни, пролив свою кровь на вершине Большого Зиккурата. И все три великие жертвы оказались напрасными. Засуха так и не прекратилась. Вот почему я настаиваю на том, что ты сам предложил. Пусть это будет не чем и как пришествием бога на землю.

Король отошел от окна и встал так, чтобы собеседник мог видеть его лицо,

— Я понимаю, — продолжил он, — что для такого дела понадобятся серьезные приготовления. Понятно, что потребуются расходы, которые, уверен, ты постараешься сделать минимальными. Я уже подумывал о таком решении, но, ты сам понимаешь, после виденного сегодня утром для сомнений нет места. — Он подошел к Куманосу и положил руку ему на плечо. — Жрец, я приказываю тебе начать.

— Слушаюсь и повинуюсь. Да будет так.

Поклонившись королю, Куманос повернулся и направился к дверям. Он шел осторожно, при каждом шаге стараясь скрыть, преодолеть почти парализующий его страх.

Глава I

НЕЧИСТЫЙ

Затопленная низина вдоль реки была тиха и неподвижна. Невдалеке в полуденном мареве дрожали золотистые стены Оджары. Ни сигнал тревоги, ни даже случайное бряцание оружия не нарушали тишины. В воздухе над зеркалом воды летали стрекозы, жуки и мухи. Но их жужжение лишь подчеркивало звенящую тишину вокруг.

В одной из заводей, наклонившись и подставив солнцу загорелую спину, почти по пояс в воде стоял человек. Он увлеченно охотился за подводными обитателями, не издавая при этом ни единого звука. Вдруг его рука, словно молния, метнулась к воде, направив в глубину самодельный трезубец. Лишь легкий всплеск раздался над зарослями. Секунду спустя вода забурлила, человек сильным движением перехватил обеими руками и вытащил на поверхность длинное скользкое зелено-коричневое существо, продолжавшее извиваться в его мертвый хватке.

Человек быстро направился к тенистому берегу, где, привязанный к свисающим в воду корням деревьев, наполовину притопленный, висел полотняный мешок, уже основательно наполненный подобной добычей. Туда последовал и последний трофей, после чего веревки у горловины мешка были крепко завязаны.

Затем охотник остановился, чтобы выжать воду из гривы черных волос. Откуда-то из-за коряги он вытащил плащ-накидку и пояс, на котором висел очень длинный кинжал. Одним привычным движением человек затянул пояс и поправил клинок. Продев древко трезубца в петлю у горловины мешка, он взвалил добычу на плечо и зашагал вдоль берега заводи в тени деревьев.

Чуть дальше по течению он вышел к своему лагерю, расположенному на небольшом песчаном пляже, прикрытом от зноя тенью от раскидистых кустов. Неподалеку слышалось журчание основного потока реки, стекавшей по каменистому руслу к подножию холма. Здесь одинокий отшельник остановился, опустил на землю мешок и занялся хозяйством, если так можно было назвать его скромные пожитки.

Сначала он добавил хворосту в костер, превратившийся было в кучу еле тлеющих углей посреди грубого каменного очага. Затем он наполнил чистой водой закопченный бронзовый шлем, служивший ему котелком. Ловкими, привычными движениями он вытащил из мешка часть добычи, а затем и выпотрошил и вычистил ее на плоском бревне, служившем столом.

Несмотря на занятость хозяйством, любителя одиночества не подвел инстинкт охотника и воина. Посторонний запах, принесенный ветерком, удариł ему в ноздри. Легкий шорох листвы и ветвей в кустах — явно не тот, который производил ветер, — коснулся его ушей. Наконец его глаза нашупали неясную тень в кустах по другую сторону костра — явно не птица и не ветка.

Не показывая никакого беспокойства, человек встал и подошел к огню, чтобы подбросить дров. Медленно, даже небрежно его сине-стальные глаза обшаривали заросли вокруг. Вдруг неимоверно быстрым движением, быстрее, чем во время балки, он метнулся в кусты, и в тот же миг одна его рука схватила непрошеного наблюдателя, а вторая поднесла нож к самому его горлу. При ближайшем рассмотрении плененный соглядатай оказался худым, дочерна загорелым полуголым мальчишкой.

— Ну, что мы тут имеем? — пробурчал победитель в явно неравной схватке, откладывая в сторону нож. — Вообще-то я уже поймал достаточно лягушек и всяких болотных тварей и больше охотиться не собирался. — Он говорил на одном из шемитских диалектов, обычном в

этих восточных пустынях.

— Отпусти его. — Голос, говоривший на том же языке, принадлежал другому подростку, чуть постарше, вылезшему из кустов и требовательно взмахнувшему рукой. — Если ты попытаешься съесть его, я тебя предупреждаю: мы повесим твою кожу на городской стене!

Он крепко сжимал в кулаке маленький кремневый нож. За его спиной маячили еще две детские фигуры.

— Съесть его? С какой стати? Нет, с какой стати я буду рисковать своим желудком, если, конечно, кое-какие сорванцы не украдут мою еду? — Чуть ослабив железную хватку, он все же продолжал держать вырывающегося мальчишку за руку. — А он что, и вправду думает, что я его съем?

— Ты же тролль, разве не так? — спросил старший мальчишка. — Злой великан с севера!

— Никакой я не тролль. Я — Конан из Киммерии. И вовсе не великан среди моего народа. А злой я бываю только когда голова раскалывается после вчерашней пирушки.

— Так я и думал. Ясное дело, все киммерийцы и другие северяне — людоеды. Это каждый дурак знает. — При этом парень махнул рукой в сторону шлема, установленного между камней над огнем и бурно шипевшего. — Ну, в лучшем случае ты — джинн и пожиратель нечистой пищи.

— Сожрать этого засранца — вот уж действительно было бы поеданием нечистой еды.

Конан отпустил мальчишку, и тот мгновенно спрятался за спины приятелей, уже оттуда продолжая подозрительно следить за незнакомцем.

— Я тут, кстати, и так достаточно приготовил. Мог бы и поделиться.

Подняв с песка нож и вытерев его о штаны, Конан воспользовался им, чтобы снять котелок с огня.

— А что это... что у тебя там? — спросил один из прятавшихся за спиной старшего.

— Как что? Восхитительная уха из раков и речных угрей.

Киммериец выудил ножом из дымящейся жидкости одного из раков и показал его детям, а затем снова бросил его в котелок.

— Нечистая еда! — воскликнул один из мальчишек. — Жрецы Истинной Богини двадцать раз отрубили бы тебе голову на алтаре, если бы застукали, когда ты ешь таких червяков. Даже если бы только признался в этом.

— Чушь, — бросил северянин. — Вы, горожане, просто идиоты, если не едите отличную речную пищу или не засаливаете ее впрок. Ведь тяжелые дни бывают у каждого. Что у человека, что у города. А вы где живете? Там, за стенами Оджары?

— Да, — ответил самый младший. — Меня зовут Ябед. Мой отец, Япет, торгует верблюдами, хотя... несколько лет назад... — лицо мальчика стало грустным, — он уехал в путешествие, чтобы купить стадо верблюдов, и до сих пор не вернулся. А моя мама плетет тростниковые корзины, чтобы прокормить нас, а потом вернется отец, и мы станем богатыми. По дороге домой я нарежу ей тростника, — закончил он, гордо показывая собственный кремневый ножик, удобный, чтобы проридаться сквозь кусты.

— Мой отец был кровельщиком и разбился, упав с крыши, — сказал старший из компаний. — Мать тоже плетет корзины, и я ей помогаю. Но когда-нибудь я стану воином. Воином-жрецом Единственной Истинной Богини!

Он продемонстрировал свой кремневый нож (чуть длиннее, чем у его приятеля) и убрал его петлю на ремне таким важным жестом, словно вкладывал в ножны благородный стальной клинок.

— Когда-нибудь я даже стану таким же знаменитым воином, как Занус Победитель.

Киммериец рассмеялся:

— Ваши храмовые воины — хорошо снаряженная и отлично вымуштрованная компания. Хотя я сказал бы, что их боевая техника несколько однообразна. Еще бы, она связана большими табу, чем их питание.

— Дюжина храмовых воинов может в пух и прах разделать сотню грязных диких кочевников, можешь быть уверен, — горячо запротестовал мальчишка.

Конан не стал вступать в спор, а лишь взглянул на него и спросил:

— А разве сын кровельщика или корзинщицы может пойти в это благородное братство?

— Конечно, да, — уверенно ответил парень. — Вступление в жреческую каству зависит только от знаний, полученных в храмовой школе... от крепости духа и от успехов в играх и занятиях, — закончил он, словно наизусть ответил урок.

— Тогда ладно, — кивнул киммериец. — Может быть, и есть надежда. А как тебя зовут, приятель?

— Эзрель, — ответил подросток, а затем, показывая пальцем, представил своих спутников: — Ябед, Фелидамон и... — он повернулся к прячущемуся позади всех недавнему пленнику Конана, — и Инос.

Конан молча кивнул. Ему показалось, что Фелидамон — скорее всего девчонка, хотя телосложением она ничем не отличалась от Ябеда, а их одинаковые длинные широкие рубахи делали и вовсе невозможным определить это.

— А ты тоже воин? — спросил Ябед. — Что у тебя за оружие?

— Это, — сказал Конан, вытаскивая из-за спины клинок, — это добрый, длинный нож с Ильбарских гор, захваченный в... э-э... полученный в обмен при торговле с горными племенами южнее моря Вилайет. Видишь, лезвие становится толще к концу. Это компенсирует его малую длину, когда приходится... ну, например, рубить хворост для костра. Хорошее оружие. С ним удобно пробираться сквозь густые заросли, можно даже копать — разрывать норы зверей, можно разделять любое мясо и рыбу, а можно даже использовать как вертел, чтобы поджарить, то, что разделал. И после всего этого он будет еще острым, что хоть брейся. Такую штуку нужно всегда иметь под рукой. — Он наклонился и сунул острие клинка в горячие угли костра. — Никогда не знаешь, что поймаешь с его помощью.

Вытащив нож из углей и сдув пепел, Конан показал детям то, что было наколото на острие: что-то округлое, дымящееся, завернутое в обуглившиеся листья, явно съедобное.

— Ты смотри-ка, сладкие печенные клубни земляной груши. Кто бы мог подумать — весело улыбаясь, демонстративно удивился Конан. — А еще тут болотный редис и лук.

Поковырявшись в костре, он достал остальные деликатесы. Дети не заставили себя долго упрашивать оценить качество приготовления. Но попробовать рыбную уху — это стоило больших усилий. Первым набрался смелости Эзрель.

— Ой, горячо, и перец жжется, — пожаловался он, однако не стал отказываться от основательной деревянной миски, протянутой ему Конаном. Остальные последовали примеру своего старшего приятеля. Даже напуганный Инос присоединился к общей трапезе и вскоре уже лихо вытаскивал куски мяса из-под панциря раков. Дети ели с удовольствием, далее жадно. Конан сделал вид, что не заметил, как и большая часть его доли супа оказалась съеденной не избалованными обильной едой гостями.

— Ты, должно быть, много путешествовал, — вступила в разговор Фелидамон. — А ты бывал в городах, которые больше Оджары?

— Да, я бывал в Аграпуре, Бельверусе, Тарантии, они намного больше Оджары. Ближайший отсюда — Шадизар. Наверное, туда я и отправлюсь, когда откроются северные перевалы, если подвернется попутный караван.

— Шадизар Проклятый, так ведь его называют? — спросил Ябед. — Но в храмовой школе

нам не говорят, почему так. Расскажи, Конан.

— Это место, где сходятся великое богатство и самая страшная нищета. Мужчины и женщины без гроша в кармане умирают с голоду, моля о подаянии, валяясь в ногах у богатых, сытых щеголей.

— Как же так? — искренне удивилась Фелидамон. — А разве жрецы не следят за тем, чтобы богатые делились с теми, у кого ничего нет?

Конан рассмеялся:

— Ну да, жрецы богаче всех остальных и хуже всех других богачей. Еще Шадизар — огромный рынок рабов. Работорговцы — жестокие люди, те, кто покупает рабов, — немногим лучше, но многие свободные люди живут там хуже, чем самые жалкие из рабов. Многие достойные, здоровые, даже честные люди становятся ворами. В Шадизаре есть даже Гильдия Воров. Забавно?

— В нашем городе говорят, что одинокий чужеземец, такой, как ты, обязательно вор. — Взгляд Эзреля, как всегда, был бесстрашен, слова — четки. Ты поэтому собираешься в Шадизар? Конан расхохотался:

— Ну, по правде говоря, если предположить, что я вор, то лучшего места, чем Шадизар, мне не найти. Ты только подумай, сколько там богатых купцов, аристократов, всяких гадателей и колдунов. — Он собрал обедки и бросил их в костер. — Лучше уж воровать в таком месте. А что можно украдь здесь, в Оджаре? Верблюжью поилку?

— В Оджаре вообще не стоит воровать, — сказал Эзрель. — Храмовые воины тебя в лапшу искрошают. Но если ты пообещаешь, что не похитишь ничего, то тебе разрешат жить там, по ту сторону стены. Тогда тебе не придется спать под открытым небом, — парень кивнул в сторону свернутых одеял, лежащих в тени под кустами.

Конан лишь покачал головой:

— Нет, дружище, я не думаю, что взрослые впустят меня в город, по крайней мере дальше караванного квартала. Доказать им мою честность будет не легче, чем в одиночку справиться с дюжиной противников в бою. Так что я лучше останусь

там, где я привык, — за стенами города.

— Но, Конан, — пропищала Фелидамон. — ты мог бы обосноваться в Оджаре и заняться каким-нибудь полезным делом, например торговать чем-нибудь... верблюжьей упряжью... или... — тут ее взгляд упал на догорающий костер и обуглившиеся панцири раков, — или стал бы поваром в одном из караван-сараев.

— Ты имеешь в виду — готовить еду для путешественников и брать за это деньги? И делать это, и ничего другого? — Конан, прищурившись, посмотрел на нее: — А что потом, когда мне это надоест? А мне это наверняка надоест. Я ведь не раб, чтобы приковывать себя навеки к одному месту. Да, и еще. Я ведь не поклоняюсь богине вашего города — Садите, так что и с этим у меня будут проблемы. Нет, лучше уж мне уехать отсюда ради пущего спокойствия вашего города. — Конан бросил взгляд на удлинившиеся тени деревьев: — Э, уже поздно. И не забудьте вымыть тарелки перед тем, как уйдете.

Эзрель тоже посмотрел на солнце и, покачав головой, стал собираться.

— Значит, ты все-таки хочешь уехать в Шадизар? — Неожиданно заговорил Инос. — А что тебе больше нравится — Оджара или Шадизар?

Конан с легким сожалением взглянул на мальчика и сказал:

— Для таких людей, как я, Шадизар — лучшее место. Но прежде чем отправиться туда, когда вырастешь, хорошенко подумай, приятель. Умей ценить то, что имеешь. — Помолчав, он положил руку на плечо мальчишки и добавил: — Не стоит уезжать из Оджары в Шадизар Проклятый. И моли свою богиню, чтобы тебя когда-нибудь не привезли туда в караване

работорговца.

Глава II

ОГНЕННАЯ ДОЛИНА

Верховный жрец Куманос шел по каменистой пустыне, и душа его содрогалась от страха. Сторонний наблюдатель, скорее всего, ничего бы не заметил, но самого себя жрец обмануть не мог. Одна лишь жара не могла наполнить такой тяжестью руки и ноги молодого, выносливого уроженца этих пустынных мест. Не одно лишь солнце выдавливало струйки пота, стекавшие по затылку за воротник туники. И не от многодневной жажды пересохло во рту. Куманос шел и шел вперед, не обращая внимания на жару и неприветливый пейзаж. Все физические страдания были лишь слабым отражением мучений, которые испытывала его душа.

Задыхаясь в тисках страха, Куманос пытался осмыслить то, что с ним произошло. Выходило, что лишь один человек мог помочь ему разрешить сомнения, указать нужный путь. Солон. Старый, старше любого из живущих, мудрее самой мудрости, святой отшельник. Он ушел в пустыню еще до того, как родился отец Куманоса. Не бог, конечно, но и не простой смертный. С давних пор жрецы Сарка спрашивали его совета в самых трудных делах. Его мнение приравнивалось к пророчеству, к слову бога, произнесенному устами человека.

Куманос остановился, чтобы передохнуть в узкой полоске тени, тянущейся вдоль северного обрывистого склона высохшего русла реки. Он не знал, правильный ли путь был избран, чтобы найти Солона. Не знал даже, есть ли вообще такой путь, да и жив ли сам Солон. Но предания говорили, что если идти вверх по руслу, берущему свое начало где-то в безымянных горах, то можно найти убежище старого отшельника.

Похоже, что направление было избрано верно: предания гласили, что Солон живет в Долине Огня, а та территория, по которой пробирался сейчас Куманос, больше всего напоминала застывшие языки пламени. Столбы и стены старого песчаника поднимались справа и слева, извиваясь и сгинаясь, словно пламя гигантского костра. Желтый песок под ногами сменялся красными бульжниками. И то и другое словно раскаленные угли, жгло ноги сквозь подошвы сандалий. Жалкая растительность — колючие кустики и пучки травы — лишь робко выглядывала из узких трещин по склонам русла, словно боясь подставить лишний стебель испепеляющему солнцу.

Ничто вокруг не напоминало о присутствии человека. Оставалось лишь надеяться на удачу и продолжать этот путь, словно внутри гончарной печи для обжига.

Неожиданно для себя Куманос обнаружил, что русло преграждает некое подобие дамбы. Видимо, когда-то во время наводнения река подмыла один из склонов и оползень перекрыл ее течение. Теперь же перед путником стояла дилемма: повернуть назад или карабкаться по бесформенным глыбам на высоту пяти-шести человеческих ростов. Не так высоко, чтобы, сорвавшись, погибнуть, но достаточно, чтобы переломать кости и остаться лежать в этом пекле без всякой надежды на помощь, что, в общем-то, тоже было равносильно смерти, только более долгой и мучительной.

Но для воодушевленного жреца это препятствие, эта опасность была лишь вызовом, проверкой крепости веры. Потуже затянув ремни,держивающие за спиной кожаный бурдюк с водой, Куманос легким прыжком вскочил на ближайшую глыбу. Подошвы сандалий прочно встали на каменную твердь, ладони крепко вцепились в горячие, неровные грани обломков скалы, и Верховный жрец начал свое восхождение

Уже почти на самом верху Куманоса подстерегало настоящее испытание. На какой-то миг он даже подумал, что Вотанта решил прибрать его душу, посчитав испытания достаточными. Под рукой послышался треск и шуршание рассыпавшегося выступа песчаника. Куманос прижался к раскаленной глыбе крепче, чем младенец прижимается к матери. Таким образом он надеялся сохранить равновесие, пока не найдется более надежная опора. В следующий миг звонкое постукивание одинокого камня по склону послышалось снизу, и нога, на которую жрец опирался почти всем своим весом, повисла в воздухе. Спуститься? Об этом нечего было и мечтать. Не имея возможности опустить глаза и рассмотреть склон под собой, человек не смог бы нащупать нужную опору. Куманос понял, что он или сорвется, или, с помощью великого Вотанты, сможет выбраться на гребень этого обрыва.

Надежды на это было мало. Единственное, на чем остановился взгляд Куманоса, — это на небольшом выступе размером чуть меньше кулака, подтянувшись на котором можно было бы перевалиться через гребень. Все было бы просто замечательно, если бы этот выступ оказался в досягаемости свободной руки. Но, к сожалению, чтобы схватиться за него, нужно было отпустить вторую руку, которой Куманос еле-еле удерживал равновесие. Не схвати он в тот же миг спасительный выступ или обломись тот так же, как предыдущий, — и падение неизбежно.

Что ж, еще одно испытание веры... Поколебавшись и прочитав еще одну страстную молитву Вотанте, Куманос резко выбросил вверх руку...

Источенный ветрами песчаник в пыль рассыпался под пальцами, но в последней отчаянной хватке кулак сомкнулся на корне куста, росшего в трещине обрыва. Жесткие, сильные корни, способные пробивать трещины в скалах, оказались надежнее камня. Грязь и мелкие камни посыпались на голову Куманосу, засыпая ему рот и глаза. Но жрец, словно не чувствуя их, упорно продолжал подтягивать на одной руке свое тело, обдирая грудь и живот о шершавую поверхность камня. Вот уже вторая рука нашла себе опору, ноги согнулись в коленях, и последним усилием Куманос перевалился через край глыбы, оказавшись на вершине этой созданной самой природой плотины.

Перед ним лежал небольшой, сравнительно ровный участок сухого солонцового песка. Дальше русло продолжало уходить в горы, все более глубоко врезаясь в склоны. Но все это уже не интересовало Куманоса.

Невдалеке, на одном из склонов каньона, виднелось темное пятно — вход в пещеру. Перед ним небольшая ровная площадка, от которой в разные стороны следы человеческой деятельности — работы по углублению пещеры. Тут и там виднелись горки свежевырытой земли с кусками костей и обломками кустов, торчащими из них. А перед входом сидел скрестив ноги неопрятный, нечесаный человек в грязной, бывшей когда-то белой тунике.

Несомненно, это был Солон. Куманос, чувствуя себя дважды благословенным своим богом (за чудесное спасение и за удачное завершение поисков), упал на колени и некоторое время простоял так, воздавая благодарные молитвы великому Вотанте. Когда он наконец вновь поднял взгляд, то увидел, что человек у пещеры встал и нетерпеливо показывает руками в одну сторону. Куманос догадался, что тот имеет в виду тропу, вившуюся по гребню и заканчивающуюся у входа в пещеру.

Куманос поспешил исполнить повеление отшельника. Следовало признать, что тропой явно пользовались не часто. Путнику пришлось прыгать с камня на камень и проридаться сквозь почти загородившие ее кусты. Ближе к пещере по бокам тропы стали попадаться огрызки кактусовых шишечек, шкуры и кости змей и ящериц и всякие другие объедки. Кое-где валялись и более крупные кости совершенно незнакомой формы. Эта странная тропа шла от подножия до середины монолитной скалы, взметнувшейся в небо, словно яркий язык пламени.

У самой площадки перед входом в пещеру Куманос, встретившись лицом к лицу с ее

обитателем, остановился в нерешительности. Слишком уж гротескное зрелище представлял вблизи старый отшельник: сгорбленный, высохший, с неизвестно сколько не стриженными ногтями, с потрескавшимися, изборожденными морщинами руками и ногами. Его череп был абсолютно лыс, не считая нескольких прядей на затылке. Улыбка открывала взгляду почти беззубую полость с несколькими гнилыми обломками, похожими на сточенные клыки. Но при всем этом движения мудреца были по-прежнему ловки и быстры, что заставляло отбросить всякую мысль о старческой немоши. На лице отшельника, бронзовом от загара, отражалось жизнелюбие, никак не вяжущееся с его возрастом.

— О Старейший, — начал Куманос, — я пришел к твоей обители в поисках мудреца, ушедшего в пустыню...

— Солон — это я, — оборвал его стариk, кивая и ухмыляясь. — Я уже с полудня наблюдаю за твоим приближением. Можно было бы подсказать тебе безопасный путь в обход обрыва, но я давно уже дал зарок не помогать тем, кто приходит ко мне. То, что ты смог попасть сюда, не сорвавшись, доказывает крепость твоей веры в Вотанту.

Стариk говорил много и с удовольствием, явно радуясь человеческому обществу.

— Давно, давно уже высшие жрецы покидали город, чтобы навестить меня. Ладно, посмотрим, что ты мне принес в подарок.

— О Приближенный к Вотанте! — начал Куманос, падая на колени и кланяясь отшельнику до земли. Затем, увидев нетерпение старца, достал из заплечного мешка сверток, завернутый в кусок золотистой парчи. Я предлагаю тебе отведать вкуснейшие дары наших лучших мастеров — засахаренные яйца соловьев, фаршированные зеленые финики, медовую халву и многое другое.

Не успел закончить, как стариk выхватил из его портока и быстро направился к пещере. Куманос хотел было последовать за ним в тень сводчатого входа, но отшельник не удостоил его своим приглашением. Жрецу ничего не оставалось делать, как стоять на солнцепеке в ожидании. Немного помедлив, он собрался с силами и заговорил:

— О совершенный, я был бы счастлив, если бы мог с уверенностью сказать, что моя вера крепка. Но греховные страхи и сомнения не дают мне покоя...

— Тогда ты правильно поступил, отправившись в путь по пустыне. — Слова Солона были едва различимы, так как рот его был забит деликатесами, которые он перетирал беззубыми деснами, помогая себе костлявыми пальцами. Проглотив очередной кусок, старый мудрец продолжил: — Знаешь ли ты, что эта труднопроходимая территория — место, где собрано все таинственное и даже священное? Пилигримы приходят сюда, чтобы найти жесткую, неприкрашенную реальность, а обнаруживают, что у реальности больше одеяний и масок, чем у группы коринфийских комедиантов. Эта пустыня — страна миражей, галлюцинаций, призраков и бредовых видений. Здесь мало съедобных растений, а те, что можно съесть, не отравив тело, отправляют душу и разум. Все эти грибы, кактусовые соки, все они открывают новое, внутреннее зрение.

Стариk снова начала жевать, и опять его слова превратились в непонятную кашу.

— К тому же настоящий мистик знает, что нет лучшего наркотика для вызова демонов и духов, чем боль, страдания, усталость, голод и жажда. А уж Вотанта постарался, чтобы этого добра здесь хватало. Это место само провоцирует в человеке все то, что может помочь вызвать призрак или демона.

Поглотив все принесенное до крошки, не предложив ничего гостю, Солон вытер губы парчой.

— Здесь, где не бывает ненужных соглядатаев, сама земля обнажает себя. Да что там — она раскрывается до самых костей и внутренностей. — Махнув рукой, Солон нырнул в тень пещеры.

Поняв жест старика как приглашение, Куманос последовал за ним. После яркого

солнечного света его глаза долго не могли привыкнуть к темноте. Несколько раз жрец довольно сильно ударялся головой о какие-то выступы, спускавшиеся с и без того невысокого потолка туннеля. Когда зрение вновь вернулось к Куманосу, он различил, что эти странные штуковины светлее, чем остальная часть потолка. При ближайшем рассмотрении они оказались гигантскими костями — твердыми и массивными, будто гранитными. По крайней мере, они были прочнее окружавшего их песчаника, словно выкопанного вокруг них, чтобы дать возможность увидеть весь скелет.

Продвигаясь вслед за Солоном, Куманос добрался до сравнительно просторного помещения, где можно было стоять в полный рост. Из всех стен торчали фрагменты скелетов, в которых угадывались похожие на змей рыбы, ящероподобные птицы и другие создания, о которых Куманос не слышал. Пещера имела какой-то зловещий вид, словно порождение кошмара, особенно в кроваво-красном свете садящегося солнца, пробивающемся через туннель от входа. Привыкнув к полумраку, Верховный жрец смог различить множество деталей. Например, он заметил, что старик повязал себе парчовую тряпку вокруг шеи, на манер шарфа, дополнив таким образом свой скучный гардероб. При этом отшельник не переставал говорить:

— Как видишь, некогда это место было чем-то вроде кладбища драконов. Хотя, возможно, все эти кости принесло сюда каким-нибудь оползнем или наводнением.

Он с гордостью показал на огромный позвоночник, расплаственный под потолком пещеры, на ребра, спускавшиеся от него вниз наподобие колонн. Шея неведомого исполнителя спускалась к дальнему концу пещеры, где из стены торчал шипастый череп с усеянным острыми зубами челюстями. Один из шипов торчал прямо из тела, словно длинный кинжал. В общем, это чудовище напоминало гигантскую длиннохвостую и длинношеюю рыбу, в желудке которой, могли запросто поместиться несколько человек.

— Такие существа населяли эту пустыню многие годы назад, — произнес старик, — и кто знает, быть придет тот день, когда волей богов они снова оживут. Смотри, — показал он на плоские и острые осколки костей, прислоненные к стене, — при помощи этих инструментов я расширил пещеру, заодно облегчая будущую работу богов. А здесь, в самом дальнем конце моего убежища, — источник моих сил и награда за работу.

Подведя Куманоса к нише в дальней стене, отшельник откинул грязную тряпку, служившую занавеской. За ней в глубине ниши оказался источник. Капли воды стекали по свисавшей с потолка широкой кости и звонко падали в подставленный перевернутый череп одного из чудовищных пещерных созданий. Солон опустил в воду сложенные ладони и одним большим глотком осушил почти весь сосуд. Затем он кивнул на оставшуюся воду, предлагая Куманосу освежить горло. Жрец скромно отказался, повернувшись спиной к источнику.

— О Совершенный, — сказал он, — я пришел не для того, чтобы утолить жажду, осушив скучные запасы влаги, но утолить жажду мудрости. Наш великий Вотанта, устами короля Анаксимандра, поставил передо мной трудную задачу... а я не уверен, что нахожусь на истинном пути к ее решению.

— Я понимаю твои страхи и сомнения. Сами небеса сейчас вступили в войну. Знамения говорят, что близится тот час, когда сам Вотанта вновь спустится к нам на землю. Не каждому из поколений выпадает такая честь — встретиться своими смертными глазами со взглядом спустившегося с небес божества. Конечно, такая встреча будет означать смерть для каждого, удостоившегося такого лицезрения.

Опустившись на четвереньки, отшельник заполз в дальний угол, где сел, поджав ноги, на засаленную грязную циновку.

— Не смерть, как таковая, страшит меня, — сказал Куманос, падая перед старцем на колени. — После встречи с Великим я вряд ли буду цепляться за свою бренную жизнь. Но... как

он будет выглядеть во плоти, смогу ли я, ничтожный, достойно встретить его? И главное... — он опустил бритую голову к ногам отшельника, — а что будет с теми смертными, чья вера в Вотанту не столь сильна, кто цепляется за земную жизнь? А ведь есть еще и чужеземцы, которые, не ведая, что творят, верят в своих собственных, ничтожных божков. — Лицо молодого жреца исказилось в страдании. — Ведь они ни за что не смогут оценить величия и славы того, что они оказались...

— Принесенными в жертву? — скорее утвердительно, чем вопросительно закончил фразу Солон. — Ты имеешь в виду жителей того города, который должен быть принесен богу как искупительная жертва?

— Да, — признал Куманос, не поднимая взгляда, — Оджара. Город, волею Вотанты запрошенный ему в жертву. Быть может, приняв ее, Вотанта снова напоит дождями нашу землю и направит к нам караваны.

— Город неверующих, — пробормотал Солон.

— Да, это верно, — кивнул Куманос. — Я мало знаю о том городе, но почему-то представляю его похожим на Сарк; селяне и торговцы, мужчины, женщины, дети...

— Этот город — лишь часть пустыни. Думаю, я понял твои сомнения. Ты не хочешь, чтобы они умерли, не приняв веру в Вотанту, не осознав того величия, которое будет сопутствовать их гибели. Похвальные размышления, дитя мое, — отшельник глухо рассмеялся, — но думаю, ответ прост. Странно, что ты сам не пришел к нему. Предложи этим людям перейти в нашу веру, пошли к ним храмовых миссионеров. Надо дать им шанс перед смертью.

Куманос покачал головой:

— Многие не поменяют веру. По крайней мере, это делается не в один день. Большинство городов Шемитского союза имеет собственных богов, в данном случае — богиню. По неведению жители Оджары будут упорствовать в своей вере...

— Это уже не имеет значения, — грубо оборвал его Солон, ковыряясь пальцами в остатках зубов. — С того момента, как ты им предложишь выбор, вся ответственность ляжет на их головы. И если упрямство окажется сильнее, то эти безумцы вполне заслужат мучительные пытки в загробной жизни.

— Но, Совершенный! Разве ты не понимаешь? Они же невиновны! — В голосе Куманоса слышались истинные мучения. Слезы выступили на его глазах. — Здоровые, благородные мужи, молодые девушки, матери с младенцами! Имею ли я право отдавать их под карающий меч ярости Воплощенного Бога? Неужели нельзя отпустить их с миром и задобрить Вотанту по-другому?

— Я тебя понял, Куманос, — не отрывая от жреца взгляда, сказал Солон. — Твой грех действительно страшен. В глубине твоей души нет достаточной для Верховного жреца веры. Понятно, ты еще молод, и в тебе нет нужного почтения к огню и мечу. Ты слишком привязан к земной жизни, к ее радостям — красоте природы, наградам за хорошую работу, плотской любви. Ты еще не прожил столько, чтобы быть сжигаемым только яростным огнем веры.

Отшельник отвернулся и стал копаться в груде каких-то явно магических таинственных предметов, лежавших под дальним углом его циновки.

— Да, тяжкий грех. Серьезное падение! Но впрочем, вполне объяснимое. Здесь у меня есть средство, которое облегчит твои страдания.

— Правда? Это возможно? — взмолился Куманос, глядя на старика полными слез глазами

— Конечно.

Откуда-то из-за спины Солон извлек древнюю реликвию — издали этот предмет напоминал обломанный короткий нож.

— Эта штука разрежет болезненные путы юности и разрубит цепи, приковывающие тебя к ненужным ценностям.

Когда стариk вылез из темного угла и встал около стены на фоне скелета длиннохвостой птицы, Куманос рассмотрел, что за талисман держал в руках отшельник. Когда-то это был меч или длинный тяжелый кинжал, обломанный почти у самой бронзовой рукоятки. Обрубок клинка потемнел и покрылся ржавчиной. Он явно не мог быть очень острым, однако Солон держал его так, словно у него в руке было полновесное оружие.

— Что ты собираешься делать этой штукой? — забеспокоился Куманос.

— Что? — переспросил, приближаясь к нему, Солон. — Ты разве не знаешь, что это такое? Это Меч Онотимантоса. Известно ли тебе его могущество?

— Нет.

Чувствуя неосознанный панический ужас, Куманос начал отходить назад шаг за шагом. — В чем оно заключается?

— Ничего особенного. Он убьет твою юную душу, освободив ее от ненужных мучений. — Солон не торопясь занял позицию между Куманосом и выходом из пещеры. — Не бойся. Это будет огромным облегчением для тебя. Твой разум и твое тело будут свободны. Свободны для великой работы, предстоящей тебе.

— Ты... ты хочешь убить лишь часть меня. Но разве это возможно? — Верховный жрец, явно не желая становиться участником колдовского ритуала, нервно задвигался, пытаясь избежать приближения старого отшельника.

— Все возможно, если крепка вера в Вотанту, — сказал Солон и, улучив момент, нанес удар. — А все стоящее бывает болезненно.

Куманос, ожидавший тычка коротким обрубком, не успел отскочить или уклониться от энергичного укола, достойного дворцовского фехтовальщика. Отшельник не стал дотягиваться до тела жреца коротким куском лезвия. Удар был нанесен издалека.

Невидимый клинок пронзил тело выпучившего глаза Куманоса, заставив его забиться в агонии.

Клинок-призрак вошел точно в сердце. На мгновения после удара лицо жреца было искажено невыносимой болью. Но к тому времени, как невидимое острие вышло из тела (не оставив, кстати, никакой раны), лицо Куманоса ничем не отличалось от посмертной маски. Душа Верховного жреца была убита.

— Я понял. — Верховный жрец заговорил холодно и четко, обращаясь к убийце его души, глядя при этом на свою не разрезанную на груди тунику: — Ты был прав. Теперь мне все ясно. — Он опустился перед Солоном на колени и протянул к отшельнику руки. — А сейчас ты должен объяснить кое-какие детали предстоящего дела

Солон, отложив магическое оружие, сел скрестив ноги. Он подробно объяснил Куманосу, что тот должен будет сделать для выполнения божественной воли. Рассказ был долг. Солнце спустилось совсем низко, заливая долину золотом и багрянцем. В пещере сгустились сумерки, и Солону даже пришлось зажечь факел, чтобы его ученик мог рассмотреть рисунки, начертанные отшельником на полу углем. Дрожащий свет факела заставил прыгать по стенам тени свисавших с потолка костей, отчего скелеты задвигались, как живые.

— Это нужно сделать так, и только так, — говорил Солон. — Малейшая ошибка — и божественный гнев обрушится на твою голову. Запомни: идол — вот ключ ко всему делу.

— Я понял, — сказал Куманос, вставая. — Скажи, Солон, как ты стал хранителем такого тайного знания?

— Я был одним из жрецов в Сарке, едва ли не моложе тебя, когда наш бог спустился на город Иб. Я не был верховным жрецом, тот погиб вместе с принесенными в жертву. Но я был его помощником и наблюдал за городом издалека, чтобы быстрее принести в Сарк весть о пришествии Вотанты. И весь ритуал я запомнил наизусть.

— Город Иб был разрушен семь веков назад, Солон.

— Может быть. Что мне до этого? Принеся новость в Сарк, я, обезумев, долго бродил по пустыне, пока не набрел на эту пещеру, где и лег, истощенный до смерти. Знай, что и во мне была слабость веры, такая же, как и в тебе. Меня спас Меч Онотиманоса

— Ты тоже бездущен благодаря его силе?

— Наверное. Мне пришлось это сделать самому. Может быть, я чуть ошибся, и сейчас я подозреваю, что часть души вернулась в меня, как плохо выполотые сорняки возвращаются на поле. Как видишь, отсутствие души ничем не повредило мне. Скорее наоборот. Милостью Вотанты я прожил долгую жизнь.

— Достаточно долгую. Даже слишком.

Неожиданно бросившись вперед, Куманос схватил старика за горло и за плечо, подняв легкое тело на высоту своих глаз.

— Теперь, когда ты перелил мне чашу своей мудрости, придется покончить с твоей бесполезной жизнью.

Повернувшись, Верховный жрец размахнулся и бросил сопротивляющегося отшельника на оскалившуюся череп у стены. Один из острых шипов глубоко вошел в голову Солона, налетевшего на него

Отвернувшись от дергающегося в агонии тела, Куманос собрал нужные предметы из наследия учителя и вышел в ночную тьму. Теперь, обретя за прошедший день столь многое, Верховный жрец не видел никаких трудностей на пути к достижению своей цели — служению великому богу Вотанте.

Глава III

КАРАВАН-САРАЙ

Босая танцовщица, изгинаясь и извиваясь, двигалась по песчаной площадке перед большим костром. Неуловимым движением руки с ярко наманикюренными ногтями одна из тонких, почти прозрачных шелковых накидок, скрывавших тело девушки, была брошена в огонь. Легкий всплеск яркого пламени — и от куска ткани не осталось даже пепла. Лишь облако невесомого дыма поднялось к черному ночному небу.

Танец Шарлы и сам по себе напоминал пульсирующее пламя. Так, по крайней мере, казалось Конану, наблюдавшему за нею. Легкие шажки, быстрые пируэты, прыжки — четко в такт все ускоряющемуся ритму цимбал. Сидя рядом с костром, киммериец ясно видел, как сквозь оставшийся шелк блестит вспотевшая кожа на животе девушки. Чтобы и самому не взмокнуть от жара ила танца, Конан передвинул свой стул подальше под навес.

Караванный квартал Оджары представлял собой лабиринт низких строений и проходов между ними, сходившихся к большому центральному двору, прямо за Таможенными воротами. Здесь был колодец и стойла, а места хватило бы для верблюдов и лошадей полудюжины больших караванов и для палаток и шатров их погонщиков. Караван-сараи и трактиры, обслуживающие караванный квартал, были построены в форме открытых в одну сторону зданий. Перед отсутствующей стеной лежал каменный очаг. Во время песчаных бурь помещения закрывались на ночь, тяжелыми войлочными шторами.

Эту ночь лишь один караван проводил в Оджаре: что поделать — не сезон. Да и груз этой процессии, направлявшейся дальше на запад, был непригодным для городской казны — соль. Пожалуй в Стигии этот товар был настолько редок, что ради такого каравана иной правитель мог поднять целый отряд своих воинов. Со своего места Конан мог видеть черное небо, мерцающие звезды, чей слабый свет вырисовывал городскую стену чуть ниже отделявшую сам город от караванного квартала.

Танец приближался к своей кульминации. Это можно было почувствовать по возбуждению среди зрителей — погонщиков верблюдов, все ближе и ближе подбиравшихся к центральному костру. Но Шарла хорошо знала свое дело. Она легко ускользала от тянувшихся к ней рук, а когда от толпы отделялась и направлялась к ней очередная нетвердо стоящая на ногах фигура, легким движением ноги девушка отправляла в глаза слишком нетерпеливому зрителю облако песка.

Еще одно покрывало полетело в костер и взметнулось к небу легким языком пламени. Оставались еще два из первоначальных семи. По крайней мере, так казалось Конану, если, конечно, он не сбился со счета, перепутав покрывала танцовщицы и кружки крепкого арака, выпитые им за вечер.

Представление шло к концу. Изголодавшиеся без женщин кочевники стеной приближались к танцовщице. Шарле пока удавалось держаться на расстоянии от жадно тянувшихся к ней рук.

В какой-то миг последнее покрывало вспыхнув в костре, осветив обнаженные плечи и грудь девушки и застонавших зрителей. Но в следующую секунду Шарла уже исчезла за крепкой дверью комнаты танцовщиц. Раздался лишь звонкий стук закрывшегося засова.

Когда некоторое время спустя она вновь появилась во дворе, прикрыв наготу новым шелковым одеянием, ее преследователи уже постыли, успокоенные вином и обществом других девушек — пусть и не таких талантливых, но зато куда более покладистых. Шарла направилась в сторону Конана, сидевшего за длинным столом под навесом.

— Эй, виночерпий, — крикнула она, — мне чего-нибудь прохладного, а этому чужеземцу — больше ни капли арака! — С этими словами она обвила руками шею Конана. — Ему нужно пропретреть до ночи, чтобы к утру я осталась довольна.

Она легко опустилась на соседний с Конаном стул, не отпрянув, когда его могучая рука обняла ее за талию. Наоборот, ее глаза с вызовом глядя на остальных клиентов. Девушка ощущала себя под защитой могучего пришельца из далекой северной страны.

— Ну, Конан, — спросила Шарла, поворачиваясь к нему, — как тебе понравился мой танец? Это похоже на то, что ты видел в кабаках далекою Шадизара Проклятого?

Конан рассмеялся:

— Ну, положим, в Шадизаре публика еще больше увлеклась бы участием в действии. Эти глупцы бросились бы друг на друга с ножами и кулаками даже не дождавшись финала. Эти кочевники пустыни вели себя куда более сдержанно.

Рука киммерийца скользнула по спине девушки вверх и погладила ее шею.

— Ты танцевала просто великолепно... Здесь, в этом захолустье... такой танец. Что-то невероятное.

— Правда? Я ведь танцевала специально для тебя.

Шарла просто тая от удовольствия, повернулась и взяла из рук подошедшего виночерпия свою чашу.

— Детка, твой танец был подобен лучу звезды, рассекшему ночное небо, — раздался еще один голос. — Он сравним с галопом легкого верблюда из Афганистана! Кстати, меня зовут Мемчуб.

Обладатель голоса оказался толстым человеком с короткой бородой, в шелковом одеянии, типичном для восточного Шема. Наверное, старший погонщик каравана, остановившегося на ночь в Оджаре, подумал Конан. Подойдя к танцовщице сзади, кочевник сжал пальцами ее плечо:

— Если посидишь со мной, я скажу тебе еще много о твоем танце. Сами звезды застынут, слушая мой восторженный рассказ...

— Нет, спасибо за похвалу. Но лучше пойди и расскажи, что хочешь, другим девушкам. Их тут в сарае полно. Я артистка, а не шлюха. Когда-нибудь я буду танцевать в Храме Единственной Богини или в благородном городе Шадизаре. Кроме того, сегодня я не одна. — Шарла кивнула головой в сторону Конана.

— Не одна? А, понимаю. Молодой, крепкий бычок. Я таких уже много нанимал. Мог бы и еще кой-кого работой обеспечить. Караван у меня большой. — Небрежно оглядев киммерийца, шемит вновь повернулся к Шарле: — Ты же артистка. Тебе нужно нечто более возвышенное. Изящное обращение, тонкая беседа с умным человеком, приятные подарки и тонкое вино. — Отодвинув полу плаща, купец показал плотно набитый кошелек, висевший на поясе. — Да и несколько золотых монет из дальних государств тебе тоже не помешают.

— Слушай, ты, — рявкнул Конан, одной рукой сжав плечо купца так, что у того захрустели кости, — девушка хочет, чтобы ее оставили в покое.

— Он прав, — сказала Шарла, глядя на чужака, — но, Конан, не забывай: Анаксу, хозяину караван-сарая, не нравится, когда ты без нужды уродуешь его клиентов. Можешь отпустить несчастного, если он пообещает вести себя хорошо. — Повернувшись к Мемчубу, она предложила: — А если тебе скучно одному, я уверена, что милашка Бабета будет счастлива скрасить твое одиночество.

Бабета, услышав свое имя, вспорхнула с колен менее удачливого погонщика и подбежала к Мемчубу.

— Еще бы, для меня большая честь разделить общество такого благородного аристократа, — защебетала она, вытянув для поцелуя ярко накрашенные губы. — Какое

удовольствие пообщаться с человеком, который, ухаживая за девушкой, по крайней мере отвлекается от чистки верблюда.

Мемчуб, массируя ноющее плечо, несколько тоскливо смотрел на Бабету, не решаясь больше поднять глаза на Шарлу. Та потратила еще несколько мгновений на то, чтобы представить их друг другу и отвести купца и кабацкую шлюху к маленькому столику в углу. Затем она вернулась к Конану, который за время ее отсутствия разжился очередной порцией выпивки.

— О чем задумался? — спросила Шарла, присаживаясь рядом. — Опять вспомнил свою далекую северную страну? Думаю, по сравнению с тем, что ты видел в своих странствиях, наш город — просто дыра.

Она положила свои бледные ладони на его бронзовые от загара плечи. Тонкие пальцы скользнули под короткие рукава его грубой куртки.

— Но если ты будешь ближе принимать к сердцу жизнь Оджары, она тебе покажется очень даже сносным местом. Слушай, Конан. Давай сегодня ночью не пойдем в поля за стенами, в тень пальм оазиса. Почему бы нам не провести одну ночь в моем доме внутри городских стен? Меня каждый раз дрожь колотит, когда я вспоминаю, как ты возвращаешься в темноте в свое логово у реки после того, как мы расстаемся.

В ответ Конан лишь благодарно промурлыкал что-то по поводу ласковых пальцев, скользивших по его плечам и шее, но затем вразил:

— Нет, девочка. Я как-то лучше себя чувствую за стеной. В душе я, наверное, бедуин... моя постель, звезды — мое одеяло... — Он покосился на сидевшего в отдалении Мемчуба. — А кроме того, — добавил Конан менее поэтично, — если я остановлюсь у тебя, злые языки разнесут, что ты меня содержишь. Это не улучшит твою репутацию. Да и мою. Не забывай, Шарла, я — перекати-поле, вольный меч. С первым же караваном, идущим на север, я покину этот город.

— Да, конечно. Я все понимаю. Ты, безусловно, прав.

Шарла сняла руки с плеч Конана и отодвинулась. Вскоре она затянула разговор с Анаксом, хозяином караван-сарай, предоставив киммерийцу размышлять о том, насколько сильно он обидел ее. Однако киммериец вряд ли хоть на миг усомнился в своей правоте.

Постепенно пары арака, купленного на деньги, заработанные при сопровождении последнего каравана, совсем прогнали его нерадостные мысли.

Вскоре он даже забыл о Шарле: его внимание привлекла другая женщина, сидевшая в одном из углов заведения и поочередно беседовавшая с разными посетителями.

В центре караван-сарай стояли длинные столы со скамьями вдоль них. Около стен расположились небольшие столики со стульями и табуретами. Несколько подушек и низких столиков стояли снаружи у входа — для тех, кто не представлял ночевки или отдыха без звездного неба над головой. В глубине несколько каменных ступеней, которые вели в верхние комнаты — спальни. Вот около этой лестницы за маленьким столиком, освещенным свечой, и сидела заинтересованная Конана девушка.

Она была одета, как большинство здешних женщин, в длинное темное платье с капюшоном. Ее нос и рот были прикрыты чадрой, но из-под капюшона все равно были видны тонкие изящные брови и глаза, сверкающие, словно пятна на перьях павлина. Она потягивала время от времени какой-то напиток и говорила по очереди с разными людьми. Большинство из них были местными — обслугой караван-сарай, которых Конан знал в лицо. Они усаживались напротив девушки по одному или парами и говорили о чем-то. Со стороны это было похоже на какой-то хорошо отработанный ритуал, что-то вроде обмена. Но ни деньги, ни товары не переходили из рук в руки. Иногда можно было разобрать голос девушки, доносившийся сквозь взрывы хохота, громкие разговоры и звуки флейт музыкантов.

Подчас Конан ловил на себе ее взгляд. Похоже, девушке трудно было удержаться от того, чтобы не смотреть в его сторону. И похоже, после каждого такого взгляда ее щеки заливались румянцем. Посчитав себя приглашенным, Конан подождал, пока очередной собеседник отойдет от стола со свечой, и занял место напротив девушки.

— Я Конан, путешественник. Приехал сюда из дальних краев. — Усаживаясь поудобнее, он улыбнулся загадочным глазам. — Похоже, ты тут всех знаешь, а я тебя вижу впервые. Вот я и подумал, что нам следует познакомиться. Скажи, когда все эти люди подсаживаются и говорят с тобой, — что же это значит?

Она моргнула и снова покраснела. Конан был в этом уверен, хотя большая часть лица девушки была скрыта.

— Что это значит? Ну, я предсказываю их судьбу.

— А, ведьма.

На какой-то миг Конана затрясло в ознобе, его спина покрылась холодным потом. Слишком много раз такого рода колдуны и шаманы пытались заколдовать и убить его. Но он быстро овладел собой. В конце концов, разве могла эта молодая женщина, столь нежная и стеснительная, принести ему хоть какой-то вред?

Улыбнувшись, он наклонился над столом и спросил:

— А почему ты ничего не берешь за свои услуги?

— Брать с людей деньги? — улыбнулась она в ответ. — Нет, ведь для меня это только развлечение. Я не настолько хорошо владею своим даром и не хотела бы, чтобы люди слишком всерьез принимали мои гадания.

— Значит, это скорее шутка, — кивнул Конан. — Хорошо, потому что колдовство... в общем, ладно. А как тебя зовут?

— Что? Ах да, мое имя Инара.

— Понимаешь, Инара, я считаю, что слишком точное предсказание обязательно будет нести изрядную долю предстоящих несчастий и трагедий.

— Да, — с готовностью согласилась она. — Я уже видела такое. К счастью, судьбы большинства жителей Оджары, по крайней мере в ближайшем будущем, ну... скажем, ничем не примечательны.

Она говорила чуть взволнованно, все еще избегая смотреть на своего нового знакомого.

— Я рассказываю им то, что вижу, скорее потехи ради, да и чтобы попрактиковаться. Я не прошу платы, но время от времени... — она двумя пальцами приподняла вуаль и пригубили из своего почти пустого кубка, — иногда кто-нибудь угощает меня кубком нарцинта, который поддерживает меня в форме.

— Нарцинт — вино из лепестков жасмина? — Конан взял ее чашу большим и указательным пальцами и понюхал янтарную жидкость. — Крепкая штука, однако.

Он щелкнул пальцами и крикнул хозяину

— Анакс, еще два нарцинта!

— Это будет второй кубок за вечер. Я никогда не пью больше двух. Приходится приходить сюда, там, у меня дома... на ферме, нет таких напитков. А именно нарцинт пробуждает мое внутреннее зрение и дар предвидения.

— Что? Ты утверждаешь, что нарцинт позволяет тебе предсказывать будущее? — Конан потряс головой. — Никогда не слышал о таком эффекте. Вино, безусловно, может стереть прошлое, но приоткрыть будущее...

— Я не читаю будущее, как по свиткам, и не вижу его картинки, словно в волшебном зеркале или сосуде. Но именно нарцинт приносит мне мои ощущения...

— А какие они, эти твои ощущения?

Инара задумчиво покачала головой:

— Я вижу какие-то вещи рядом с людьми. Чувствую, как они будут связаны с их будущим.

— Какие вещи ты видишь?

— Мне нужно время, чтобы сосредоточиться и всмотреться. Ну, например, видишь этого человека... ну того, который смотрит за игроками в кости.

— А, тот турецкий.

— Да, в зеленом тюрбане. Так вот, вокруг его шеи сомкнулся ошейник раба.

— На нем нет ничего. — Конан перевел взгляд с турецкого на девушку. — А мы про одного человека говорим?

— Я тебе говорю, что вижу вокруг его шеи бронзовый ошейник. — Инара пригубила вино. — Значит, он когда-то был рабом.

— Или будет?

— Нет, ошейник стар и выношен. Я скорее склонна думать, что это след прошлого... Если бы он блестел, тогда видение могло бы относиться и к будущему. — Глаза Инары сверкнули из-под вуали. — Конан, дело в том, что я уже говорила с ним сегодня. Он показал мне шрамы и рубец от ошейника и рассказал, что долгие годы дождался свободы.

Конан хмыкнул:

— Ну, это нам ничего не доказывает. Нам не нужны предсказатели прошлого, особенно нашего личного прошлого, которое многие хотели бы сохранить в тайне.

— Для меня это доказывает многое, подтверждая правильность моих предчувствий.

— Ну, это понятно. А как ты отличаешь то, что реально есть на человеке, от того, что тебе только грезится? Ну, например, этот ошейник и тюрбан на голове того парня?

— Вокруг моих видений всегда какое-то легкое сияние. Я могу их видеть только с определенных точек и только под воздействием этого пьянящего напитка.

— А что ты скажешь о парне, играющем в кости? Вон, смотри, сидит рядом с тем, в тюрбане. У него еще такой злой взгляд, да еще и шрам на шее.

— Его здесь нет. — На удивленный взгляд Конана она ответила: — Я вижу стакан на кости, но лишь свечение в виде рук заставляет их двигаться. А от человека остался лишь слабый, чуть видный контур. Он погибнет. Погибнет или пропадет без вести. И очень скоро. Он уже почти исчез из мира моих грез.

— Да, печально. — Все еще не веря, Конан настойчиво спросил: — А женщина, которая держит его под руку и смеется?

— Она ждет ребенка. А еще — ее глаза полны слез, светящиеся капли оставляют следы, скатываясь по ее щекам.

— Неплохо, однако. Твой дар может быть очень полезен, — задумчиво произнес Конан и резко повернувшись к Инаре, спросил:

— А что же ты видишь, глядя на меня? Что так смущает тебя?

— Да ничего. — Видя, что ее ответ не удовлетворил собеседника, Инара пояснила: — Вообще-то эти вещи не так уж важны. Иногда они вовсе ничего не значат... Так, пустяки. — Она отвернулась.

— Ладно тебе, девочка, — подбодрил ее Конан. Я столько мрачных предсказаний пережил, да и стольких предсказателей...

— Ну, когда... когда я смотрю на тебя, я вижу тебя в боевом снаряжении. В доспехах... и все, ничего больше.

— В доспехах? — пробурчал Конан. — Надеюсь, набор полный?

— Нет, — признала она, покраснев до ушей и уставившись в стол. — Только грудная пластина, налокотники и щитки на голени... Ну и золотой шлем с большим плюмажем.

Позолоченный меч... Все оружие так сверкает!

— Ну... — Неожиданно для себя Конан обнаружил, что стыдливый румянец может быть заразительным. Прокашлявшись, он постарался убрать лицо за круг света, падавшего от свечи, и, скрестив руки на груди, задумчиво сказал: — Ничего стыдного в общем-то в этом нет. В некоторых коринфийских городах аристократы сражаются именно в таком виде, но крайней мере так говорят. Может быть, все это означает только то, что я вскоре отправлюсь на север и добьюсь там высокого положения...

В этот миг их глаза случайно встретились, и оба не смогли удержаться от смеха. Громко чокнувшись, они осушили свои кубки под заинтересованными взглядами остальных посетителей. Молодая девушка откинулась на стуле, чуть не опрокинувшись назад. Конану пришлось схватить ее за руку, чтобы удержать от падения. Отпуская ее, он осторожно разжал пальцы, словно выпуская на волю хрупкую птицу.

— Ну, Инара, — наконец Конан смог продолжить разговор, — а что думают о твоих талантах дома, на твоей ферме? Что говорят соседи?

— Они и не знают об этом. Моя семья — верные почитатели Истинной Богини, и у нас в доме и речи не может идти о всяких призраках и другой мистике. Когда мне это надоедает, я прихожу сюда, чтобы пообщаться с друзьями.

— Понятно.

— А кроме того, — добавила Инара, — здесь, в караван-сарайах, у людей куда более интересные судьбы.

Конан осмотрел помещение, словно желая выяснить, не продолжает ли кто-нибудь подсматривать за ним и его собеседницей. Похоже, все занимались своими делами. Даже Шарла, обидевшись, ушла в тот угол, где сидел Мемчуб, ранее отвергнутый ею. Словно желая отомстить Конану, она что-то нашептывала на ухо купцу, полуобняв его. Бабета сидела рядом, не понимая, что происходит.

— Инара, скажи, что ты видишь в судьбе того купца, хозяина каравана, который сейчас беседует с танцовщицей и ее подружкой?

— Я не вижу там человека, — весело и не задумываясь ответила Инара. — Шарла прижимается к брюху толстого, увенчанного золотой сбруей, но все равно пропахшего навозом верблюда.

Вновь из-за столика у лестницы раздался взрыв хохота. На этот раз он оборвался неожиданно. Инара резко схватила Конана за руку.

— Ой, там вооруженные люди, воины храма. Они не должны видеть меня здесь.

Конан увидел стражников в их традиционных синих туниках — высокие, ловкие воины с мечами, укрепленными за спиной так, что рукоять длинного клинка торчала из-за спины. Они стояли вшестером в одну линию по другую сторону костра. Затем они двинулись вперед, между посетителями таверны, останавливаясь лишь, чтобы присмотреться повнимательнее к некоторым или задать пару коротких вопросов. В их движениях сквозила дисциплина и самоуверенность. На них не было никаких доспехов, лишь небольшие серебряные шлемы, плотно сидящие на головах.

Глаза Инары наполнились страхом, она вжалась в угол, стараясь слиться со стеной. Конан негромко сказал ей:

— Не волнуйся, сейчас я устрою здесь шум, а ты выжди момент и смытайся.

Не торопясь поднявшись со стула, Конан спокойно направился в сторону Шарлы, обходя других посетителей.

— Ну, Конан, — ехидно спросила танцовщица, когда он подошел поближе, — познакомился с Инарой? Что же тебе напела эта великая предсказательница?

Не обращая на нее внимания, отодвинул девушку от Мемчуба, слегка оттолкнул ее, а затем крепко взял в охапку толстого купца.

— Ну, мерзавец, — заревел Конан, — сейчас ты у меня узнаешь. Еще что надумал! Приставать к это посерьезнее, чем верблюдов воровать!

Перехватив поудобнее несчастного купца, киммериец запустил его, словно камень, в сторону стола, где вовсю шла игра в кости. Немедленно раздались раздраженные крики игроков и зрителей, затем — крики остальных посетителей, желавших восстановить порядок. Послышились и требовательные команды храмовых воинов.

— Прекратить! — самый властный окрик заставил Конана обернуться. Киммериец ожидал, что стражники выхватят мечи, но они лишь отстегнули свои ножны, чьи металлические канты не хуже дубинок обрушились на возбужденных, орующих посетителей таверны.

Двое из стражников явно направлялись в сторону Конана. От первого киммериец отделялся легко. В последний момент он шагнул в сторону и, резко развернувшись, словно случайно ткнул локтем в грудь воину. Этот толчок отбросил беднягу на стол где и без того уже шла оживленная дискуссия, по поводу перевернутой кем-то кружки.

Второй воин был явно сильнее и опытнее. Золоченый шлем выдавал его более высокое звание. Его движения были ловки, быстры и точны. В какой-то миг тяжелые ножны его меча даже поцарапали плечо Конана, упорно не желавшего замечать присутствия представителей власти.

Киммериец делал свое дело, двигаясь по периметру помещения и поднимая все больший шум. Стоило кому-нибудь из грубо задетых им посетителей возмутиться и попытаться выяснить отношения, как он тотчас укладывал очередного постанывающего несчастного между собой и преследователями. Неожиданно эпицентр беспорядка перенесся в другое место. Раздались возмущенные крики, послышалась возня. Оборвал все властный окрик одного из стражей: «Умри, вор!» — и последовавший короткий стон.

Конан развернулся и, растолкав застывших драчунов, подобрался поближе к месту происшествия. Там на полу лежал ничком один из посетителей. В его спине зияла глубокая рана. Вина погибшего была очевидна: в одной руке он все еще сжимал кинжал, в другой — полный монет кошелек, срезанный с чьего-то пояса.

Воин в золотом шлеме стоял над трупом. С его меча еще стекала кровь. Не нагибаясь, он носком сапога перевернул лежащее тело, чтобы убедиться в том, что оно безжизненно. Затем он вытер меч о платок, стянутый с шеи убитого, и вернул клинок в ножны. Мемчуб, бормоча благодарности, нагнулся и поднял свой кошелек. Погибшим вором был тот самый человек со шрамом на шее, чью короткую жизнь предрекла Инара.

— Вот таковы последствия беспорядка и лишних скандалов. Виновный понес наказание, — говоря эти слова, воин внимательно осматривал толпу, — но есть и другие виновные. Ты, чужеземец, не привыкший к цивилизованным способам решения споров. Будь осторожнее и вежливее в Оджаре! — Его холодные серые глаза вперились в Конана.

— Слушай ты, болтун, победитель карманников, — взорвался Конан. — Осмелившись ли ты угрожать мне кулаком или клинком, а не сотрясать воздух пустыми словами?

— Хватит! — рявкнул воин-жрец, оборвав киммерийца. — Одной смерти достаточно, чтобы навести порядок на вечер и ночь. Хотя вы, пришлые варвары, — сказал он, обращаясь уже ко всем посетителям караван-сарай, — не умеете ценить покой и порядок. Значит, так. Здесь не собираясь, займитесь своими делами и не вздумайте привязываться к нашим гражданам.

К удивлению Конана, большая часть толпы, состоящая из местных жителей, радостно приветствовала эти слова:

— Слава Занусу, величайшему из всех храмовых воинов! Слава Великой Богине Садите!

Слава!

Толпа, выполняя приказ, разошлась. До слуха Конана долетели обрывки фраз:

— Видел? У вора был кинжал. Он хотел убить Зануса!

— Это уже двадцатый человек, убитый Занусом. Да, Занус станет величайшим воином всех времен и народов.

Конан, подумав, не стал вступать в спор с местными жителями. Он поиском глазами Инару и не нашел ее. Значит, цель была достигнута. На память пришло пророчество о скорой смерти человека со шрамом. Значит, ее слова — не просто шуточки. Киммериец повернулся, чтобы уйти, и тут фраза, сказанная одним из воинов, словно громом поразила его:

— Значит, слухи оказались враньем. Принцессы Африандры здесь нет.

Глава IV

РАБЫ ИЗ ШАРТОУМА

Тулбар Гирканец очнулся от тяжелого сна. Он лежал молча, прислушиваясь к дыханию лежащих вокруг и к шевелящемуся на ночном ветру холсту палатки. Точного времени он не знал, но по крайней мере луна еще не взошла. Но если инстинкт не обманывал его, то ночное светило должно было вот-вот показаться из-за хребта на востоке. Тогда можно будет действовать.

С детства лунный свет заменял Тулбару солнечный. Не случайно Улла — Луна слыла покровительницей его клана, клана воров и авантюристов. Обшаривал ли Тулбар соседние огороды или обчищал сокровищницу замка — всюду и везде луна освещала его путь и благословляла его дела. Всегда, когда остальным людям ситуация казалась черной и неудачной, он находил в ней для себя пользу, действуя при лунном свете.

Его друг Хекла наверняка тоже услышал этот немой призыв. Наверняка этот маленький воришко уже проснулся и так же тихо лежит под своим одеялом в дальнем углу палатки. Цепи не сковывали их, не было ни решеток, ни стен. А эти двое были не из тех, кого целой толпой можно гнать, словно стадо, под охраной нескольких солдат. Сейчас-сейчас, стоит луне взойти и осветить им путь, — как их и след простынет.

Тулбар даже не мог поверить в то, как ему и Хекле повезло, когда их взял в плен шейх Шартоума. Налеты на караваны не считались большим преступлением в южных пустынях. Главной виной Тулбара было то, что он посмел действовать в тех местах, которые шейх считал своими охотничими угодьями. Неизвестно почему Тулбар и его приятель были оставлены в живых в качестве пленников — видимо, шейх решил при случае использовать их.

Такой случай представился довольно быстро. К шейху прибыл из какого-то Сарка отряд воинов, сопровождавших мрачного жреца Куманоса и двух его помощников. Идею продать в рабство собственных подданных шейх принял еще спокойнее, чем воровство. Больше двух сотен селян были согнаны со своих полей и огородов и уведены под конвоем саркадийских воинов в восточные горы.

Тулбар, Хекла и другие пленники были включены в сделку. Сначала гирканцысыпали проклятиями своих новых хозяев и отказывались нести продовольствие, лопаты и ломы, свернутые палатки, которыми нагружали их солдаты. Не однажды у приятелей уже была возможность украсть лошадей или верблюдов и скрыться в пустыне. Но с некоторых пор от такого отчаянного шага их удерживал слух, прошедший среди рабов. Поговаривали, что их ведут на рудники в горах, где они будут добывать драгоценные камни для обогащения Анаксимандра — короля далекого города-государства Сарка.

Эти новости примирили приятелей-гирканцев даже с необходимостью тащить на себе груз воды и еды. Интересно, многие ли кладоискатели были так удачливы, как они? Выяснив местоположение рудников, они нагружают свои мешки добычей и исчезнут, чтобы вернуться туда позднее. Может статься, с собственной командой копателей и охраной. Путь был тяжел. Некоторые — особенно пожилые женщины — не выдержали его и умерли по дороге. Но Тулбар и Хекла были полны надежд, что давало им дополнительные силы.

Пейзаж вокруг их процессии менялся день ото дня. Холмы стали выше, а земля из выжженной пыли превратилась в плодородную почву. Многочисленные мелкие речушки сливались и потоки, несшие свои воды вниз по долинам. Повсюду зеленела трава, кусты, попадались деревья. Ни рыбы, ни птицы не обитали в этих местах, по крайней мере путникам

они не встретились, зато долины и луга кишили сурскими, грызунами, жабами, черепахами и разными насекомыми. Частенько всем, даже рабам, доставалось на ужин мясо подстреленных из луков зверей. И хотя зачастую трудно было определить, на кого больше походила добыча — на кролика, сурка или водяную крысу, никто не возражал против наличия в рационе свежего, ароматного мяса.

Росшие в этой местности растения тоже достаточно странными: ветви привычных деревьев и кустарников изгибались самым причудливым образом, подставляя солнцу невиданных размеров листья. Самые невероятные формы принимали кактусы. Тулбар заметил, как перед некоторыми из них Куманос опускался на колени и читал молитвы.

Во всяком случае, дорога в этих местах, где было много воды, растительной и даже мясной пищи, была намного легче, чем в пустыне. Ущелья становились все уже, все выше вставали склоны гор, но обильные потоки все еще сбегали по их склонам.

Их питали, как оказалось, горячие ключи. Древняя тропа, по которой двигался отряд, проходила мимо одного из таких источников — узкой щели в склоне горы, наподобие оскаленной желтозубой пасти. К ее губам примыкал горячий бассейн с зеленоватой водой, покрытой бурой пеной. Ручей, стекавший по камням от бассейна, на каждом уступе выбрасывал в воздух струйку пара. Как показалось Тулбару, все растения, облепившие источник, шевелились листьями даже без малейшего намека на дуновение ветра.

Однако вода оказалась неплохой на вкус, что облегчало отряду дальнейший путь.

Наконец они добрались до древних рудников, расположенных в более безжизненном, мрачном месте у самого подножия хребта. Похоже, первые рудокопы появились здесь за много веков до того, хотя выработанная порода не напоминала Тулбару ни об одном известном ему драгоценном металле или камне. Сами шахты были закупорены огромными глыбами камня и символически залиты воском и опечатаны магическими печатями. После торжественной молитвы и снятия восковых печатей потребовалось усилия всех рабов, чтобы, впряженные в веревки, сдвинуть эти глыбы и освободить вход в шахты.

Один из гигантских камней, выкатившись из горловины шахты, прокатился дальше вниз по склону, задавив по пути двух рабочих. Куманос обратил на это происшествие не больше внимания, чем на мелкие неурядицы, постоянно возникавшие во время экспедиции. Правда, один из его помощников исполнил ритуал прощения с душами погибших.

Всего шахт было три. Входы в них разделялись несколькими сотнями шагов вдоль склона. После вскрытия был произведен их беглый осмотр, выяснилось, что лишь ближайшие к выходу крепежные бревна были источены личинками огромных пауков, шатающихся во все стороны при первых лучах света. В глубине все подпорки и балки оказались сухими и прочными, что существенно облегчило работу экспедиции, так как в долине было мало подходящих деревьев.

Впервые попав в шахту, рабочие сделали странное открытие: по мере продвижения вглубь горы дневной свет постепенно становился слабее, но на смену ему вместо темноты приходило зеленоватое свечение, шедшее прямо из самой скалы. Ярче всего сверкали свежеотковотые куски руды. Это было зловещее зрелище — мерцающие зеленым огнем камни, теплые на ощупь, постепенно становившиеся обычными серыми обломками по мере приближения к выходу.

Этот природный источник света позволил рудокопам отказаться от коптящих и ненадежных масляных ламп. В первый же день началась работа. Мужчины орудовали кирками и лопатами в забоях, а женщины выносили корзины с рудой на поверхность. Руда шла толстыми жилами, и требовалось лишь слегка обкопать ее от окружающей породы. Кое-где в природных трещинах и пустотах рабочие обнаруживали прозрачные зеленоватые кристаллы, не теряющие своего цвета при попадании на открытый воздух.

Даже приблизительный подсчет показывал, что судя по затратам, король Анаксимандр

рассчитывал накопать здесь металл необычайной ценности. Этот факт в сочетании со сравнительной легкостью копания ставил перед Тулбаром вопрос: почему тогда эти рудники не были выработаны много столетий назад? Например, что мешало тем же жителям Шартоума выкопать эту руду для себя? Частичный ответ гирканец нашел в предположении, что обогащение этой руды и выплавка металла, видимо, достаточно сложны и жители государств пустыни, типа Шартоума, просто были не в состоянии осуществить эти процессы.

Кроме того, наверняка эти рудники были объявлены своего рода монопольной собственностью монархов Сарка. Эту монополию поддерживали магические проклятия, заклинания, а также военная угроза. Таким образом, рудники становились наследуемым складом сокровищ саркадийских правителей. Какую-то роль здесь играла и мистика. Например, руда из всех трех тоннелей ничем не отличалась друг от друга. Но под страхом смерти Куманос запретил смешивать разные руды. Руда упаковывалась в заплечные корзины с крышками разных цветов — черными, красными и желтыми. Малейшая небрежность и любая попытка воровства карались немедленной смертью.

Старший жрец Куманос произвел на Тулбара впечатление холодного, жесткого лидера. Со своими помощниками — двумя младшими жрецами он говорил на гортанном, жестком саркадийском наречии. Эти двое, хоть и старались во всем следовать своему повелителю, проявляли нормальные человеческие черты и слабости: они были сердиты и довольны, злились на рабочих, а подчас, видя хорошую работу, явно выражали свою симпатию. Куманос же, напротив, делал все абсолютно бесстрастно, будь то молитва или исполнение во всех деталях какого-либо другого ритуала. Единственный из всех саркадийцев, владеющим диалектом шартоумских бедуинов, он очень редко говорил с рабами и ни разу не обратился к ним всем, чтобы пообещать награду или дать какую-то надежду. Мотивы, заставившие его войти в эту экспедицию, были предметом постоянных размышлений Тулбара.

Еще большее внимание всех привлек к себе Куманос, когда среди рабов стали распространяться разные болезни. Сначала тела многих из них покрывались какими-то язвочками и струпьями. Малейшие ранки не поддавались лечению. Никто не мог понять, в чем дело. Работа была вполне терпимой, питание — более чем сносным. Воды было в избытке даже для мытья. Тулбара и Хеклу эти неприятности до поры до времени миновали, а вот измучившиеся шартоумцы несколько раз посыпали делегатов к Куманосу с просьбой о помощи.

Помощи не последовало, хотя и предложить было действительно нечего. Куманос объяснил это укусами пауков, водившихся в шахтах. То же объяснение он дал и когда более тяжелые болезни стали валить с ног одного рабочего за другим.

Тулбар вспомнил все это и вздрогнул. Ну ничего, теперь всему этому скоро конец. Восточные палатки осветился серебристым лунным светом. Этого было достаточно, чтобы пройти между спящими, не поднимая шума. Хекла наверняка уже готов, прижимает к себе мешок с добычей — зелеными кристаллами, — результатом долгой практики в различном воровстве. Тулбар тихо поднялся и направился к постели друга.

Перешагнув одного за другим двенадцать спящих, он остановился. В палатке не было слышно ни звука, кроме дыхания спящих и храпа. Опасаться особо было нечего: рабы так выматывались за день, что вряд ли проснулись бы от легкого шороха шагов. Часовые наверняка тоже спят, привыкнув у к покорности своих подопечных. Тулбар сделал последний шаг и нагнулся над циновкой, на которой спал Хекла.

Приятель, похоже, не слышал его приближения. Хекла лежал, натянув на голову верблюжье одеяло. На него это было не похоже. Может быть, маленький воришко заболел? Аккуратно, чтобы не напугать друга, Тулбар положил руку ему на плечо. Что-то заставило его заволноваться, и гирканец, приподняв угол одеяла, заглянул под него.

Свет!.. От неожиданности и со страху гирканец дернул одеяло на себя и отбросил его.

Камни — кристаллы, выкраденные им в шахте и отданые Хекле на хранение, — ярко светились в темноте. Они прожгли насквозь все тряпки и мешки, в которые были завернуты. Но они прожгли и нечто другое. В самом центре изумрудного сияния тело Хеклы было выжжено вплоть до костей. Клочья паленого мяса свисали с краев раны. Отвратительный запах горелой плоти поплыл по палатке, жжение камней заставило Тулбара отдернуть руку.

Его кашель и изумрудное сверкание разбудили остальных. Они сгрудились вокруг полусожженного скелета, одни молясь, другие — со стенами отчаяния. Чуть позже появились стражники, загнавшие всех рабов в один угол, а затем вытащившие наружу полусожженные останки и ворованные камни-убийцы.

Тулбар был схвачен как друг вора и соучастник. Его привели к Куманосу, который, против ожидания, встретил его без злости и раздражения.

— Тебе тяжело среди нас, — сказал жрец дрожащему вору. — Ты ведь не из шартоумцев. А теперь и друзей не осталось. Тяжесть ноши, возложенной Вотантой на твои плечи, чрезмерна. Я понимаю тебя и сочувстую.

Жрец снял с шеи свой амулет — обломок розового клинка, висевший на шнурке.

— Я могу помочь тебе, облегчить тяжесть испытаний, выпавших на твою долю.

Направив обломок ножа на Тулбара, Куманос подошел поближе...

Глава V

ВЫЗОВ ПРИ ЛУНЕ

Храмовые танцовщицы, покачиваясь в такт музыке, двигались хороводом у подножия статуи Единственной Истинной Богини Садиты. Ступая босыми ногами по мраморному с синими прожилками они держали безупречный круг. Каждая по очереди делала шаг вперед, к центру круга, и тип свой особый танец.

Дневная жара смягчалась глубокими тенями колоннады храмового портика. В глубине храма стояла главная святыня — скульптура высокой и стройной женщины-воина с копьем. Ее лицо было столь же бесстрастным, как забрало шлема. В центре танцовщицы обступили небольшой бассейн. За статуей виднелась покрытая изящной резьбой массивна деревянная дверь, ведущая во внутренние покои храма. В другом конце портика стоял большой стол, заваленный фруктами, сыром и лепешками — угощением для любого, пришедшего лицезреть священный танец и вознести хвалу богине.

Конан стоял неподалеку от стола, прислонившись к стене, прикрытой бархатной занавесью. Киммериец старался держаться чуть позади остальных прихожан. Хотя официально храм провозглашался открытым для любого, он не был уверен, что граждане Оджары с удовольствием увидят в своем святилище чужеземца. А лишних скандалов ему не хотелось. Храмовые воины несли свою службу, охраняя входы и выходы. Внутри храма собирались представители высшего общества города, никогда не появлявшиеся в караванном квартале. Все присутствующие были увлечены зрелищем танца. Поэтому никто, кроме Конана не заметил, как чья-то ладонь легла на его руку, не требовательно или повелительно, а скорее нежно и просительно.

— Я вижу, ты скинул с себя облачение воина и пришел сюда в приличной одежде, — произнесла женщина.

— А ты, девочка, я вижу, не прикладывалась сегодня к нарцину... Кром! — вырвалось у Конана.

Он с первых же слов вспомнил голос девушки из караван-сарай. Но женщина, стоявшая рядом с ним, — она выглядела совсем по-другому.

— А, так, значит, это правда, — собрался с духом Конан, — ты не Инара, а принцесса Аф... Афри...

— Африандра, — помогла ему вспомнить девушка. — А что привело тебя сюда, Конан-чужеземец? Неужели ты решил принести клятву верности Единственной Истинной Богине?

Киммериец не торопился с ответом, внимательно и разглядывая оказавшуюся так близко от него принцессу, так не похожую на девушку с вуалью за угловым столиком караван-сарай. Вместо темного платья на ней была голубая туника, вышитая золотой нитью и перехваченная на плече и у колен золотыми заколками. Каштановые волосы были подняты в высокую прическу, украшенную бутонами синих цветов. Обнаженные предплечья перехватывались золотыми браслетами, золоченые же ремешки сандалий поднимались по икрам. Она стояла просто, но с достоинством, подобающим принцессе или королеве, сжимая ладонью руку Конана в ожидании ответа.

— Я пришел, чтобы посмотреть, как впервые танцует в храме одна из знакомых девушек, танцевавшая раньше в караван-сарае, — пробурчал он наконец, кивая на танцующих жриц. — Ты наверняка ее тоже знаешь. Это Шарла.

Конан настороженно огляделся, но, похоже, никто и вправду не обращал на его беседу с

принцессой внимания — настолько псе были поглощены танцем.

— Боюсь, я не настолько близко с ней знакома, как ты. — Наблюдая за танцовщицами из-за плеча Конана, принцесса озорно улыбнулась: — Не волнуйся, ее примут в жрицы первой ступени. Сначала всегда так. А затем — все зависит только от ее веры и усердия. — Принцесса помолчала. — Недавно я увидела ее в одеяниях жрицы высокого ранга и рассказала ей об этом.

— Ну, тогда хорошо, — кивнул Конан, и помолчав, решился на нескромный вопрос: — А жрицы Садиты не обязательно должны быть... э-э... девушками?

— Нет. Невинность не является требованием для вступления в касту жриц. Ведь жрицы не отказываются от общения с мужчинами. Наоборот, любовь жрицы — это частица божественной любви, получаемой смертным мужчиной.

Африандра привстала на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть танцовщиц.

— Шарла отлично танцует, но эта ее манера вилять бедрами! Понятно, что ей долго приходилось танцевать в тавернах. Ничего, мама отучит ее, когда начнет заниматься с молодыми жрицами.

— Мама? Королева? — переспросил Конан, оглядываясь.

— Моя мать — еще и Верховная жрица Садиты, да будет тебе известно! — Африандра кивнула в сторону солидной матроны, стоявшей рядом с музыкантами и руководившей танцем. — В традициях Оджары — свадьба короля и высшего иерарха храма. Этот пост всегда занимает женщина.

Конан нахмурился, внимательно следя за подобной статуе женщиной.

— А втягивать честных чужеземцев в опасные игры — тоже в традициях Оджары? Ведь, связавшись с тобой, я пересекаюсь не только со светской, но и с религиозной властью. Да, ничего себе Инара — крестьянская дочка...

Да, так получилось. И я тем более благодарна тебе за помощь. Если бы стало известно, что принцесса Оджары такая авантюристка, скандал не удержался бы в дворцовом квартале... Я знаю, что, говоря с тобой, могу быть уверена в сохранности секрета, если, конечно, это все еще секрет. Ты, похоже, не очень-то удивился, встретив меня здесь. Наверняка город уже полон слухов.

— Я слышал, как об этом говорил один из храмовых воинов. Но даже они не принимают этого всерьез. — Конан говорил едва ли не шепотом, не желая привлекать ничьего внимания к себе и своей собеседнице.

— Прекрасно. А то ведь моим похождениям конец, стоит Занусу узнать об этом.

— Этот твой Занус, похоже, приставлен к тебе охранником. По мне, так он просто самоуверенный пустомеля.

— Он не просто охранник. Родители пообещали ему мою руку.

— Что? — Конану даже не удалось скрыть своего удивления. — Ты утверждаешь, что король Семиархос и королева Регула доверят свою дочь и город этому чванливому болвану?

— Я же сказала, что это традиция. Кровь королевской династии обновляется в каждом поколении. Следят за этим церковные иерархи. У моих родителей нет наследника-мужчины. Значит, мне суждено выйти замуж за старшего офицера, лучшего воина из жрецов храма.

— А настоящая власть перейдет к тебе или к нему?

— Его будут называть королем... — Африандра тряхнула головой. — Но я должна всем доказать, что могу править сама. Мать и отец не понимают меня, но они поддержат мои стремления. Хотя в истории нашего города не так уж много примеров управления женщинами. С помощью Садиты я надеюсь сохранить власть нашей семьи.

— А твой дар предсказательницы? — прервал ее Конан. — Что ты видишь, глядя на Зануса?

— Я никогда не видела его, находясь под действием нарцинта. Тогда в караван-сарае я

избегала останавливать свой взгляд на нем: боялась, что он узнает меня.

— А он хоть любит тебя? — спросил Конан.

Африандра пожала плечами:

— Ты же видел Зануса. Может ли он любить кого-нибудь, кроме себя самого?

Неожиданно ее ладонь, долго неподвижно лежавшая на его локте, ласково погладила предплечье киммерийца.

— Конан, мне нужно с тобой поговорить. Давай увидимся... сегодня ночью! Ты знаешь двор с западной стороны дворца? Он граничит с внешней стеной. Ну тот, с фонтаном... — Ее голос стал хриплым, интонации — требовательными и одновременно умоляющими. — Конан, приходи, когда взойдет луна. Я буду тебя ждать, честное слово.

Бросив осторожный взгляд вокруг, киммериец подозрительно прищурил глаза:

— Ты хочешь, чтобы я принес тебе стаканчик-другой твоего любимого нарцинта? Ну уж нет, в посыльные не нанимался...

— Да нет же, глупый! Принеси лишь себя. Если мне захочется вновь увидеть тебя в доспехах, я сама принесу шлем и наколенники... Ну, это же шутка, не обижайся. Понимаешь, там я смогу свободно говорить о многом, что беспокоит меня.

Ее рука скользнула по его плечу, обняла киммерийца за шею и в следующий миг губы принцессы встретились в поцелуе с губами чужеземца.

— Придешь? Правда?

* * *

Луна медленно взошла над холмами к востоку от города. Ее свет, словно светящаяся жидкость, лился на посеребренные склоны, на стены города, на крыши его зданий. Он отражался и от глади большого фонтана, резко очерчивая листья лилий и высвечивая прекрасные цветы.

В этом волшебном свете молча двигалась одинокая фигура. Отражение грациозной, стройной женщины мелькало в окнах, оставленных лилиями у ограды фонтана. Заколотые волосы девушки казались серебристыми, бледная кожа словно светилась. В любой другой стране, кроме этой пустыни, ее приняли бы за водяную нимфу.

Девушка присела на каменную ограду фонтана прямо под толстой веткой оливкового дерева. Опустив одну руку в воду, она стала ждать, время от времени поглядывая вокруг и тяжело вздыхая.

Прямо над нею, в ветвях дерева, сгустилось темное пятно. Оно медленно двигалось ближе и ближе и наконец оказалось точно над головой девушки, закрыв луну и отбросив бесформенную тень на гладь пруда. Затем, все так же беззвучно, оно опустилось на камни рядом с сидящей девушкой.

— Африандра! Тихо, девочка, не кричи. Не бойся, это я.

Положив руку принцессе на плечо, человек удержал ее, не дав вскочить.

— Конан? Но где... как ты пробрался сюда? — спросила она, обнимая его.

— Пришлось прийти до восхода луны, чтобы проскочить мимо стражи в разных воротах. Не так-то легко передвигаться по твоему городу, без подозрений.

— Еще бы, ты ведь прошел в город с оружием, что запрещено иноземцам. Ты что, боишься попасть в ловушку? — спросила она, прикоснувшись, кончиками пальцев к тяжелому ножу

Конана.

— Нет, не боюсь. Но я бы не хотел пасть жертвой представления о справедливости вашей храмовой братии. Если понадобится, я воспользуюсь этой штукой по назначению, — ответил киммериец.

— Значит, поэтому ты и живешь за стеной? Не хочешь сдавать оружие при входе в город?

— Наверное, это одна из причин, — сказал Конан, осматриваясь вокруг. — А кроме того, я ведь жду только первого каравана на север, в Замору. Я надеялся избежать конфликтов с властями этого города... но, похоже, меня втягивают в весьма сомнительную историю.

— Ой, Конан, пожалуйста, не бойся, — сказала принцесса, гладя его плечо. — Я не выдам тебя и не буду удерживать, когда придет твой караван. — Африандра плотнее прижалась к нему. — Понимаешь, я так мало встречалась с людьми из других стран, с путешественниками. Человек с таким опытом, как у тебя, может быть, сможет... может помочь мне объяснить мне кое-что из того, что не известно никому из жителей Оджары.

— Надеюсь, ты не попросишь меня убить кого-нибудь, — поинтересовался Конан, чуть отстраняясь от нее. Например, какую-нибудь из твоих соперниц или какого-нибудь жреца-еретика? Я, конечно, человек разносторонний, мне приходилось быть и убийцей, но ни за какие коврижки я не дам втянуть себя в дворцовые интриги.

— Да нет же, Конан, нет! — негромко рассмеялась Африандра, вновь сильно прижавшись к нему. — Я хотела только послушать твое мнение по некоторым проблемам управления городом и о религии.

— Религии? — с сомнением переспросил киммериец. — Ты что, решила меня обратить в свою веру?

— Нет, опять не угадал. — Она положила ему палец на губы, словно желая попросить его помолчать. — Расскажи только, что ты думаешь о нашем культе Единственной Богини. Я знаю, что богини не часто встречаются в религиях Шема... — Она убрала палец с его губ, давая возможность ответить.

— Они не везде редки. В огромных империях Хайбории они правят наравне с богами, а зачастую и превосходят их властью. Но в шемитских городах-государствах обычно признают одно высшее существо — как правило, мужского пола или явного самца какого-либо животного. Иногда это некая комбинация мужчины-человека и зверя. А почему ты спрашиваешь об этом?

Снова прижав ему пальцем губы, Африандра задала следующий вопрос:

— Скажи, Конан, как тебе нравятся нашей веры по сравнению с другими городами?

— По правде говоря, я нахожу их достаточно терпимыми. Если я буду уважать ваши традиции, то меня приветливо встретят в вашем городе. Во многих других городах Шема король также объединяет светскую и церковную власть. При этом он руководит подданными железной рукой, излишне жестоко. — Голос Конана стал более хриплым. — Законов много, наказания жестоки, да и сами боги напоминают зарвавшихся тиранов, охочих до младенцев и девственниц.

Конан помолчал, затем спокойно продолжил:

— Бог моей страны — Кром — поступает по-другому. Он дает человеку жить так, как тот хочет, не требуя жертвоприношений. Вся расплата будет в день смерти. А например, Митра, бог хайборийцев, проповедует радости земной жизни. А вот многие южные культуры включают в себя человеческие жертвоприношения и другие постыдные ритуалы. Мне приходилось по мере моих сил бороться с такой мерзостью. — Конан вздохнул.

Африандра кивнула и продолжила свои вопросы:

— А мы не кажемся тебе излишне строгими, жестокими?

— Вы? Нет, что ты! В Оджаре меня принимают, хотя и не верят до конца, как и любому чужеземцу. Вы защищаете свои традиции, свой город. Но привилегии ваших лидеров разумны и

оправданны... за некоторыми исключениями, вроде твоего нареченного, Зануса. Ты, наследница трона, не видишь для себя позора в том, чтобы сидеть со мной вот так... — Его руки обняли принцессу за талию.

— Позор? Какой еще позор? Страшно, конечно, это да. — Вновь посеръезнев, Африандра обратилась к киммерийцу: — Скажи, ты знаешь что-нибудь о Вотанте, боге города Сарка, расположенного к юго-западу отсюда?

— Нет, ничего, кроме того, что я уже рассказал тебе. Я там никогда не был. А что?

— Дело в том, что мои родители получили оттуда письмо на золоченом пергаменте. В нем король Сарка предлагает, в целях укрепления дружбы между нашими городами, основать в Оджаре религиозную миссию культа Вотанты. Это будет что-то вроде школы жрецов и послушников по соседству с храмом Садиты.

— Тут надо следить в оба, — произнес Конан. — Божество чужой страны часто становится первым солдатом армии захватчиков.

— Этого-то я и боюсь, — вздохнула Африандра. — Но моим родителям идея пришла по душе. Занусу она, похоже, тоже нравится. Они даже обсуждали возможность соединить наши божества — Садиту и Вотанту — в брачном союзе на вечные времена. Это должно якобы улучшить отношения между двумя городами, объединить их.

— Твоя мать, похоже, ставит подножку своей богине Садите, сама того не понимая. А вообще она выглядит просто потрясающе.

— Увы, она помешалась на победителе среди храмовых воинов. Во всяком случае, она любит Зануса больше, чем я. И то, что скажет он по поводу этого союза, сможет убедить ее. — Африандра внимательно посмотрела на Конана. — Ты говоришь, что этот Вотанта будет тираном?

— Да, не сомневаюсь. А Занусу не хватает именно таких полномочий, если он станет королем Оджары. — Конан посмотрел в глаза Африандре. — Нужно бороться против этого, девочка. Иначе ты потеряешь все, что имеешь.

— Это трудно, — снова вздохнула она. — Не менее трудно сознавать, что по законам,енным нам Садитой, Занус станет единственным мужчиной, которого я буду иметь право целовать. Мне всегда хотелось быть рядом с человеком, который не стесняется, не боится показать страсть... — Словно для объяснения своих слов, она обняла Конана и впилась в его губы поцелуем.

— Как хорошо, — пробормотала принцесса, — меня в дрожь бросает от одной мысли о бесчувственных объятиях Зануса, о его холодных губах.

— Как знать, быть может, ты еще оценишь бесстрастность мужчины, — подумав, Конан.

Африандра не дала ему договорить:

— Да, я ценю это качество. Но в нужное время и в нужном месте. Вот ты, например, умеешь быть спокойным и холодным там, где это нужно. А здесь ты горишь, ты по-доброму раскрываешь свои объятия...

Откинувшись к стволу оливы, она притянула к себе киммерийца. Страстный поцелуй соединил уста на долгое время.

— Ну и ну, Африандра! — раздался позади хриплый голос. — Вот, значит, как ты распоряжаешься своими вечерами. Сначала кабаки и бардаки погонщиков верблюдов, а теперь валяешься на земле с этим нечистым чужеземцем!

Слова исходили от темной фигуры, приближившейся к ним вдоль края фонтана. Голос кипел негодованием. Человек остановился в нескольких шагах от них, яростно жестикулируя, но не обнажая меч. Это был тот самый, о ком они только что говорили, — храмовый воин Занус.

— Вот как ты опозорила меня! Меня, Победителя среди воинов Садиты! Значит, я должен

буду жениться на опороченной принцессе? И на ложе, освященном благодатью великой Садиты, я должен буду довольствоваться тем, что осталось от верности и невинности.

— Умри, несчастный! — крикнул Конан, бросаясь вперед. Но что-то помешало ему выхватить клинок из ножен — это руки Африандры, повисшей на нем всем весом своего тела, впились в его ладонь. Протащив девушку за собой, Конан остановился в двух шагах от стоявшего неподвижно Зануса.

— Конан, тебе нельзя убивать его! — вся в слезах, молила его Африандра. — Он ведь священный слуга нашей богини!

— Верно, чужеземец, — согласился Занус. — Это не твое дело. Так что проваливай отсюда. Было бы великим грехом осквернить церемониальный меч, намотав на него твои кишки. — Он прикоснулся к красиво украшенной рукояти меча. — А скрестить мой благородный клинок с твоей грязной ржавой железкой — это опозорить весь город!

— Слово труса, — сказал Конан, — прячущегося за спину женщины, пусть далее богини.

— Я не прячусь ни за кого. Наоборот, я стою перед лицом нашей богини Садиты, — заявил Занус. — Откуда тебе, варвару, знать, как вести себя среди цивилизованных людей. Из такого кретина с северных гор не сделать и дерымового раба, тори уже о достойном свободном гражданине.

Конан бросился вперед с нечленораздельным рыком. Вырвав руку из пальцев Африандры и отбросив свой нож в сторону, он подскочил к Занусу, сжав кулаки и занеся руку для удара. Лишь реакция опытного фехтовальщика спасла Зануса, Один удар кулака киммерийца наверняка убил бы его. Но Конан не стал останавливаться. Прямые и боковые удары сыпались один за другим, заставляя противника отступать, уворачиваясь и приседая. Занус только-только успевал отпрыгивать, постепенно переходя на бег. А киммериец продолжал загонять его в угол двора.

— Стой, Конан! Прекрати! — раздался спасительный если не для жизни, то уж точно для чести Зануса крик Африандры. — Так оскорблять его — это тоже грех перед богиней!

Вновь спасенный Занус стоял перед ними задыхаясь и вздрагивая. Его туника была растрепана и порвана в нескольких местах. Он уже наполовину вытащил из ножен свой священный меч, но взял себя в руки, пытаясь сохранить остатки достоинства, изрядно потрепанного дубиноподобными кулаками Конана.

— Оскорблять меня? — воскликнул Занус. — Этот нечистый не может даже оскорбить меня. Мои навыки жреца-воина не предусматривают звериную драку во дворе дворца. Встреться я с этим ничтожеством в открытом бою, я бы показал ему, что значит меч в руках храмового воина. А теперь Африандра, отошли этого грубияна и пойдем со мной. Нам нужно помолиться у алтаря Садиты.

— Занус, жалкий трус! — прорычал Конан. — Я еще до тебя доберусь! Я не буду рвать тебя куски здесь, на глазах у девушки. Это зрелище не для нее. Но язываю тебя на бой при народе. Это ведь дозволяется вашими священными обычаями! Бой на мечах, до смерти, за воротами храма почитаемой вами богини!

— А ты, однако, самонадеян! — презрительно скривил губы Занус. — Да будет тебе, дикарю, известно, что священные дуэли возможны лишь между почитателями Единственной Богини! Неверный чужеземец никогда не будет иметь права участвовать в них. Это было бы слишком большой честью для такого варвара, как ты. А теперь — оставь нас!

— Да, Конан, пожалуйста, уходи! — взмолилась Африандра, становясь между киммерийцем и его противником. — Я просила тебя о помощи — и ты помог мне. Спасибо тебе. А сейчас я снова прошу тебя. Сильнее, чем прежде. Ради мира и спасения нашего города, нашей веры — уходи. Уходи отсюда. Оставь нас. Оставь меня и Зануса. Наверное, нам придется и дальше следовать нашей невеселой судьбе! Уходи!

Глава VI

КУЗНИЦА ПРЕИСПОДНЕЙ

Верховный жрец Куманос шел, босой, по покрытому острыми обломками вулканического пепла склону. Долгие дни пути сделали его ступни почти нечувствительными к боли. Там, где грубая кожа оказывалась слабее камня, оставались красные капли. По этим следам спутникам Верховного жреца нетрудно находить путь вслед за ним. Сам же он, словно одержимый, шел вперед, не останавливаясь, не замечая ничего вокруг.

Не давая отдохна себе, Куманос не щадил и остальных. Многие из его спутников тоже шли босыми, изорвав свои сандалии о камни, похожие на осколки оплавленного стекла. Все без исключения рабы — мужчины и женщины — несли на спинах корзины, набитые под самую крышку зеленовато-серой рудой. Пот ручьем лился по спинам носильщиков, сгибавшихся под тяжестью груза. Солдаты, охранявшие их, тоже чувствовали себя не лучше — ведь им теперь приходилось самим нести запасы воды и продовольствия. Двоих помощников Куманоса шли без груза, но на их долю выпала тяжкая обязанность угрозами и ударами бича поднимать упавших под тяжестью рабов или же, в назидание остальным, добивать тех, кто уже не мог идти.

За время их перехода от шахт по Шартоумским холмам не случилось почти никаких происшествий. Отряд не побеспокоили ни люди шейха, ни залетные банды грабителей караванов. Это было большой удачей для этих мест, пользующихся дурной славой, особенно если учесть ценность груза, переносимого караваном. Кроме того, среди рабов прошел слух, что в конце пути в награду за хорошую работу им будет выдана часть добытого.

Но день ото дня разговоры о награде, о родном доме да и на другие темы возникали все реже и реже. В тяжелом молчании рабы и охранники следовали за Куманосом, который уже начинал им казаться если не святым, то уж не простым смертным. Кое-кто из рабов стал утверждать, что, мучая так себя и их, жрец превратит позор их рабства в подвиг самоотречения и самопожертвования. Утешение было слабым, но, за неимением другого, многие ухватились за эту мысль, как за соломинку.

Мало-помалу отряд приближался к другому хребту. В Шартоуме слышали об этих горах, называемых Трубами Шайтана за столбы поднимавшиеся над их вершинами днем, и сполохи огня, мелькавшие над ними по ночам. Кровавый след Куманоса вел их к одному из дымящихся пиков.

Верховный жрец шел, находя дорогу по приметам, о которых ему рассказал старый отшельник. Куманос чувствовал себя не так, как во время поисков старца в Огненной Долине, — в нем не было смертной души. Никакие сомнения, страхи, стремления не мешали главному — достижению цели. Только служение Вотанте и его наместнику на королю Анаксимандру — составляло смысл жизни молодого жреца.

На дальнем склоне мелькнула фигура одинокого селянина, обрабатывавшего плодородное, удобренное вулканическим пеплом поле. Не дожидаясь приближения отряда, селянин исчез в зарослях. Куманос понял, что известие о приближении его людей не обгонит сам караван.

Уже к вечеру жрец и его отряд перевалили через склон и спустились в кратер вулкана. Почти вся его поверхность была покрыта обломками гранита и базальтовыми глыбами. Здесь и там между ними прорывались в небо столбы дыма и пара. Лишь кое-где росли одинокие деревья да зеленели почки огородов вокруг небольшой деревни. Между полуразвалившимися лачугами суетливо метались человеческие фигуры. Куманос понял — его ждут.

К тому времени как отряд спустился по внутреннему склону на ровную площадку в центре и рабы повалились на землю между домами деревни, лишь один человек из ее обитателей предстал перед глазами пришельцев. Это был пожилой селянин, видимо старейшина, одетый в шерстяную рубаху и штаны. На ногах у него были сапоги с толстой подошвой, способной долго противостоять режущим граням вулканических осколков, Куманос, приказав своим подчиненным раздобыть воду, подошел к старику и без всяких предисловий приступил к делу:

— Вы выполняли порученные вам обязанности? — спросил он. — Все ли готово к применению?

Лицо старика расплылось в подобострастной улыбке, и он почтительно кивнул:

— Наш клан выполнил все, что нам было поручено вашими предшественниками. Все тщательно охранялось в течение всех семи веков. Металл смазывался пальмовым маслом, хрупкие части прикрыты от дождей и пыли. Все охраняется от воров и недостойных использовать эти орудия. Дерево тоже заменялось в срок. Те бревна, которые лежат сейчас в запасе, были заготовлены семнадцать лет назад. —

Закончив, старик неуверенно протянул вперед руку, словно за платой.

На лице Куманоса не отразилось никаких чувств. Жрец щелкнул пальцами, и в ту же секунду трое саркадийских воинов, оставив сгрудившихся у сосудов с водой рабов, подошли к нему.

— Покажи нам все, — приказал Куманос старику.

Тот, не говоря ни слова, повернулся кругом и пошел прочь, за кольцо деревенских хижин. Куманос и солдаты последовали за ним. Они прошли по вымощенной камнем дорожке между огородами, лоскутками пшеничных полей и вскоре оказались на необработанной, мертвей земле, на которой тут и там были разбросаны небольшие озерца, покрытые клубами пара.

Затем источники исчезли, а земля под ногами стала заметно горячее. В воздухе пахло серой, на губах оставался металлический привкус. Даже небо казалось свинцовым из-за толщи дыма, скопившегося в кратере. Неожиданно между базальтовых глыб мелькнуло пламя — это полыхнула из глубины разлома бурлившая на дне вулканическая лава. Воздух над такими разломами дрожал, как над костром или печкой.

Неподалеку от одного такого разлома были видны следы человеческой деятельности. Странные инструменты и механизмы отражали малиновый подземный свет. Огромные чаши, вырубленные из базальтовых глыб, железные цепи и коромысла, а главное — длинный стальной кран на самом краю обрыва. По обе стороны от него стояли острокрылые сооружения, в которых были укрыты от жары длинные деревянные шесты и мелкие инструменты. В общем, хотя все вокруг было покрыто толстым слоем вулканического пепла, хозяйство выглядело ухоженным и готовым к работе.

— Бревна, — сказал Куманос, повернув голову к старику. — Покажи лес, который вы приготовили.

— Сначала деньги, — поежившись, попросил тот и вновь протянул руку к Верховному жрецу.

— Сначала бревна. — Куманос и не подумал потянуться к кошельку.

— Как прикажете. — Селянин повел жреца в обход гранитной гряды, прикрывающей их от нестерпимого жара, шедшего из разлома в земле. По дороге старику суетливо объяснял: — Дым, который и выходит из земли, хорошо сушит дерево. Он словно консервирует его, защищает от гнили.

Куманос приблизился к провожатому и доверительно сказал:

— Мне потребуется помочь. Твоя и твоих соплеменников, чтобы разобраться в том, как пользоваться этими механизмами. Я отблагодарю вас.

— Да-да, конечно, — ответил старик, косясь на чересчур близко подошедших солдат. — Вот ваши бревна.

Обойдя последний базальтовый валун, они оказались перед входом в пещеру. В глубине были видны торцы дюжины длинных, толстых бревен.

— А колеса? — продолжал Куманос. — Они ведь входят в наше соглашение. Я что-то их не вижу.

— Они там, в глубине пещеры... А теперь я жду золото. Столько, сколько положено по нашему соглашению, заключенному семь веков назад.

Рассеянно кивнув, Куманос снял с пояса тяжело звякнувший мешочек и протянул его старику. Затем он вошел в пещеру и внимательно осмотрел бревна. Они и вправду были отлично высушены и отвечали на постукивание пальцами.

— Стой, стой! Он скрылся в пещере! — донесся до Куманоса крик одного из солдат.

Вся троица, добросовестно перекрывавшая в пещеру, чтобы не дать старику сбежать, рванулась вперед за ним. В темноте послышались удары и проклятия: это попавшие с яркого света в темноту саркадийцы натыкались на каменные стены. Немного спустя один из солдат вернулся и обнаружил, что Куманос внимательно исследует колеса — дисков диаметром в человеческий рост, сбитых из толстых досок, окантованных бронзой по ободу и с бронзовой ступицей в центре.

— Верховный, он сбежал, мы не смогли догнать его в пещере, — дрожа от страха, сказал солдат.

— Наверняка он знал запасные выходы. Пусть бежит. — Куманос повернулся и направился к выходу, жестом приказав солдатам следовать за ним. — Теперь он нам не нужен. Управимся сами. Уверен, что этот старикашка и все его племя не покажутся нам на глаза, пока мы будем здесь.

* * *

В последующие дни в кратере развернулась бурная деятельность. Руда была выгружена рядом с огнедышащим разломом и сложена в три кучи, соответствующие трем шахтам, где ее добывали. Затем каждая груда была переложена в огромные железные чаши с приклепанными у верхнего среза кольцами и с неким подобием сливного носика.

В кольца были вдеты толстые цепи, а затем чаши при помощи длинных металлических шестов подвинуты к самому краю огненной пропасти. Работа была невыносимо тяжелой — рабы сменяли друг друга через несколько минут, давая отработавшим возможность отбежать и отдохнуть там, где было чуть прохладнее.

То, что последовало за этим, оказалось еще труднее. Цепи, заведенные в кольца чащ, были прикреплены к еще одной толстой и длинной цели, пропущенной через блок стрелы нависавшего над огненной ямой крана. Чтобы обслужить это металлическое чудовище, рабам приходилось работать буквально в нескольких шагах от края обрыва.

Наконец первая чаша пошла вниз, в огненную топку. Казалось, что спуску не будет конца, что там, внизу, сама чаша и цепь уже расплавились в невероятной жаре земных недр. Почти сразу же Куманос отдал приказ поднять чашу. Для этого пришлось прибегнуть к помощи не только всех рабов, но и большей части солдат. Звено за звеном, шаг за шагом цепь была выбрана, и чаша оказалась на поверхности.

Поднятая руда в первый момент показалась грудой углей, пылающих в очаге. Только очаг был железным и сам светился таким же зловещим красным, а кое-где и белым светом.

Не давая руде остывать, рабы начали размельчать и ворошить огнедышащие комки длинными металлическими баграми и лопатами. Затем снова опустили в преисподнюю и вновь подняли на поверхность. Три раза без передышки, по приказу и под внимательным взором Куманоса и его помощников-жрецов.

В конце концов камни и пустая порода выжжены, а в чаше остался лишь изрядно уменьшившийся в объеме слой расплавленного зеленоватого металла. При помощи крана чаша была поднята выше поверхности земли и установлена на высокую железную треногу. Широкий металлический был приставлен к носику чаши, упираясь другим концом в отверстие каменной формы, детали которой были стянуты железными скобами и цепями. Медленно, осторожно чашу наклонили — и по желобу, сыпля зелеными брызгами, потек расплавленный металл. Казалось, каменная форма вот-вот разорвется, не выдержав такой температуры. Сквозь толщу камня по-прежнему пробивался зловещий зеленый свет.

Только когда последняя сверкающая капли скатилась с желоба в каменный сосуд, все заметили, что уже наступила ночь. Куманос произнес благодарственную молитву Вотанте, знаменующую конец рабочего дня. Рабы рухнули замертво и погрузились в сон, прерываемый стонами от болящих ожогов. У многих были сожжены брови и ресницы, легкие, казалось, были полны жарким дыханием вулкана. Последняя мысль каждого заснувшего была о том, что в этот день была сделана всего лишь треть работы. Этому кошмару суждено было повториться еще дважды.

На следующий день, когда форма остыла настолько, что к ней стало возможно приблизиться, с нее были сняты стягивающие ее скобы и цепи. Каменные фрагменты были убраны, и взгляду открылась конструкция какой-то непонятной формы — видимо, фрагмент большой статуи, как предположили рабы. Не давая времени на отдых и разглядывание, Куманос приказал укрыть странный предмет палаточным холстом и обвязать его веревками. Прежде чем была продолжена вчерашняя работа, запеленатую фигуру установили на сооруженную из подготовленных деталей повозку и откатили к деревне, где и оставили под охраной.

Подобным образом были изготовлены еще два фрагмента по новым, но похожим формам. Оба признав результат работы удовлетворительным, Куманос лично обрачивал статую холстами и обвязывал веревками. С каждым разом работа казалось легче — сказывался опыт. Поэтому последний слиток был отлит значительно меньшей бригадой, чем первый. Куманос приказал, чтобы треть рабов впряженась в первую повозку и начала свой путь прочь из кратера. Вторая треть прикатила на ее место в деревню вторую телегу с огромными колесами. И только тогда оставшиеся рабочие взялись за отливку третьего фрагмента. По известным только ему одному причинам Верховный жрец не допускал соприкосновения или близкого нахождения готовых фрагментов, хотя такой расклад сил оставлял мало рабочих рук для обработки руды и заливки формы.

Успешному выполнению работы в немалой степени способствовали усилия Тулбара Гирканца, которого Куманос сумел превратить из мятежника в образец прилежания. Он работал без устали, брался за самое трудное дело и продолжал ворошить раскаленную руду, когда уже три смены других рабов побросали свои багры и лопаты и бежали прочь от невыносимой жары.

Незадолго до конца работы, когда поднятая чаша с расплавленным металлом уже висела над треногой, одна из цепей лопнула. Чаша стала угрожающе крениться. Именно Тулбар, первый и единственный, добровольно бросился под нее и подставил под бортик чаши свой багор. Затем он прополз по стреле крана, чтобы пропустить через его блок дополнительную цепь. И вот, когда все было выполнено, уставшие руки подвели Тулбара. Не удержавшись, он рухнул прямо и

дышащую чашу. На глазах товарищей его тело в облаке пара скрылось в светящейся зеленым огнем жидкости. Лишь несколько пузырей, лопнувших через несколько секунд, — вот и все, что осталось от человека.

Несмотря на, а может быть, и благодаря почти что добровольному жертвоприношению Тулбара, отливка была закончена успешно. Когда один младших жрецов предложил Куманосу провести особый траурный ритуал по поводу гибели лучшего работника в огненной купели, ответ был краток:

— Не стоит. Это не столь важно. Смерть и физическое страдание — это не самое большое несчастье. Настоящую боль испытываешь не при этом.

Глава VII

ЯРОСТЬ ПУСТЫНИ

— Вот так, положи внутрь небольшой камень, чтобы ловушка опустилась на дно. Теперь — несколько кусочков мяса внутрь... — Сидя на корточках, Конан-киммериец доделывал ловушку для раков под восхищенными взглядами детей. — Ну вот, готово.

Приспособление представляло собой всего-навсего две корзины: одна в форме яйца, а другая — конус, вставленный открытым концом в дыру в первой. Но, посмотрев на лица Эзреля, Ябеда, Фелидамон и маленького Иноса, можно было бы подумать, что киммериец соорудил ее из тончайшего шелка и золотой проволоки.

— Вот так это делают пикты, когда ловят раков в Черной реке. Ну а теперь оставим эту ловушку в заводи на ночь, а утром оценим улов.

— А рыбу будем сегодня ловить? — спросил Ябед. — Мне так нравятся угри...

— Посмотрим, — подмигнул Конан, разбирай остальные снасти.

— Угри — отличная штука, — подтвердила Фелидамон, — но раки лучше. Я бы научила маму готовить их, но она наверняка скажет, что это нечистая пища.

— Горожане, конечно, с удовольствием ели бы эту нечистую еду в голодное время, — буркнул Конан. — Только здесь, где голод — следствие засухи, река к тому времени пересохнет, и ловить в ней будет некого. Вам следует больше радоваться царящему сейчас изобилию.

— Кто-то идет, — запищал Инос, заметив шевеление в кустах выше по течению. Повернувшись, остальные увидели, как из зарослей кустарников к ним приближается длинное копье. Звук шагов его обладателя заглушался журчанием ручья.

— Эй, там! — позвал Конан появившегося из кустов человека.

Это был житель пустыни, дочерна загорелый, коротко стриженный. Его пропыленный бурнус был перетянут ремнем, с которого свисала кривая сабля. Капюшон был откинут, обнажая мускулистую шею. Шест, который нес кочевник, оказался тонким копьем, длиной более чем вдвое превышающим человеческий рост, под наконечником торчало нечто вроде гнутого крюка.

Остановившись в изумлении перед компанией человек расплылся в преувеличенно вежливой улыбке, обнажив крупные желтые зубы.

— Добро пожаловать, незнакомец, — обратился к нему Конан на диалекте южных пустынь. — Подойди поближе, раздели с нами трапезу и... — Говоря это, киммериец нашарил за спиной воткнутый в землю нож. Молниеносным движением руки он метнул тяжелый клинок, договаривая фразу: —...И воспользуйся нашим гостеприимством

Клинок воткнулся в грудь незнакомца под горлом. Рука кочевника, потянувшая к сабле, бессильно опустилась, из раны хлынула струя крови, и несчастный повалился на землю. Его копье упало на холодные угли потухшего костра.

— Зачем... зачем ты убил его? — с ужасом голосе спросил Инос. — Он что, хотел украсть нашу рыбу?

— Быстро собирайтесь, — скомандовал Конан поднимая упавшее копье. — Клянусь всеми богами и божествами — это не острога для рыбы. Эту штуку сделали, чтобы охотиться за стражами вашего города и стаскивать их со стены, как вытаскивают рыбу из воды. Ну, живее, за мной! Не отставать.

Задержавшись, чтобы поднять свой нож, Конан схватил под мышку маленького Иноса и направился к городской стене. Во второй руке он сжимал копье. Сзади послышался голос

Эзреля:

— Конан, ворота в другом месте!

— У нас нет времени, чтобы бежать к Таможенным воротам, — бросил через плечо киммериец. — Да и кочевники наверняка уже там.

— А Северные ворота...

— Слишком далеко! Давайте за мной. Ворота нам не понадобятся.

Эзрель ускорил бег. Ябед и Фелидамон с трудом поспевали за ними. Когда они подбежали к городской стене, то увидели, что за их приближением с нетерпением наблюдает один из стражников, несущих дежурство на стене. Увидев его подозрительную физиономию, Конан закричал:

— Вызывай подмогу, болван! На ваш город напали!

Подбежав к стене вплотную, киммериец поднял копье и зацепил крюком за гребень стены. Второй конец копья уперся в землю в двух шагах от основания стены. Одного за другим Конан подсадил Иноса и Ябеда, подбодрив их:

— Давайте, давайте! Ничего сложного в этом нет. Не труднее, чем залезть на пальму. А уж в этом деле вы мастера.

Удерживая шатающийся шест обеими руками, Конан увидел, как один за другим оба мальчишки были приняты стражником наверху. Затем пришла очередь Фелидамон. Она вскарабкалась по шесту не менее ловко, чем мальчишка. С Эзрелем вышла заминка.

— Лезь первым! — крикнул подросток. — Тебе будет легче удерживать копье сверху. Тогда и я заберусь.

— Нет, приятель, — отмахнулся Конан. — Крюк не выдержит меня. Он и под твоим-то весом может разогнуться, но я постараюсь подольше подстраховать тебя. Давай, вперед! — Он кивнул головой в сторону зарослей, из которых один за другим появлялись кочевники, и поторопил парня: — Если ты еще немного потянешь время, нам обоим крышка!

В мгновение ока Эзрель оказался на стене.

— Держись, Конан! — крикнул он сверху. — Я постараюсь найти веревку.

Киммериец не собирался дожидаться столь призрачного спасения. Повиснув всем весом на копье он почувствовал, как крюк разгибается и отламывается, как он и предполагал. Не тряся времени на то, чтобы выругаться, Конан бросился прочь от стены, в сторону приближающейся цепи кочевников.

Тот, прямо навстречу которому ринулся киммериец, опустил свое копье, ожидая атаки и готовясь отбить ее. К его удивлению, сломанный наконечник исчез из поля зрения, не дотянувшись до него. Вдруг сильный удар другим концом копья свалил молодого шемита на землю. Это Конан, не добежав немного до противника, развернулся и бросился обратно к стене.

Разогнавшись, Конан выставил копье вперед и воткнул его наконечником в землю у подножия стены, не выпуская из рук другого конца оружия. Изогнутый шест распрямился, словно лук, подбрасывая Конана вперед и вверх. Дерево заскрипело под таким весом, но выдержало.

В следующий миг Конан приземлился на другую сторону стены, преодолев высоту чуть не втрое выше своего роста.

Не успел он встать на ноги, как увидел несущегося к нему стражника, проклинающего захватчиков. Сбив его с ног, Конан навалился на стражника и пару раз ударил головой в шлеме о камни мостовой, крича при этом:

— Я не захватчик! Я ваш союзник! Понял, скотина? Я ваш друг!

Схватив выброшенное солдатом копье, киммериец бросился к стене, где уже шел бой.

Стражники по обе стороны от него сдерживали наступающих кочевников, лезущих на стену

по приставным лестницам, длинным копьям и веревкам с крючьями на конце. Охрана была немногочисленной: один человек примерно на двадцать шагов стены. Кроме того, некоторые стражники, яростно сражаясь на гребне стены, уже пали, сраженные вражескими стрелами и копьями. Топот спешащих на помощь отрядов раздавался позади, на улицах города. Но за те несколько минут, что потребуются им, чтобы добраться до поля боя, лавина кочевников может перехлестнуть через стену.

Конан носился по стене, не давая кочевникам переваливаться через гребень. Одному из них он проткнул копьем руку, заставив съехать вниз по шесту. Другой получил удар копьем в шею и рухнул вслед за первым. Третьего киммериец ткнул обратной стороной копья в лицо, когда оно показалось над стеной. Но как ни старался Конан, двоим, наиболее ловким и удачливым, удалось-таки забраться на стену.

Стражник, принявший Конана за врага, пришел в себя после полученной взбучки и бросился наперерез кочевникам, оседлавшим стену, выхватив из ножен саблю. К несчастью, один из брошенных арканов обвился вокруг его шеи. Солдат попытался высвободиться, но все его силы уходили на то, чтобы только удержаться на стене. Но силы были слишком неравными: за другой конец веревки тянули сразу несколько кочевников. Пущенное Конаном копье поразило одного из них, но было уже поздно, Стражник с криком рухнул со стены.

Уже с полдюжины нападающих стояли на стене. Между ними и Таможенными воротами стоял Конан и двое стражей. Кочевники не торопились спрыгивать со стены в караванный двор, где уже появились солдаты Оджары. Вместо этого они повернули в сторону Конана, догадавшись, что если им удастся добраться до ворот, то, открыв их, они откроют своим приятелям путь в город.

К счастью, ширина стены не позволяла передвигаться более чем по двое в ряд. Подняв саблю погибшего стражника и чье-то копье, Конан приготовился отразить атаку.

Первый кочевник, самый отчаянный, бросил на киммерийца, размахивая мечом. Неуловимое движение северянина вырвало меч из его рук и отбросило оружие на стену. Туда же последовал и его обладатель, с глубокой раной на шее.

Еще двое встали на его место, а третий вознамерился помочь им, просунув между ними копье, за наконечник которого и схватился Конан. Он сильно дернул копье в сторону и, воспользовавшись этим рычагом, сбросил со стены одного из передней пары. Секунду спустя второй противник получил удар копьем в грудь. Тяжелый наконечник пронзил человека насквозь и воткнулся в бок стоявшего за ним и пытавшегося высвободить свое оружие кочевника. Словно две рыбы на одной острове, они рухнули вниз, издавая душераздирающие крики и дергаясь в агонии.

Бойня продолжалась, Конан сражался, ожидая в любой момент получить вражеское копье в спину или стрелу в бок. Он старался двигаться не останавливаясь, чтобы сделать себя трудной мишенью. Еще один кочевник пал жертвой умелого киммерийского воина. Еще один. Неожиданно последний оставшийся на стене противник развернулся и бросился бежать, объятый страхом.

Не успел он пробежать и нескольких шагов, как снова был вынужден вступить в бой. На этот раз его противником оказался один из храмовых воинов — Конан легко узнал серую боевую тунику и, главное, особый, сухой и экономный стиль боя. Кочевник нанес удар слева — и наткнулся на подставленный клинок. Еще один удар — и снова сталь высекла искры из стали. Тычок перед собой — но противник неуловимым движением ускользает от меча. Одного лишь взмаха меча храмового воина оказалось достаточно, чтобы навсегда прервать эту отчаянную атаку. Кочевник, пронзенный мечом, рухнул навзничь на стену, а затем пинком воина был скинут вниз, словно мешок с отбросами. Победитель вознамерился так же разделаться и с Конаном. Он

поднял меч и принял боевую стойку. Удивление Конана рассеялось, когда он рассмотрел лицо своего нового противника. Занус, победитель турниров храма Единственной Истинной Богини.

Губы воина-жреца скривились в надменной усмешке. Но что-то еще мелькнуло в глазах Зануса. Неуверенность? Страх? По крайней мере, он с явным облегчением услышал раздавшиеся снизу, из караванного двора, крики:

— Да здравствуют герои! Стена свободна! Город спасен! Слава Занусу и храбому чужеземцу!

Под аплодисменты тех, кто был соучастником победы, было как-то неловко начинать бой. Конан и Занус неохотно опустили оружие. Не говоря ни слова, воин храма Садиты повернулся спиной к сопернику.

В какой то миг Конану показалось, что ликовение жителей Оджары было преждевременным. Кое-где еще шел бой, и кочевники осыпали защитников города стрелами и копьями. Но соотношение сил изменилось. Исчез боевой пыл нападавших. Оставшиеся в живых старались вытащить с поля боя раненых и убитых товарищей.

Внутри городских стен был совсем другой мир. Все было пронизано скорее радостью, чем чувством опасности. Отряды ополченцев в блестящих, редко надеваемых доспехах и шлемах двигались на помощь защитникам. Остальные горожане, включая жен и детей, тоже ринулись к стенам. Трубачи и барабанщики вознамерились поупражняться в своем искусстве, подбадривая толпу дикой какофонией ков.

Вдруг весь шум перекрыл звук горна — красивая, призывающая мелодия.

— Королевское воззвание, — пояснил Конану стоявший рядом с ним стражник, — так быстро.

Он вытер клинок своей сабли и спрятал в ножны.

Занус, услышав сигнал сбора, построил полдюжины своих бойцов. Четким строевым шагом они проследовали по стене. Ближайшие к Конану стражники последовали за ними, идя куда менее эффектно, даже не в ногу. Один из них обратился к киммерийцу:

— Ты тоже можешь идти с нами. Ты ведь один из героев сегодняшнего боя.

— Куда? Во дворец? — удивился Конан. — А не рано ли покидать стену? Что, если кочевники возобновят атаку?

— Не волнуйся, новая стража, на всякий случай удвоенная, будет нести службу. Если будет нужно, нас позовут. Хотя вряд ли. Эти жители пустыни никогда не соберутся на второй штурм за день.

— Раз-два в году случаются такие набеги. Это уже стало чем-то вроде спорта, — добавил второй стражник. — Это даже помогает держать себя всегда в форме. Жаль, конечно, погибших, — махнул он рукой в сторону полдюжины трупов защитников Оджары.

— Они так редко нападают на город? — поинтересовался Конан, следя за стражниками.

— Год на год не приходится. Сейчас в южных пустынях засуха. Тяжелые времена для многих племен. Эти налетчики были в основном из племени Кифаров, Кадаров и Азилей, судя по оперено их стрел. Они нападают на города от отчаяния. В случае победы — огромная добыча. А если они терпят поражение, то возвращаются домой, ведя в поводу освободившихся верблюдов. В конце концов, лишними едоками меньше. В любом случае они в выигрыше. — Стражник грубо рассмеялся.

Все время, пока они шли по стене, следя за храмовыми воинами, снизу раздавались восторженные крики горожан и стройные приветствия отрядов ополченцев и солдат. Герои дня, не спускаясь, продолжали свой путь по стене.

Через внутренние ворота толпу горожан впустили в храмовый квартал, отгороженный от остального города стеной, такой же высокой, как наружная, но менее массивной. Здесь, среди

прекрасного сада с фонтанами, стоял главный храм Садиты и королевский дворец,

Герои дня сошли со стены и проследовали в сопровождении храмовых танцовщиц во внутренний дворик между дворцом и храмом. Ворота, ведущие в этот двор, были не менее крепкими, чем ворота наружной стены. В центре площадки на возвышении стояла вся королевская семья Оджары.

Все трое надели на себя сверкающие церемониальные доспехи, годные не только для парадных случаев, но и для настоящего боя. Африандра поймала взгляд Конана в тот миг, когда он только появился во дворе. Она стояла между родителями — королем Семиархосом и королевой Регулой.

— Горожане, воины, верные служители Садиты! — обратился король к присутствующим в тот миг, когда отряд Зануса выстроился перед ним. — Набег варваров отражен. Враг разбит, как всегда бывало раньше.

Семиархос был высоким, статным мужчиной. Седые волосы пробивались из-под звездообразной короны. Завитые кольца белоснежной бороды опускались на пластину доспехов.

— Сказания о битве и хвалебные песни Садите уже пропеты в храме. Наши убитые, к счастью столь немногие, уже собраны и подготовлены в последний путь. Пусть успокоит Садита их души. Пусть даст она здоровья и скорейшего выздоровления раненым. Город остается под двойной охраной на случай нового нападения.

В соответствии с обычаями нашего города каждый защитник, оборонявший город, получит специальное вознаграждение от короля Оджары. Сейчас герои сегодняшнего дня получат свою награду. За убитых и раненых ее могут получить вдовы и жены.

Пока король говорил, к стоявшим в центре двора воинам подошли жрицы в длинных одеяниях. Одна из них остановилась около Конана и вложила что-то в его подставленную ладонь.

К удивлению киммерийца, награда оказалась дешевым медальоном, а квадратной золотой monetoy размером с ноготь большого пальца, толстой и основательной на вес. На обеих ее сторонах было отчеканено изображение короны королей Оджары. Ловким движением Конан опустил монету во внутренний кошелек, висевший на поясе в складках его широких штанов.

Среди многих героев, окропивших сегодня стены Оджары своим потом и кровью, — продолжал король, — один должен быть отмечен особо. Его умение вести бой и смелость необычны даже для нашего славного города. Я имею в виду, конечно же, храмового воина Зануса, сильнейшего из воинов-жрецов великой Садиты! Он — воин высшей, Восьмой Ступени. Равных ему не было в городе за последние триста лет. Его участие в сегодняшнем бою трудно переоценить. Прибыв к месту битвы во главе отряда храмовых воинов, он лично возглавил отражение вражеского нападения. Сегодня он сразил четверых врагов, доведя их число до невероятной цифры — двадцать четыре. Двадцать четыре победы над грозными противниками! Мы должны быть, счастливы, что на страже нашего города и богини стоит такой славный воин!

Король, улыбаясь, слушал приветственные крики, адресованные Занусу. Ни дать ни взять, довольный тесть, подумал Конан. Виновник торжества стоял неподвижно, никак не реагируя на восторг толпы. В эту минуту Африандра взглянула на отца и, наклонившись, шепнула ему что-то на ухо, тот, не теряя довольного вида, кивнул.

— Отдельный дар Садиты нашему городу, — начал король, когда аплодисменты начали стихать, — это помощь, оказанная в сегодняшнем бою нашим гостем, чье имя, если не ошибаюсь, Конан.

Семиархос царственным жестом ткнул пальцем в сторону киммерийца. Глаза всех присутствующих, кроме Зануса, повернулись к нему.

— Он был первым, заметившим нападавших, он же предупредил стражу и встал рядом с

защитниками города, отражая атаку.

Послышались аплодисменты, несколько более слабые, чем адресованные Занусу. Их сменил ропот и осуждающие жесты, относившиеся к более чем скромному наряду Конана и пятнам крови, покрывавшим руки и ноги киммерийца. Занус, наверное, немалую часть сил в бою тратил на то, чтобы оставить чистой свою тунику.

Затем настала очередь королевы. Она шагнула вперед — женщина, воплощение женственности, материнства и мудрости. Выражение лица под шлемом ничем не отличалось от выражения лица статуи Садиты.

— Как вы все знаете, — низким, грудным голосом обратилась к собравшимся Регула, — герои Оджары получают особое благословение Садиты — священный поцелуй Верховной жрицы и царствующей королевы от имени Единственной Истинной Богини.

Это заявление Конан прослушал без особого волнения. Затем до его слуха донеслись следующие слова:

— Но сегодня эта честь доверена наследнице трона Оджары, благородной и добродетельной принцессе Африандре. Это решение принято королем и высшими жрицами Садиты.

При этих словах Конан, к собственному удивлению, пошатнулся, почувствовав одновременно жар и озноб. Он с трудом поборол искушение воспользоваться правом чужеземца и отклонить эту награду.

Африандра сделала несколько шагов к Занусу, стоящему перед шеренгой своих бойцов. Подойдя к нему вплотную, она приложила губы к его губам и задержалась так на несколько мгновений, надеясь хоть на малейший ответ. Все напрасно. Храмовый воин был неподвижен и холоден, как статуя.

Крики и аплодисменты сопровождали эту сцену. Оторвавшись от Зануса, Африандра нетерпеливо огляделась, Конан готов был поклясться, что ее взгляд искал именно его.

Конечно, киммериец не был уверен, что награда поцелуем предназначается и ему. Быть может, он, грязный, дикий варвар, был недостоин такой чести. Но если речь шла всего лишь о четырех убитых — что ж, он готов поработать мечом столько, сколько нужно, чтобы заработать целую ночь таких поцелуев.

Не отдавая отчета в своих действиях, Конан шагнул вперед, обошел шеренгу храмовых воинов и приблизившись к Африандре вплотную, обхватил ее обеими руками. Их губы встретились, земля покачнулась под ногами. Его руки сжимали ее, словно руки потерпевшего кораблекрушение, вцепившиеся в обломок судна посреди бушующего моря. Недовольный шепот донесся до их ушей, но Африандра и Конан еще долго стояли не разжимая объятий.

Вечность спустя Конан ощутил, как чьи-то требовательные руки настойчиво тянут его за плечи назад. Наконец целующиеся разжали объятия. В ушах киммерийца что-то шумело и стучало: аплодисменты или кровь — этого он определить не мог. Африандра тоже с явным усилием возвращалась к реальности.

— Свершилось то, чему должно было свершиться. Два героя получили два священных поцелуя. — Королева Регула говорила, с трудом скрывая, что выходка чужеземца и ее дочери никак не входила в обряд церемонии.

— Конечно, Конан-чужеземец не принадлежит к нашему храму, — Регула сделала паузу, и киммериец понял по ее испуганным глазам, что она лихорадочно подыскивает подобающее объяснение произшедшему, — но он был отмечен особой милостью Садиты, действующей через свою священную представительницу — принцессу Африандру.

Принцесса, побледневшая и тяжело дышащая, вправду походила на экзальтированную исполнительницу божественной воли. Она всячески избегала встречаться глазами как с Конаном, так и со *и < остальными*.

— Итак, ввиду явно благосклонного отношения нашей богини к Конану, я считаю возможным ввести его в лоно храма Садиты и предоставить ему звание почетного гражданина Оджары.

По мнению Конана, эти слова королева, наверное, тоже произнесла под каким-то сверхъестественным влиянием. Как бы то ни было, но толпа присутствующих с одобрением встретила это решение. Но в этот момент раздался хриплый раздраженный голос Зануса, поклонившегося королю и обратившегося к нему:

— Как может неверный варвар быть удостоен равной со мной, нет, даже большей чести! Этот чужеземец, грязный еретик — позор для нашего храма. Отблагодарите его за грубую помощь, дайте ему денег, Ваше Величество, но не возвышайте его! Выгоните варвара из города, пока его необузданная дикость не пустила корни в нашем городе, и в душах нашей молодежи!

— Занус! — громко позвал Конан через головы храмовых воинов, отгородивших киммерийца от своего командира.

— Вы только взгляните на него! — воин распался все больше. — Это же животное, более грязное, чем кочевники, убитые им. Он не имеет никакого представления о том, как вести себя в цивилизованном обществе! Может быть, умелый дрессировщик сумел бы научить его кое-чему, как цирковую обезьяну. Но сначала ему нужно выбить зубы, вырвать ногти и отрезать некоторые другие части тела. А кроме того, приучить к послушанию при помощи кнута. Без этого он представляет опасность для общего спокойствия и достоинства граждан.

— Занус! — Растигнув храмовых воинов, Конан оказался лицом к лицу с сыплющим оскорблением их командиром. — Я уважаю обычай вашего города в достаточной мере, чтобы не зарубить тебя тут же, сию же секунду. — При этих словах рука Конана автоматически дернулась к рукояти ножа, но вовремя остановилась. — Но я вызываю тебя на поединок, Занус! Вызываю, как в тот раз. Слушайте все, — обратился он к толпе и к королю. — Теперь, когда я принят вашим храмом и мне дарованы все привилегии почетного гражданина, единственное право и привилегия, которыми я воспользуюсь, — это возможность убить этого наглого, самоуверенного мерзавца! Именем жизни и чести, перед лицом великой богини, я вызываю тебя на поединок!

Услышав слова торжественного ритуального вызова Конана, толпа заволновалась. Сомнений не оставалось — народ слышал вызов Конана.

Ехидно улыбаясь, Занус, передразнивая Конана, ответил:

— Именем твоей жалкой жизни и ради чести Оджары, перед лицом великой богини и так далее... в общем, договорились. Если эти слова дают мне возможность покончить с твоей мерзкой жизнью, не опозорив мой меч и руку, держащую его, — тогда я к твоим услугам. Встретимся в храме. Но тут, понимаешь ли... есть одна загвоздка... — С преувеличенной вежливостью Занус обратился к Конану: — Позвольте, низкайше кланяясь, испросить вашего позволения на одно дело. — Взглянув на Семиархоса, Занус продолжил: — Через несколько дней в наш город должен прибыть с визитом король Сарка — Анаксимандр. И я должен участвовать как в подготовке, так и в самой встрече. Эта работа занимает все мое время, она для меня куда как более важна, чем твой вызов, грязный чужеземец! Если ты позволишь мне в плотную заняться возложенными на меня обязанностями, отложив необходимость марать о тебе руки и клинок, я буду тебе премного благодарен. А после отъезда высокого гостя я к твоим услугам!

Не найдя подходящих слов, Конан плюнул на землю у ног Зануса. Ответ был однозначно истолкован как положительный.

— Итак, решено. — Голос Регулы, в очередной раз обратившейся к горожанам, слегка дрожал. — Поединок героев! Именем жизни и чести, перед лицом великой богини!

Глава VIII

ПОМОЛВКА БОГОВ

Король Сарка Анаксимандр торжественно въехал в Оджару с юга. Старейший и самый большой въезд в город — Старые ворота — редко использовался с тех пор, как со стороны реки был построен караванный квартал, огороженный дополнительной внешней стеной. Король Семиархос и королева Регула, выражая свое гостеприимство, выехали к южной стене города, чтобы встретить почетного которого должен был ввезти в город на колеснице Занус.

Монаршую чету сопровождала лишь полудюжина храмовых воинов. Анаксимандр же, со своей стороны, сам объявил, что въедет в город без охраны. Большой караван и сто пятьдесят воинов по его приказу остановились лагерем далеко от стен Оджары, за границами оазиса посреди иссущенных солнцем полей: Анаксимандр отклонил предложение Семиархоса разместить их в караванном квартале или по крайней мере поближе к реке. По его мнению, это способствовало бы расслаблению и понижению дисциплины у воинов. Даже выслушав сообщение о недавнем нападении кочевников, он настоял на своем, утверждая, что его воины достаточно привыкли к лишениям и трудностям и готовы к отражению нового набега.

Единственными саркадийцами, вступившими в Оджару со своим королем, стали храмовые танцоры: десяток стройных, высоких юношей и девушек, с легкостью несших королевский паланкин.

— Я приветствую вас от имени всего города Сарка и его великого бога Вотанты, — объявил монархам Оджары Анаксимандр.

— Добро пожаловать, брат мой король, — ответил Семиархос, протягивая гостю руку, чтобы помочь тому перейти из паланкина в колесницу. — Благословен будь ты и твой город от имени нашего города и его богини. Совершишь ли ты путь по улицам Оджары в нашей колеснице? Отлично. Занус, дай мне поводья и следуй за колесницей. Я сам буду править ею в честь нашего гостя.

— А это, должно быть, и есть столь известная всем королева Регула? Достойная спутница такого мудрого и любимого народом короля, как ты, Семиархос.

— Благодарю, — ответил король Оджары.

— Благодарим тебя, — слегка покраснев, промолвила Регула. — Как правящая королева и как Верховная жрица, я приветствую тебя в этот исторический день.

— Я принимаю приветствия с обеих сторон. Ибо я в одном лице возглавляю и светскую власть, и жреческую касту Сарка.

Колесница развернулась и въехала по мощеной дороге в городские ворота. Анаксимандр с непривычки к поездкам на колесном экипаже едва сохранил равновесие, опираясь на бронзовый поручень.

— Вы встретили меня без множества чествований и помпы, — сказал король Сарка. — Многие монархи почли бы это за знак недостаточного уважения. Но я не из таких. Наоборот, я нахожу довольно приятным эти почти семейные отношения что касается вашего города — он, похоже, процветает как никогда раньше.

— А разве раньше ты бывал в Оджаре? — поинтересовалась Регула.

— Только в прекрасных снах и видениях, — поспешил уверить ее саркадиец. — Я никогда не забирался так далеко к северу.

Старые ворота вели в квартал купцов. Обсаженная деревьями улица шла вдоль широких

особняков знати Оджары. Анаксимандр, стоя в колеснице уважительно покачал головой, оценив их размеры и богатство. С балконов и из дверей высовывались улыбающиеся лица богато одетых горожан.

— Ваши подданные не кланяются в пояс и не падают ниц при вашем появлении, — обратил внимание Анаксимандр. — Они открыты и без недоверия относятся к чужеземцу.

— Естественно, — ответил Семиархос. — Ведь их желание установить добрые отношения между нашими городами ничуть не слабее нашего. Путь колесницы пролегал через старый рынок, ставший местом отдыха горожан. Посреди большой площади с цветочными клумбами находился большой фонтан, в котором с визгом и смехом буянились дети. Их родители поспешили навстречу колеснице, чтобы поприветствовать монарха, его супругу и их гостя.

— Сколько же у вас воды, — покачал головой Анаксимандр. — Несомненно, внимательный божий взор обращен на ваш город.

— Да, наша богиня благоволит нам, — сказала Регула.

— Это один из четырех городских фонтанов, — объяснил Семиархос, — питаемых акведуком, проложенным по стене караванного квартала в царствие моего отца — короля Демиархоса.

— Ну да, караваны ведь следуют за водой. И в них у вас тоже нет недостатка, как я полагаю.

— Да, обычно так. Но в этом году сезон может начаться чуть позже обычного. Те же самые снега, которые питают наши реки, все еще перекрывают путь по северным перевалам.

— Но затем многие караваны, следующие на юг и на запад, найдут передышку и воду здесь, в стенах нашего города.

— Да, — Семиархос кивнул, — так было много лет подряд, и так будет впредь.

Король Оджары был старше и величественнее, чем саркадийский монарх. Седые волосы и широкая борода делали Семиархоса больше похожим на повелителя одного из городов северной Коринфии, чем на властителя из южного Шема. Рядом со своим мужем достойно выглядела и королева Регула: статная, рослая, с прекрасными каштановыми волосами, чуть тронутыми сединой. Смоляные волосы и курчавая борода Анаксимандр резко контрастировали с серебристой шевелюрой Семиархоса.

Следующая улица напрямую вывела их на небольшую площадь, за которой сразу же виднелись редко охраняемые ворота храмового квартала города. За воротами открывалась мощенная площадка, ограниченная фасадами храма Садиты и королевского дворца, — Агора, место для общественных собраний и религиозных празднований.

— Какое приятное место для королевского дворца. Просторный двор, прекрасный храм напротив. Вы можете позволить себе не обезображивать свою резиденцию бесчисленными украшениями и не выставлять большую охрану, — восхищался Анаксимандр, крутя головой во все стороны. — Мы ведь сейчас в самом сердце Оджары? Здесь, напротив храма вашей богини, могла бы прекрасно расположиться наша священная миссия, а затем и монумент, который я хотел бы воздвигнуть в честь вновь обретенного братства наших городов.

— Монумент? — переспросил Семиархос. — Ты имеешь в виду алтарь или идола?

— Скорее, священный памятник, которым станет центром наших ритуалов. Не нужно будет строить никаких новых зданий. Жрецы, которых мы пришлем к вам, могут остановиться где-нибудь в городе, если, конечно, это будет позволено.

— Надеюсь, этот монумент не будет чересчур угрожающим или тяжелым для неискушенного взгляда, — сказала королева.

— Ни в коем случае, досточтимая королева. Говоря точно, я имею в виду скульптуру, напоминающую дерево.

дерево. Разумеется, эта форма имеет свое особое значение. — Анаксимандр улыбнулся

Регуле. — Одну такую статую сейчас отливают из редкого металла, найденного в южных горах, мои мастера. Я буду счастлив передать ее сюда в дар вашему городу от моего. Это было бы и моим подарком вашей семьи.

— Анаксимандр, ты слишком щедр! — воскликнул Семиархос. — Я готов разделить с тобой расходы на изготовление и транспортировку...

— Ни в коем случае, дорогой друг! Ни слова об этом. Сколько бы мне ни стоила эта статуя, она не идет ни в какое сравнение с прибылью, обретаемой нами от братства между нашими городами. Главное — воздвигнуть монумент, чтобы здесь, в самом центре вашего города, последователи Вотанты могли совершать свои обряды и возносить жертвы. Знаете ли вы, что в традициях последователей нашего бога Вотанты — обильные жертвы, приносимые на его алтарь?

— Ну что ж, — объявила Регула, — будь уверен, мы установим такой же величественный монумент в вашем городе и воздадим достойные жертвы. Ты увидишь, что предложенный тобой культурный обмен обогатит оба царства.

— Великодушная королева, без сомнения, выгода Сарка будет неисчислимой.

Пока Анаксимандр говорил, колесница подъехала к широким ступеням дворцовой парадной лестницы. За колесницей подоспели воины-охранники Садиты и танцоры с королевским паланкином. Самые знатные граждане Оджары приветствовали процессию, стоя на ступенях. Распахнулись широкие двери, и монархи, их приближенные и знать вошли в большой зал с колоннами, уставленный широкими мягкими диванами с шелковыми подушками и столами с великолепным ум и напитками, ожидавшими гостей.

В зале оба короля были встречены танцовщицами храма Садиты, возглавляемыми самой Регулой. Девушки, находясь вне стен храма, двигались раскованно и естественно, а одна из самых молодых, Шарля, исполнила особый танец лично для высокого гостя. Этот выразительный танец привел Анаксимандра в смятение, он покраснел и занервничал, к явному удовольствию принимающей стороны

Когда танец закончился, король Сарка встал, оглядел присутствующих и сказал:

— Несомненно, вы, оджарцы, веселый и добродушный народ. Вы даже не боитесь беззлобно, посмеяться над гостем, вогнав его в краску каким-нибудь трюком. Уверен, что общение с вами и дальше будет для меня источником приятных ощущений. Ну а теперь я прошу позволения отплатить за представление. Сейчас танцоры из моего города исполнят ритуальный танец, полный пророческого значения для моего и вашего городов. Итак — свадьба Вотанты!

Танцоры вошли в зал с двух сторон и, по первому хлопку ладоней своего повелителя, в полной тишине начали танец. Их движениям аккомпанировал лишь звук сандалий, с силой ступающих на мраморный пол. Двое из группы — самые красивые юноша и девушка — с позволения Семиархоса взяли у охранников мечи и вступили в танец, двигаясь между остальными и изображая яростный бой.

Это было восхитительное зрелище, закончившееся победным свадебным проходом и церемонией бракосочетания у алтаря, составленного из тел остальных танцоров. Представление привело чету повелителей Оджары в изумление.

Регула, не скрывая слез, прошептала:

— Великолепно, просто великолепно! Но как, скажи, как тебе удалось достичь такого совершенства в подготовке своих танцоров? Они двигаются безупречно даже в сложнейших сценах, даже рискуя пораниться боевыми мечами. Мне можно многому поучиться у тебя. Нет, никогда мои танцовщицы не достигали такого совершенства. Умоляю, скажи, как ты добился этого?

Анаксимандр рассеянно пожал плечами:

— Должно быть, королева, они просто ощущают на себе постоянное, неотрывное внимание своего Повелителя. Они знают, что от моего взора не ускользнет ни одна деталь. И, кроме того, каждый осознает значение ритуального танца, особенно этого, перед лицом великого Вотанты.

— Но что означает это действие, Ваше Величество? — спросила Регула. — Юноша с мечом — это ваш бог, я понимаю. Но кто его враги, и кто та девушка-воин, которую он берет в жены?

— Я не могу сказать наверняка, — ответил Анаксимандр. — Я же говорил, этот танец — пророчество. Он рассказывает о том, что происходит среди богов, а не на нашей земле. Но, если хотите, я могу предположить, истолковать его...

— Женщина-воин — это наша богиня Садита, — решительно вступил в разговор Семиархос, — по нашей традиции, у нее нет спутника-мужчины. Но при этом она ведь и богиня семейного очага и плодородия. Значит, рано или поздно она должна обрести достойного супруга. И не из смертных мужчин, а из богов.

— Именно об этом я и подумал, — сказал Анаксимандр, поглаживая золоченый подлокотник кресла. — И кто знает, быть может, пророчеству суждено сбыться еще при нашей жизни.

— Ты полагаешь, — выдохнула Регула, — Садита должна выйти замуж за Вотанту и таким образом укрепить союз наших городов и богов? Какая вдохновенная мысль.

Регула завороженно следила глазами за юношой, изображавшим в танце бога-меченосца.

— Похоже, ваш Вотант — красивый, мужественный бог, достойный стать рядом с нашей храброй и прекрасной Садитой.

Анаксимандр засмеялся:

— Да, для меня и жрецов Вотанта — суровый законодатель, но для простого народа он еще и благородный герой, даритель огня и даже нечто вроде члена семьи. Кстати, многие боги в Шеме тоже несут в себе самые человеческие черты характера. Я думаю, боги наших городов найдут друг в друге много общего.

— Для меня все это звучит как заманчивое предложение, — задумчиво произнес Семиархос, — при условии, что Садита ясно даст нам понять благоприятными знамениями, истолкованными моей женой и другими жрицами, что она согласна на это. А ты, Занус, что скажешь на это? Стоит ли нашей богине принять предложение и стать женой бога наших соседей?

— Я, Ваше Величество? — Похоже, неожиданный вопрос застал врасплох воина, погруженного свои мысли. — Благодарю за то, что вы интересуетесь моим мнением, Повелитель. Я как раз думал о том, что такой союз мог бы принести большую пользу нашему городу. Добавив в наш пантеон мужской твердости, мы усилили бы нашу веру, воодушевили бы воинов-мужчин и могли бы решить некоторые моральные проблемы... — Неожиданно он оборвал себя и повернулся к Регуле: — Право, я ни в коей мере не умаляю твердости и благородства нашей веры в Садиту.

— Ладно, Занус, можешь не извиняться, — королева милостиво улыбнулась. — Думаю, не лишним будет и оживление наших храмовых танцев.

Королева бросила взгляд в сторону почтительно склонившихся танцов, стоявших вдоль одной из стен зала.

— Такое событие будет ознаменовано величайшими празднествами и торжествами, которые надолго запомнят наши граждане. А кроме того, дорогой гость, в земное будущее нашего царства уже вписана одна свадьба.

— Но к тому же и поединок, — добавил Семиархос. Ну да это пустяки. Занус без труда справится с бросившим ему вызов чужаком. Позволю объяснить, мой гость, что королева имела в виду свадьбу нашей дочери Африандры и этого великолепного воина. Так как у нас с

Регулой нет наследника-мужчины, мы решили, что лучшим решением будет выдать принцессу за лучшего из храмовых воинов, что соответствует традиционному в нашем городе союзу монархов и храма. Но теперь, — король задумался, теребя завитки своей бороды, — теперь, я полагаю, их брак мог бы символизировать союз Вотанты и Садиты! Об этом стоит подумать.

— Африандра? — перебил его Анаксимандр. — Я столько слышал о ее красоте. Где она? Почему ее нет с нами?

Регула вздохнула:

— А, девичьи штучки. Она с утра была в плохом настроении, потом ей стало нехорошо, но, думаю, она вот-вот присоединится к нам. — Наклонившись к служанке, она негромко приказала: — Аэлла, пойди и пригласи принцессу, пожалуйста.

Анаксимандр присвистнул от удивления:

— Э, да вы и вправду терпеливые правители. Вы прощаете дочке ее глупости, вы даже обращаетесь к слугам по имени и вежливо просите их исполнить ваше приказание. Невероятно. Вы и вправду отмечены богами. Вы и весь ваш город. Именно таких людей мы искали, чтобы... обрести друзей.

Семиархос, несколько смущенный, решил перейти в наступление:

— А ты, Анаксимандр, неужели ты оставил супругу и наследников взаперти, когда отправился в это путешествие? Или ты, следя традиции южного Шема, держишь гарем из знатных женщин-аристократок?

— Ни то, ни другое, — ответил саркадиец. — Появясь у меня наследник сейчас — это могло бы вызвать множество проблем, когда он вырастет, а я еще не буду преклонным старцем. Когда придет время, я выберу нескольких подходящих рабынь и позабочусь о продолжении своей династии. Таков многовековой обычай моих предков.

— Да, да, понятно, вполне объяснимая традиция. — Семиархос заговорил первым, чтобы не дать слова нахмутившейся Регуле. — У нас возникнут такие же проблемы, когда молодой Занус будет коронован как правитель Оджары, а я еще буду жив и в здравом уме. — Он тряхнул головой и похлопал храмового победителя по плечу. — Ничего, мы определим несколько лет для обучения управлению государством, а затем придумаем, как постепенно, шаг за шагом, передать власть...

— Африандра, дитя мое! — воскликнула Регула. — Как можно так долго заставлять себя ждать! Знакомься. Анаксимандр, король Сарка. Он только что предложил великолепный союз двух наших городов, их храмов и богов.

Принцесса подошла к центру зала, поклонилась Анаксимандру и поцеловала в лоб сидящих отца и мать.

Скромный и легкий поцелуй в щеку был словно не замечен Занусом.

— Дорогой гость, — продолжала Регула, — это наша дочь Африандра — единственная наследница и продолжательница королевской династии Оджары.

— Добро пожаловать, принцесса, — заявил Анаксимандр. — Вижу, что ты столь же прекрасна и восхитительна, как и твои царствующие родители. Подойди и сядь с нами. Отведай изысканных кушаний и редких напитков, стоящих на нашем столе. У нас тут есть прекрасное вино из Замбулы, тонкий арак из Турана и специально привезенный моим караваном нарцинт из Самарры. Твои родители уже позволяют тебе бокал вина? Садись. Давай поговорим. Я так много хочу узнать о вашей прекрасной семье и чудном городе.

Кубки были вновь наполнены, и разговор продолжился. Принцесса в основном молчала, лишь однажды отвечая на расспросы Анаксимандра. Единственное, что действительно заинтересовало ее, — это предложение о браке Вотанты и Садиты. Африандра начала яростно возражать, но королева быстро оборвала дочь:

— Ну, ну, дочка, что ты заволновалась? В любом случае это дело еще не решено. Над ним стоит много раз подумать. Успокойся. Выпей бокал отличного самаррского вина. И вправду, — добавил Семиархос. — В конце концов, сначала следует спросить Вотанту и Садиту, дадут ли они свое согласие на этот союз. — Повернувшись к королю Анаксимандру, он пояснил: — Моя супруга стала Верховной жрицей благодаря своей особой чувствительности в восприятии воли нашей богини. Вещие сны и видения наяву посещают ее. Кроме того, она достигла больших успехов и в обычных толкованиях по жженой кости, и по внутренностям жертвенных птиц и животных. Я думаю, при ее мастерстве и даре, нам не придется долго ждать ответа... Африандра, дочка, что с тобой?

Речь Семиархоса оборвалась, когда принцесса вдруг повалилась на пол. Стоявшая рядом Аэлла едва успела подхватить ее. С помощью королевы девушку вновь усадили в кресло, но тут она полностью потеряла сознание. Придя в себя после энергичного растирания рук и легких хлопков по щекам, она, не открывая глаз, сказала, что плохо себя чувствует и желает вернуться к себе в спальню. Едва держась на ногах, она удалилась из зала при помощи двух служанок, поддерживавших ее под руки

— Что бы это могло быть? — спросил король Анаксимандр. — Она глядела на меня, пригубив из кубка, как вдруг ее глаза широко раскрылись, и в следующий миг она рухнула на пол!

— Ох уж эти молоденькие девушки с их нервами, — посетовала Регула. — Не восприми это как оскорбление. Я и сама была такой в ее возрасте. Ничего, к вечеру она будет в форме, я уверена.

— Как бы то ни было, — сказал Анаксимандр, — вы благословлены вашей богиней, раз у вас есть такая красивая, чувствительная дочь. Любите ее, и она принесет вам много счастливых минут сейчас и в будущем, став мудрой королевой. А я могу лишь помолиться Вотанте, чтобы он тоже послал вам все то, что вы заслужили.

* * *

Принцесса Африандра, приняв лекарства, проспала весь день в своих покоях. Когда же она наконец очнулась, ее взгляд упал на силуэт мужчины, вырисовывавшийся на фоне балконной двери.

— Конан, — выдохнула она, приподнимаясь на подушках, и удивленно заморгала, глядя на него. — Но как ты пробрался сюда?

— Со дня набега, когда я узнал, что перебраться через стену не составляет большого труда, мои дела не пускали меня к тебе. — Киммериец не отходил от выхода на балкон, готовый исчезнуть в любую секунду. — Но сегодня я почувствовал, что с тобой не все в порядке... И вот я здесь, вижу, что ты спишь средь бела дня, явно приняв какие-то лекарства. Что такое, девочка, что случилось?

— Ничего, Конан. Просто высокое происхождение сыграло очередную злую шутку... Да еще этот чужеземный король...

— Ты пила наркант, правда? Я вижу это по тому, как блестят твои глаза. — Подойдя к стулу, стоявшему рядом с ее ложем, Конан спросил принцессу: — Африандра, эта дверь... она заперта? Я спрашиваю это только ради нашей безопасности... и твоей репутации...

— Не волнуйся, сюда никто не посмеет войти без стука. — Поднявшись на перинах, она

протянула руки к Конану: — Подойди сюда и сядь рядом, если уж ты пришел, чтобы утешить меня. Хотя странно ждать утешения от воина, одетого лишь в шлем и наколенники. А что это за золотой меч у тебя на боку? Он настоящий или тоже часть моего видения?

— Не такой уж я дурак, чтобы отправиться во дворе, к тебе в гости, без своего ножа. Скажи мне, девочка, что так беспокоит тебя? Твои предвидения?

— Ох, Конан. Это было ужасно. — Память неожиданно вернулась к принцессе. — Я смотрела на своих родителей, Аксандра... или как его там...

Его лицо с самого начала мне не понравилось. Но вдруг оно превратилось в оскаленный обожженный череп с лохмотьями обгорелой кожи. Я боюсь. Боюсь, что случится что-то ужасное.

— Ну, это пророческое видение мы уж как-нибудь растолкуем, — успокоил ее Конан, гладя девушку по голове. — Может быть, по пути домой в его шатре вспыхнет пожар. Скажи мне лучше, что с Занусом? Ему ведь предстоит нешуточный поединок. А твои родители, что ты увидела в их будущем?

— Прекрати, Конан, не надо! Я увидела только иноземного короля и упала в обморок. А потом я притворилась, что так и не могу прийти в себя чтобы не открывать глаза и не смотреть ни на кого. — Закрыв лицо руками, она зарыдала.

— Ну, ну, девочка, — Конан присел на край постели и осторожно обнял принцессу. Та прижалась к нему и, все еще всхлипывая, положила голову на его грудь.

Успокоить ее стоило изрядных усилий и решительных действий, что потребовало много времени. Пару раз робкие пальцы стучали в дверь. Африандра показала достойное присутствие духа, четким голосом отсылая непрошеных визитеров, а затем возвращаясь к процессу утешения как ни в чем не бывало.

Через некоторое время Африандра зажгла лампу. Ее неровный свет залил золотом их ложе. Словно песчаный островок посреди чернеющего моря, кровать стояла в центре темной комнаты.

Глядя загорелую спину Конана, Африандра говорила:

— Вот лучшее доказательство того, что мои видения — не бессмысленная чушь. Наоборот они сбываются даже точнее, чем можно предположить.

Конан потянулся и, приподнявшись на локте, спросил:

— Ты имеешь в виду... что я именно так и выглядел?

— Каждый мускул, каждый шрам, — кивнула Африандра, водя пальцем по его телу, как бы еще раз желая убедиться в своей правоте.

— Хорошо, что ты не увидела меня без головы или каких-нибудь других, не менее важных частей тела. Так, по крайней мере, у меня остается хоть какой-то шанс в поединке с твоим суженым.

— Конан, я как раз хотела поговорить с тобой об этом. Если бы ты не пришел, я сама нашла бы способ встретиться с тобой. — Голос похожей на нимфу женщины стал неожиданно твердым и холодным. — Ты ведь понимаешь, как мне трудно иметь двух мужчин, которые... которые мне небезразличны. И вот они готовы убить друг друга в поединке через каких-то несколько дней. Причем, строго говоря, даже не в борьбе за меня. Ведь выбор уже сделан, я объявлена невестой и не собираюсь разрывать помолвку. — Африандра заглянула в глаза Конану и почти взмолилась: — Разве ты не понимаешь, как трудно нам стало общаться с Занусом из-за тебя!

— Из-за меня? — фыркнул Конан. — При чем тут я? Я помог тебе, если ты еще помнишь, в твоих тайных побегах. Затем ты использовала меня, чтобы разозлить своего холодного, самовлюбленного приятеля. Нет, это Занус дергается, как муха в паутине. Из-за него и все неприятности!

— Я использовала тебя? Что ты мелешь? Я только попросила твоего совета. Совета

путешественника, видевшего мир. Конечно, следовало бы воспользоваться моим пророческим даром, чтобы увидеть, что это кончится здесь, в моей спальне... Если бы знать... — Африандра покачала головой даже в такой ситуации, Конан, у тебя нет причин для поединка с Занусом, — продолжала она убеждать его. — Не будь мальчишкой! Да, Занус остер на язык. Остр и его меч. Я все понимаю... Но стоит ли тебе так дрожать за свою варварскую гордость? Никто у тебя на родине не узнает, что с тобой случилось здесь. А мы, жители Оджары, что мы для тебя, если ты через месяц навсегда уедешь отсюда? С Занусом трудно иметь дело, это правда, но пойми, он ведь тоже человек, у него есть чувства, он обижаться так же, как и ты. И повод для обиды у него был.

— Он у меня еще не так обидится! Видит Кром, этот самодовольный пес...

— Тише ты. — Африандра положила руку на плечо киммерийца. — Конан, Занус несет тяжкую ношу. Как храмовый победитель, он должен быть непобедимым, не ломаться ни перед какими трудностями и препятствиями. По крайней мере, люди должны верить, что это так. К тому же мои родители объявили его будущим правителем. А править Оджарой — это не удовольствие, это жизнь, полная ответственности и размышлений. Да еще приходится иметь дело со мной. Как видишь, тоже не подарочек...

— А я не вижу менее подходящей кандидатуры на пост правителя, чем этот ограниченный, примитивный пижон. — Конан сплюнул. — Никто другой так быстро не сумеет превратить ваш терпимый и свободный город в бездушную тюрьму, похожую как две капли воды на другие шемитские государства. Я окажу тебе и всему твоему народу большую услугу, изрубив этого парня в капусту.

— Конан, в душе ты благороден и раним, — заливаясь слезами, взмолилась принцесса. — Да, он ограничен, но мне с ним жить. Ради меня и моих родителей...

Ее прервал слабый стук в дверь.

— Принцесса, с вами все в порядке? — раздался приглушенный толстой дверью голос.

— Да, мне лучше. — Как и раньше, она говорила твердо и повелительно. — Оставьте меня, я не хочу, чтобы меня беспокоили.

— Простите, принцесса. — Дверь приоткрылась. — Я не могу удержаться, мне нужно...

При виде лежащих на кровати любовников лицо в дверном проеме побелело. Это был Занус. Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и суметь хоть что-то сказать.

— А, понятно, — прохрипел он наконец.

— Занус, я... — начала Африандра, но было уже поздно. Дверь захлопнулась, Занус безмолвно удалился.

— Похоже, у парня есть кое-какой здравый смысл. — Конан ослабил хватку на рукояти ножа, который он держал ниже края кровати. — Может быть, став королем, он будет давать тебе некоторую свободу.

— Нет, Конан, так дальше нельзя! Ты должен уехать, уехать из Оджары немедленно! В конце концов, что это для тебя значит? Я могу дать тебе денег на дорогу! Остановись где-нибудь в горах, в крайнем случае в деревне подальше от города. Дождись своего каравана там. Тебе нельзя вступать в поединок с Занусом. Если ты убьешь его, это будет самой страшной трагедией для города. А после того, что он видел сегодня, я не смогу убедить его пощадить тебя.

— Невозможно, — сказал Конан, садясь и протягивая руку за одежду. — В ответ на его оскорбления я вызвал его на поединок. Прилюдно. Африандра, по законам вашего храма, вызов — священен. И по моему закону тоже. — Тяжелый клинок скользнул в петлю на поясе. — Я не могу бежать от этого поединка, даже если все принцессы Шема будут на коленях умолять меня об этом.

Киммериец встал и в последний раз погладил Африандру по голове.

— Ну что ж, хорошо, если ты не можешь отступить, у тебя есть один способ доказать свою любовь ко мне. — Подняв залитое слезами лицо, принц взглянула Конану в глаза: — Дай Занусу убить себя!

Глава IX

ПЕСЧАНОЕ МОРЕ

Король Сарка Анаксимандр совершил свой путь через пустыню в полном комфорте. Откинувшись в кресле, он наслаждался равномерным покачиванием паланкина на плечах рабов. Это напоминало ему то, что рассказывали путешественники о плавании по морю. Сначала — постепенное карабканье вверх по склону бархана, замедляющееся к вершине, когда ноги носильщиков чуть не по колено вязли в сыпучем песке. Затем — миг зависания на гребне и спуск, все ускоряющийся по мере того, как рабы все чаще переступали ногами, удерживая рвущуюся вниз тяжесть драгоценного груза. Несколько шагов по ровному месту — передышка перед новым подъемом.

Анаксимандр радовался, словно ребенок. Он восхищался удобством и разнообразием путешествия, наслаждался ветерком, колыхавшим занавеси его экипажа, но более всего его приводил в восторг вид, открывавшийся на гребне дюн до горизонта. Король хвалил себя за мудрое решение — возвращаться домой этой дорогой, а не по ровному выжженому дну древнего моря.

Конечно, следовало бы хорошенъко наказать рабов за несогласованность и неритмичность шага. Но в конце концов, благодушно подумал король Сарка, все дело в отсутствии навыка и тренировки. Надо будет погонять их хорошенъко. Сумели же танцоры так исполнить свой танец, что восхитили искушенных правителей Оджары. А кроме того, эта неритмичность покачивания доставляла определенное удовольствие.

Охрана, вполне возможно, имела возражения против выбранного маршрута, но благородумно держала их при себе. Солдаты, равномерно окружив паланкин, шли, приоравливаясь к скорости носильщиков. Неожиданно командир отряда — офицер с обезображенными шрамами лицом, одетый в полированные бронзовые доспехи, — приблизился на своем коне к движущемуся трону Анаксимандра.

— Ваше Величество, — осторожно начал он. — На горизонте замечена процессия, следующая по солончаковой равнине на юг. Полагаю, это отряд Верховного жреца Куманоса, перевозящий священного идола в Оджару.

Анаксимандр поразмышлял некоторое время.

— Отлично, — заявил он, — значит, Куманос выдерживает обговоренный график движения. — Помолчав еще немного, король сказал: — А все-таки давненько я не слышал новостей от него. Да и те только через курьеров. Привези его сюда. Мне нужно с ним поговорить. Да, и пошли пару своих людей, чтобы они погоняли рабов во время его отсутствия: идол не должен замедлять движения.

— Будет исполнено, Ваше Величество.

Командир пустил коня галопом и, догнав своего заместителя, отдал необходимые распоряжения и немедленно подозвал нескольких солдат, и, к удовольствию Анаксимандра, через несколько мгновений группа всадников уже неслась по барханам, оставляя за собой фонтаны поднятого песка.

Меньше чем через час гонцы вернулись. На этот раз они подъехали к каравану сзади. Король заметил их только тогда, когда лошади перевали через гребень ближайшего бархана. Посреди группы всадников скакал Куманос. По тому, как он держался за поводья, прижаввшись к спине лошади, Анаксимандр понял, что верховая езда для жреца в новинку. Хлопком в ладоши король

остановил носильщиков, а затем приказал опустить паланкин на песок.

Куманос сполз с лошади и, с трудом передвигая ноги, пошатываясь, подошел к королю. Однако он не упал и даже не застонал, чего с уверенностью ждал Анаксимандр, зная, чего стоит первая прогулка на полном скаку.

— Ваше Величество, — поприветствовал его Верховный жрец голосом, никогда раньше не звучавшим так твердо.

— Ну, молодой жрец, — почти дружески поздоровался с ним король, — время и тяжкие обязанности изменили тебя... надеюсь, к лучшему. Конечно, ты не помолодел, но, наоборот, стал более зрелым. Давай-ка залезай, проедешься со мной немного. Рабы, думаю, выдержат дополнительный вес. Отличная штука — такая прогулка по дюнам. Уверен, тебе тоже понравится.

Прежде чем подняться в паланкин, Куманос задержался. Слуги короля стянули с него пропыленную одежду и надели какую-то шелковую золотистую хламиду из одного из королевских сундуков. Когда жрец переодевался, Анаксимандр обратил внимание на его измученное, исхудавшее тело — почти что живой скелет, обтянутый кожей. Единственным украшением, которое носил при себе Куманос был обломок ржавого ножа на шнурке, висевший на его шее. Переодевшись, Куманос нырнул под прозрачную тюлевую занавеску и влез в королевский паланкин.

Жрец сел напротив короля, спиной по ходу движения. Когда по сигналу Анаксимандра рабы взвалили паланкин на плечи, Верховный жрец от неожиданности покачнулся и чуть не выпал наружу. От падения на песок его спас король, цепко схвативший его за тонкое запястье.

— Итак, Верховный жрец, — начал Анаксимандр, когда Куманос чуть освоился с покачивающимся движением паланкина, — исполнил ли ты в точности требования нашего бога Вотанты? Как идол? Был ли он отлит в точном соответствии с древними формулами?

— Да, Ваше Величество. — Куманос бесстрастно смотрел на короля, его голос охрип на ветрах пустыни. — Священный металл был обнаружен в трех шахтах в Шартоумских горах, найденных по древним приметам. Печати на шахтах не были вскрыты. Руда соответствовала тем образцам, которые дал мне Солон. Эту руду перенесли к Трубам Шайтана, чтобы выплавить металл. Хранители выполнили свой долг полностью, как следовало по договору.

— А этот хитрый черт, шейх, — он помог тебе?

— Да, Повелитель. За оговоренную плату он предоставил мне рабов. Кроме того, нас не беспокоили отряды его охотников за караванами. Мы смогли вовремя выполнить работу и отправить части идола в путь в назначенное время.

— Что ж, отлично. Старый шакал, наверное, все-таки здорово побаивается меня и не рискует обманывать или не выполнять условия договора. Рад, что твоя работа оказалась заметно облегчена моими усилиями. Ну а как другие отряды? Тебе что-нибудь известно об их продвижении?

— По последним полученным мною сведениям обе группы миновали Сарк. Все три части и. весят одинаково, но у восточной группы самый длинный маршрут, а центральной придется идти по пересеченной местности. Они заденут отроги гор, чтобы обойти стороной наш город и наши земли.

— Да уж, — кивнул король, — позволить идолу проехать через Сарк — вот было бы худшее из предзнаменований.

— Конечно, Повелитель. А следовательно две другие группы где-то позади меня. Недавно я выслал гонцов-разведчиков, чтобы точно выяснить их местоположение в настоящий момент.

Кто руководит ими? Твои старшие помощники? Надеюсь, ответственные юноши?

— Да, Ваше Величество. Я специально проверял их и готовил и уверен, что они считают

свою миссию почетным и угодным Вотанте делом, не терпящим неточностей или задержек. — Куманос прикоснулся к рукояти ножа, висевшего у него на шее. — И все же, Повелитель, моя рабочая команда изрядно уменьшилась из-за тяжести пути, болезней и несчастных случаев. Почти всех охранников я превратил в тягловую силу. Думаю, такая ситуация и в других группах. Если бы вы сочли возможным отрядить нам дополнительный рабов или солдат...

— Несомненно. Моя королевская воля всячески помогает вашему делу. Можешь прямо сейчас взять себе две дюжины моих охранников, если А вернувшись в Сарк, я соберу людей — не по повинности, а добровольцев. У нас в городе сейчас такие дела, что десятки людей согласятся продаться в рабство за еду и воду для себя и за обещание вознаграждения по возвращении домой. Я отправлю их на помощь всем трем отрядам.

На безмолвный кивок Куманоса Анаксимандр заметил:

— Хорошо. А теперь поешь и выпей. Устал я от твоего каркающего, пересушенного голоса.

Король махнул рукой в сторону корзины, стоявшей у его ног и доверху заполненной фруктами, сыром, печенем и запечатанными кувшинами с вином.

— А я пока расскажу тебе новости, которые прольют бальзам на твое иссушенное солнцем сердце и наполнит его благодарностью к твоему мудрому Повелителю. Я только что из Оджары. И знаешь, я подготовил все, что нужно для нашего дела. Священное Дерево силы Вотанты будет допущено в город, пустит свои корни и зацветет там.

Куманос, евший и пивший без видимого аппетита, ничего не сказал своему Повелителю, лишь бросил на него взгляд тревожных темных глаз.

— В общем, — продолжал Анаксимандр, — мой визит можно считать абсолютно успешным как с точки зрения дипломатии, так и миссионерской деятельности. Между прочим, я был приглашен в самое сердце вражеского города — в его дворец и храм. Меня приветствовали правители и вражеский народ. — Король рассмеялся, что было знаком неслыханного доверия и откровенности по отношению к подданному. — Знаешь, вблизи я увидел, в чем их слабость, чем они так ненавистны нашему богу Вотанте. Открытость, слабые моральные устои, непочтение к власти... а какое невежество — считать, что пороки других совпадают с их собственными. К счастью, такие недостатки не могут помешан, мудрому человеку добиться от них того, что ему нужно. Будь спокоен, я вымостил путь нашему богу и в Оджару в религиозном, политическом и в духовном отношении.

— Я так понимаю, вы, Повелитель, считаете их достойными быть принесенными в жертву Вotанте? — Куманос отставил опорожненный кувшин.

— Да, во всех смыслах! Их процветание и благосостояние, богатство их земель и красота их города, не говоря уже о полной невиновности ни в чем, делают их отличными жертвами, прямиком направляющими свои души великому Вотанте в яростном жертвенном огне. Кстати, город оказался как две капли воды похож на тот, что был послан нам миражом.

Я спрашивал их, но они и слыхом не слыхивали о столь зловещем для своего города предзнаменовании. Я намекал им и на уготованную их городу судьбу. Кто знает, быть может, мои слова будут помянуты в миг последней агонии, когда свершится акт жертвоприношения.

Я знаю, Куманос, что по ритуалу тебе будет принадлежать честь произнести последние заклинания. Но не позволишь ли ты мне удовлетворить мое личное чувство мести и самому произнести их? Полагаю, Вотанта не будет против. Ведь, в конце концов, я — главный его наместник на земле,

— Повелитель, мне негоже проявлять личные амбиции. Я лишь слуга божий и исполнитель его воли. Как будет угодно Вотанте, так я и поступлю.

Отбросив веселье, король с интересом посмотрел на Куманоса:

— А ты и вправду очень изменился. Раньше ты, бывало, казался мне размазней, годным,

пожалуй, лишь для утешения селян, чьи посевы засохли, так и не взойдя. А теперь я вижу в тебе твердость и решительность, достойную служителя нашего великого бога.

— Да, Повелитель. Этим я обязан окрепшей вере и, несомненно, влиянию последнего пророка — Солона. Он взял на себя труд... показать мне бренность земных страстей и стремлений, да и самой жизни. Этот амулет — память о его помощи на пути постижения мудрости. — При этих словах Куманос снял с шеи ржавый обломок меча и показал его Анаксимандру на вытянутых руках.

— Ах да, Солон, конечно, — сказал король. — Старее, чем горы. Как мне сообщили, он внезапно скончался вскоре после своего паломничества к нему. Счастье, что он успел передать свою мудрость в надежные руки.

— Говоря правду, Повелитель, я был рядом с ним, когда он погиб, оступившись в своей предательской, наполненной страшными костями пещере. Его уход из этого мира стал для меня бесценным уроком и доказательством того, насколько хрупка и слаба жизнь даже самого достойного и мудрого из смертных.

— А вместе со своей мудростью он передал тебе меч Онотимантоса. Не вздумай только использовать его против моей вечной души или смертного тела. Король чуть приоткрыл ворот своего одеяния, под шелком которого сверкнули кольца серебряной кольчуги. — Если только попробуешь, то получишь урок того, как мало стоит еще одна достойная жизнь — твоя собственная.

— Нет, Повелитель, конечно, нет. — В голосе Куманоса не слышалось ни страха, ни беспокойства по поводу угрозы короля. — Я буду использовать его силу только против тех, чьи чувства или мысли станут помехой на пути осуществления воли Вотанты. А ваш разум, ваша воля — источник и основная сила,двигающая наше дело. И пока так будет продолжаться, Повелитель, ваша душа может быть спокойна — меня она интересует в последнюю очередь.

— А ты и вправду мудр, Куманос. Пожалуй, ты лучше кого бы то ни было подходишь для сана Верховного жреца, служащего мне и великому Вотанте.

Анаксимандр хлопнул в ладоши, чтобы при внимание всадников, следовавших за его экипажем

— А теперь отправляйся, — приказал король, — и веди свои отряды на север. Я буду ждать новостей от тебя. Известий о твоем успехе и о твоем собственном славном жертвоприношении.

Глава X

ПЕРЕД ЛИКОМ БОГИНИ

Конану казалось, что вся Оджара собралась на Агоре этим ясным, солнечным утром, чтобы присутствовать при его священном поединке с Занусом. Он знал, что есть и исключения. Например, стражники на стеках, да и селяне, погоняющие мулов, которые вращали винтовые насосы, подающие воду на поля. Если оставить посевы без полива хоть на один день, полуденное солнце успеет сжечь добрую часть урожая. Но при всем этом отсутствующих и их желание видеть поединок почти зримо носились в воздухе, словно стая голубей между колонн храма.

Кое-кто ухитрился нажиться и на этом деле. Среди толпы тут и там сновали юркие и суетливые собиратели ставок. Конан заметил, что ставки были примерно одинаковыми и явно не в его пользу. Никто из присутствующих не предвидел серьезной опасности для храмового воина.

Среди зрителей находилась и монаршая чета. Король и королева сидели на специально отведенном для них диване, установленном на возвышении у ворот дворца. Между ними молча сидела принцесса Африандра. Еще красивее, чем раньше, торжественно одетая и причесанная, она показалась Конану бледноватой. Ее глаза припухли и покраснели — наверное, от бессонных ночей.

По сторонам площади были установлены грубые деревянные скамьи — помосты для тех оджарцев, которым не хватило места вблизи. Наспех сколоченные, эти скамьи оказались не самым удобным и надежным сооружением. Стоявшим на шатающихся досках зрителям приходилось вставать на цыпочки, придерживаясь за плечи стоящих впереди, чтобы увидеть место поединка. В лучшем положении оказались мальчишки, оседлавшие стену храмового квартала. Среди них Конан заметил Эзреля и троих сирот, навещавших его лагерь, хотя и не так часто после набега кочевников.

Несмотря на свою дурную славу, Конан мог с уверенностью назвать нескольких зрителей, целиком державших его сторону. Сейчас они плотной группой стоили рядом с ним в углу площадки для поединка: хозяин таверны Анакс, Бабета, несколько ее подружек и горстка слуг и работников караванного квартала.

Среди них не было Шарлы, которая в эти минуты исполняла вместе с остальными жрицами Садиты ритуальный танец между колонн храма. Чем быстрее и яростней становился их танец, тем громче был ропот толпы, притоптывавшей в такт барабану даже подпевавшей флейтам и цитрам, слышащимся из храма.

Когда танец кончился, Агора замерла в молчаливом ожидании слов Регулы — Верховной жрицы богини Садиты. Наконец над площадью прокатив ее мощный голос:

— Вызов был брошен и принят! Назначен священный поединок! Во имя Садиты — пусть начнется ритуал!

Шквал криков приветствовал ее слова. Но овация смолкла, стоило лишь Регуле вновь набрать воздух и продолжить:

— Ответчик в сегодняшнем поединке — великий победитель турниров храма Садиты, воин Восьмого Уровня, Старший Воин Храма и защитник богини! Это не кто иной, как Занус, известный всем и любимый всеми уроженец нашего священного города Оджары! Занус, шаг вперед!

Занус, высокий, статный, как всегда бесстрастный, шагнул вперед из группы приближенных к королю, собравшихся около королевского помоста. Ропот, прокатившийся по толпе, не был

овацией, неуместной в такой миг. Скорее это был вздох восхищения и любви горожан к спасителю и будущему правителю их города. Королева Регула обняла Зануса как мать, а затем, повернувшись к публике, словно представила его зрителям, не снимая руки с плеча воина:

— Занус, хочешь ли ты посвятить чему-то этот бой и кровь, которая, несомненно, будет пролита сегодня? Чему будет посвящено это кровавое жертвоприношение бессмертной Садите?

Занус абсолютно спокойно оглядел толпу и кивнул. Бросив короткий взгляд на короля и принцессу и даже не взглянув на стоявшего напротив Конана, заговорил голосом, окрепшим в командах и молитвах:

— Действительно, у меня есть особое посвящение. Что сегодняшний поединок, как и все, происходившее в нашем городе, надолго останется в вашей памяти. Я хочу почтить вас, дорогие сограждане и братья по вере, демонстрацией высочайшего уровня мастерства владения мечом, какого только может достичь человек.

Последовавшая за этими словами пауза была заполнена восхищенными вздохами в толпе зрителей.

— Я долго шел к этому. Тренировки и долгие часы размышлений и искренних молитв Единственной Истинной Богине привели меня к такому решению. — Занус оглядел толпу с видом смиренной добродетели. — Жертва, которую я приношу сегодня Садите, будет принесена ей через имя ее благородной почитательницы — принцессы Африандры, будущей королевы Оджары!

И вновь по толпе пронесся вихрь не аплодисментов, но восхищенных вздохов, выкриков и шепота. Конан понял, что никто из присутствующих не в курсе разразившегося скандала. Сам киммериец не посвятил никого в свои более чем близкие отношения с принцессой. Двум другим участникам этого треугольника тоже была не с руки огласка. Поэтому от слушателей был скрыт истинный смысл слов Зануса, полных ревности и злой обиды. Посторонние услышали лишь красивые, высокопарные фразы, столь привычные в устах храмового победителя.

Единственной реакцией Конана на слова Зануса было еще большее желание начать бой. После той мольбы Африандры, обращенной к нему, киммериец голову сломал, прикидывая возможные достойные выходы из поединка: например, сколько ран он должен получить, чтобы быть унесенным с поля боя на радость принцессе, или же, наоборот, насколько серьезно он может поранить Зануса, не убивая его и не искалечив навсегда этого записного городского героя.

Проконсультировавшись с Эзрелем, Конан понял, что Садита не столь уж кровожадна и не требует смерти одного или обоих дуэлянтов. Достаточно лишь тяжелой раны одного из них, чтобы поединок был прекращен. Ради Африандры и будущего королевской династии следовало оставить в целости и сохранности кое-какие важные детали организма Зануса. Это, конечно, заметно сужало круг устраивавших Конана исходов поединка. В конце концов киммериец пришел к выводу, что лучшим из возможных исходов было бы обоюдное ранение. Конечно, в идеале рана Зануса должна быть тяжелее, чем нанесенная им Конану. При этом ни одно из ранений не должно быть унизительным. Оба соперника должны будут потерять много крови, чтобы удовлетворить все заинтересованные стороны — как смертные, так и неземные.

Конан понимал, что, скорее всего, эти ранения окажутся благими намерениями. Зная Зануса, его стиль и навык ведения боя, можно было предположить, что выбор будет стоять между тем, чтобы убить или погибнуть самому. Лично он предпочитал первый вариант. Время от времени киммериец спрашивал сам себя: готов ли он умереть ради каприза Африандры? Выходило, что нет.

— Какая вдохновенность, какое самоотречение! — восторженно декламировала Регула. — В Занусе мы видим чистоту и благородство, присущее жизни того, кто верно служит Садите. Граждане Оджары, я призываю вас вознести бессловесную молитву за нашего храмового

победителя и его благородные помыслы!

После мгновения гробовой тишины, повисшей над площадью, королева заговорила вновь:

— Вывоз Занусу за личное оскорбление был брошен человеком по имени... — тут она взглянула на маленькую восковую дощечку, зажатую в ладони, — ... по имени Конан, не благородного происхождения, не последователем нашей богини, не жителем Оджары. Конан, шаг вперед.

Выйдя из кучки своих знакомых, Конан шагнул за деревянное ограждение арены, на вымощенную площадь Агоры. Неодобрительный ропот пронесся над толпой. Относился ли он лично к киммерийцу или к его непрятязательному наряду — этого Конан не знал. Не знал он и того, попросят ли его сказать что-нибудь эдакое для толпы зрителей. Когда королева жестом остановила Конана в нескольких шагах от себя и собралась что-то сказать, раздался протестующий голос Зануса:

— Стойте! Этот клинок... — он ткнул пальцем в сторону висевшего на поясе киммерийца ильбарского кинжала, — он не подходит для священного поединка. Это же не боевое оружие, а просто хозяйственный нож. — Занус обратился к одному из храмовых воинов, стоявших строем позади — Ради милости Садиты, подари этому несчастному благородный клинок, достойный сегодняшнего боя.

Протянув свое оружие, Конан принял взамен меч с золоченой рукоятью, скрытый в шикарных ножнах.

— Предупреждаю тебя, Занус, я еще ребенком ворочал мечом потяжелей этого. — Обнажив клинок, киммериец отбросил ножны в сторону. — Не думай, что непривычным мне оружием я дальше буду добираться до твоей глотки.

— Если ты все еще думаешь, что исход сегодняшнего боя зависит от того, какой клинок у тебя в руках... — Занус замолчал, не договорив фразы. Его лицо не скривилось даже в презрительной улыбке, глаза едва взглянули на Конана. — Я просто хочу, чтобы были соблюдены все правила. Ты и то оружие, которое будет в твоих руках, ничего не значат ни для меня, ни для нашего храма. Ты никто, безродный варвар, никому нет дела до того, какой клинок осквернишь ты своими лапами.

— Оскорблений — это твоя разменная монета, Занус, — сказал Конан и сплюнул. — Не пытайся разозлить меня ими. Это не поможет тебе уйти от возмездия.

Его соперник лишь слегка пожал плечами и бросил:

— Неужели ты еще не понял, варвар? Ты уже побежден. Очищающая все кровь смоет тебя и то зло, которое ты причинил мне... Ну, хватит. К бою!

Еще во время обмена угрозами Регула опасливо попятилась. При последней фразе Зануса храмовые воины поспешили закрыть ее, встав стеной перед королевой. Поле боя было очищено.

Пока они отходили к помосту, Конан успел подумать, что здесь что-то нечисто. Занус не сумасшедший. Опытный воин, он видел Конана в бою. Почему же он с такой уверенностью выходит на этот поединок? Что питает его непоколебимость: фанатизм или же колдовство? Неужели его госпожа Садита из тех мелочных божков, которые опускаются до того, что напрямую вмешиваются в личные дела смертных? Взглянув на портик, киммериец увидел ее портрет, высеченный на камне, — похожее на маску, непроницаемое лицо.

Храмовый воин поприветствовал противника, подняв меч вертикально перед собой. Конан сделал такой же жест, предполагая, что это часть традиционного ритуала. Дистанция между противниками была достаточно большой — полдюжины шагов, не больше. Конан опустил меч и начал осторожно, крадущимися шагами приближаться к противнику.

В это время Занус высоко поднял свой меч, сделал резкое движение руками так, что меч описал сверкающую дугу над его головой. Затем храмовый воин расстегнул тунику, обнажив шею

и сильные, широкие плечи.

Взмахнув мечом еще раз, Занус отрубил себе голову.

Удар был твердо рассчитан и нанесен изо всех сил. Конан понял это сразу, хотя все еще не мог понять, что случилось. Отточенная сталь насквозь прошла человеческую плоть — кожу, кость и мышцы. Голова мастера фехтования Зануса покатилась по камням мостовой под алым кровавым фонтаном. Его тело еще некоторое время неподвижноостояло, сжимая в руках меч. Затем раздался звон стали о камни, и обезглавленный труп, извиваясь и дергаясь, рухнул вслед за головой и клинком на чисто вымытые камни площади.

Это зрелище не было встречено криками ужаса. Нет. Никто еще не пришел в себя и не мог поверить в случившееся. Неподвижность и молчание тянулись долго, пока Конан первым не издал короткий хриплый смешок. Затем он недоверчиво поинтересовался:

— Кром! Что все это значит? — Он повернулся за разъяснениями к ближайшим зрителям: — Что за цирк вы тут придумали? Я вполне управился бы с ним сам...

— Молчать! — раздался окрик Регулы с королевского помоста. — Чужеземец, не оскверняй этот священный миг! Хватит богохульствовать и поносить имена других богов здесь, перед храмом Единственной Истинной Богини.

— Верующие в Садиту! — вновь обратилась она к молчащей толпе. — Я не предвидела этого события. Наша богиня держит кое-что из своих намерений в секрете от простых смертных. Но будьте уверены — вы избраны ею, чтобы присутствовать в этот день. Вы видели акт высшей воли, выражение высшей силы веры! Жители Оджары, вы стали свидетелями чуда!

При этих словах толпа начала пробуждаться от оцепенения. Конан увидел, как люди стали тянуться и вставать на цыпочки, чтобы увидеть останки Зануса. Послышались удивленные взгласы.

— Триста лет подобные подвиги не совершались на храмовых церемониях, — продолжала Регула. — И никогда в истории Оджары жертва не была принесена с таким мастерством. Никто, кроме Зануса не постиг так глубоко искусство боя, никто не был так силен и крепок в своей вере. Садита признала заслуги своего служителя. Ему было дозволено принести себя в жертву. Поступив так, он занял свое место среди бессмертных!

Красноречию Верховной жрицы, стремящейся успокоить пораженных свидетелей происшедшего, казалось, не будет предела.

— То, что вы сейчас видели, — не что иное, как доказательство бессмертия! Вы сами видели это! Сами, своими глазами! Жители Оджары! Это будет нам последним уроком, доказательством силы веры. Слушайте и запоминайте! Вы, ваши дети и многие поколения потомков ваших детей веками будут поклоняться Занусу. Да, наш город потерял прекрасного будущего короля, но обрел бессмертного героя!

Королева Регула подошла к телу Зануса насколько возможно близко, так, чтобы не испачкать алой кровью сандалии. По ее знаку несколько придворных бросились собирать останки в белые льняные полотнища. Один сверток получился большим, другой — непривычно маленьким. В нем была укрыта отрубленная голова. Свертки быстро унесли. Кровь даже не успела выступить сквозь белую ткань. Пока шла работа, Конан воспользовался возможностью задать вопрос:

— А как же я, королева? Занус обманул меня, избежав неминуемого поражения от моего клинка.

— Обманул? — яростно бросила ему Регула. — Чужеземец, ты так и не понял, что проиграл бой! Твое поражение не могло быть более полным, даже если бы твоя голова рухнула на камни, отделенная от тела его клинком!

Она выпрямилась, развернула плечи — настоящим неприступная статуя, воплощенное достоинство.

— Совершено ритуальное жертвоприношение. Пролита кровь, посвященная богине... Рука Зануса пролила эту кровь. Значит, он победитель! И его победа будет жить в веках!

Стоя далеко от киммерийца, по другую сторону кровавой лужи, королева театральным жестом ткнула в него пальцем и патетически продолжила;

— А ты... твоя роль в происшедшем — ничто. Даже меньше, чем ничто. И хуже! Ведь это ты, чужеземец, не знающий наших законов, насмехался над героем, оскорблял его в минуты, предшествующие очистительному жертвоприношению. Ты первым нарушил священное безмолвие. Твой голос произнес имя твоего варварского бога, осквернив священный миг подвига.

Чутье жрицы и правительницы подсказывало Регуле, что для возвышения Зануса нужно было чье-либо одновременное унижение. И ее выбор пал на Конана. Своей риторикой она стала настраивать толпу против него. Киммериец покрепче сжал рукоять меча, подозревая, что вот-вот его станут рвать на куски в религиозном гневе.

— Наказанием за твою дерзость, как и для всякого другого, нарушившего правила священной дуэли, будет изгнание из города и забвение. С этого дня ты для нас никто, Конан Чужеземец. Тебе больше нет места в Оджаре, перед лицом Единственной Богини,

— Подожди, королева! — возмущенно воскликнул Конан. — Что бы это ни означало по правилам ваших поединков, но по всем законам чести я невиновен. Я никому не причинил зла, я помогал защищать ваш город!

Повернувшись к седовласому монарху, Конан крикнул:

— Семиархос! Ты же сам признал мои заслуги перед Оджарой и признал меня гражданином, имеющим все права и находящимся под защитой вашего храма.

— От которого ты отречен, — отрезал король, — точно так же, как любой горожанин, нарушивший священные законы.

Семиархос не задержал своего взгляда на Конана. Африандра тоже повернула залитое слезами лицо в другую сторону, чтобы даже случайно не увидеть киммерийца.

— Бросьте вы это! Почему безумие так заразительно? Занус — дурак, которому не жаль собственной жизни. А вы...

Конан повернулся, ища поддержки у своих друзей. Но ни Анакс, ни Бабета ни словом не поддержали его.

им его. Эти люди, сами парии респектабельного общества Оджары, в этот момент почувствовали себя единными с остальными горожанами и отвернулись от Конана.

— Видит Кром, вы все лицемеры! Как можно... — В последней надежде Конан повернулся и посмотрел на стену, где сидели, свесив ноги, его приятели. Но даже они не рискнули посмотреть ему в глаза. Хотя Конану показалось, что он поймал робкий взгляд Иноса, тотчас же испуганно отвернувшегося.

— Ну что ж, так оно, наверное, и к лучшему, — громко и четко сказал киммериец. — В моем сердце не осталось любви к Оджаре! В любом случае я собирался скоро уехать отсюда. Если этот подаренный мне меч стоит хорошего верблюда, пары мешков для воды и немного продовольствия, тогда я немедленно уеду из этого города и не буду досаждать вам своим присутствием.

— Да будет так, — объявила королева Регула, глядя в небо поверх головы Конана. — Я обязую тебя, чужеземец, закончить все свои дела и покинуть наш город до заката под страхом смерти. С этого часа и впредь, именем Садиты, ты — вне закона!

Глава XI

ИЗГНАНИК

Слоны гор Отчаяния ограничивали с одной стороны песчаную равнину, по которой двигался одинокий всадник. Ближе к нему, с другой стороны, выстроились неровной стеной багровые вершины хребта Крови Атталоса. На западе вгрызались в горячее голубое небо ледники Клыков Зафура. Они и вправду походили на клыки чудовищного зверя, как их описывали Конану опытные пустынныекочевники-шемиты. Много зловещих легенд, связанных с этими горами, из поколения в поколение рассказывали уочных костров в местных племенах. Скорее всего, карты этих мест еще никто не составлял, если не считать подробнейшего плана хранившегося в памяти проводников караванов и их вечных противников — охотников за караванами.

Зажатая между горами равнина пылала, как дно раскаленного пустого медного котла. Перед путешественниками, собиравшимися преодолеть пустыню, стоял тяжелый выбор: или обойти ее по краю, менее выжженому солнцем, совершая переходы от одного оазиса к другому, рискуя нарваться на разбойников или не найти очередного колодца, или же пойти напрямик — через самое пекло, экономя время. Конан, ехавший на отличном двугорбом туранском верблюде, выбрал более короткий путь.

Зная неприветливость этих мест и их редких обитателей, он не собирался забираться в глубь восточного Шема. Ему нужно было лишь выйти прямой дорогой к самым низким седловинам перевалов гор Отчаяния, ведущих через пограничные государства Кофа к караванным дорогам на Шадизар. Но тут везение подвело киммерийца: первый же оазис, который он рассчитывал и о котором хорошо отзывались погонщики, оказался мертвым. Почекневшие стволы пальм склонились над пересохшим, покрытым коркой соли озером, чье дно покрывали бесчисленные лунки и ямы, выкопанные добравшимся сюда путешественниками в тщетной надежде найти ущедшую воду.

К счастью, Конану еще не настолько нехватало живительной влаги, как многим побывавшим здесь до него, чьи иссохшие останки лежали повсюду полузасыпанные песком. Тут были и верблюды, зарезанные хозяевами ради последних капель алои жидкости, оставшихся в их сухих жилах. У многих человеческих трупов тоже были перерезаны горла в последней борьбе за глоток воды.

Конан даже обрадовался, что не встретил ни единой живой души. Иначе ему пришлось бы изрядно опустошить свой запас воды или же, наоборот, оказать последнюю милость обезумевшим страждущим. Киммериец не любил такого рода стычки — что-то нечестное, недостойное виделось ему в таком неравном бою. Отчасти поэтому он хотел дождаться в Оджаре каравана — с запасом моды и с грузом вина. Кроме того, в таком случае он мог претендовать на долю груза или плату за помощь в охране каравана.

Однако судьба нарушила эти планы. Конан был изгнан из Оджары, изгнан с позором, и это не давало ему покоя, заставляя вновь и вновь ломать голову, вспоминая и осмысливая происшедшее. Больше всего озадачил киммерийца поступок Зануса. Чтобы воин-жрец, победитель во многих боях, так запросто пошел на самоубийство — такого фанатизма Конан не ждал даже от обитателей этой забытой богами земли. Да и не вязался этот поступок с самовлюбленностью Зануса. Чем больше Конан размышлял над этим, тем больше убеждался, что дело было в Африандре.

Конечно, речь не шла о любви воина к принцессе. Этот ограниченный, самодовольный

человек вряд ли был способен любить кого-либо, кроме себя. Скорее, дело заключалось в ускользавшей от него добыче: обещанной ему супруге и верховной власти.

Честолюбивый Занус уже давно мысленно примерял на себя королевскую корону и внутренне готов был принять монарший титул. Но, поняв, что Африандра никогда не подчинится ему, особенно после того, как он застал ее в объятиях Конана, что она никогда не откажется от свободы, дарованной ей по праву высокого рождения, — он решил раз и навсегда разрубить этот узел. Занус предвидел позор и унижение, предстоявшие ему, когда независимость его избранницы в политике да и в личной жизни станет известна горожанам.

Несмотря на многие годы поклонения богине женщине, а может быть, и именно поэтому, как полагал Копан, Занус никогда не смог бы заставить себя смириться с тем, что женщина будет стоять выше или хотя бы на равных с ним в земной жизни. При этом его болезненная гордость не позволила ему отказаться от дарованного судьбой шанса — стать верховным правителем. Это противоречие и загнало воина-жреца в глухой тупик.

Выход Занусу подсказало его жреческое происхождение и воспитание. Ритуальное самоубийство, не только с пониманием встречалось, но даже приветствовалось среди его предков-воинов. Променяв королевскую корону на звание добровольной жертвы и посмертное обожествление, воин-жрец спас свою честь и гордость, которые, несомненно, значили для него больше, чем жизнь.

Примерно так расшифровал киммериец поступок Зануса, что оказалось не самой трудной загадкой. Куда более озадачила и обидела Конана реакция жителей Оджары, уподобившихся стаду овец, следующих за несколькими баранами. Он полюбил этот город, рисковал, защищая жизнь его обитателей и честь королевской семьи. И никто не вступился за него, когда он был выброшен за городскую стену. Даже та женщина, ради которой он собирался задержаться в Оджаре на неопределенное время, предала его. Больше всего ранило Конана то, как поступила Африандра.

Одно дело — простые горожане, стараниями жриц и жрецов привыкшие восхвалять Зануса и восхищаться им. Пожертвовать чужестранцем ради безупречного образа городского героя — это было более чем понятно и оправданно. Конан и не ждал ничего другого от толпы.

Но Африандра — она же знала и понимала, что такое Занус. Она даже сумела частично втолковать свои опасения матери — Верховной жрице Регуле. Она первая втянула Конана в дворцовые интриги, а затем, увидев кровавые последствия своих поступков, отвернулась от киммерийца, послужившего ей орудием. Это показалось Конану самым циничным и трусливым шагом принцессы. Одно ее слово, один жест, хотя бы втайне от других, — и киммериец не покинул бы города, не поборовшись за свое доброе ими и честь.

Хотя ничего для него нового не было в этой ситуации. В сотый раз он был вынужден отправляться в одиночестве в опасный путь — и все из-за женщины. Шел ли он к ней или от нее, рвал ли связь сам или уходил от чьей-либо ревности — все равно дорога была нелегкой.

Так случилось и на этот раз. Оказавшись в высохшем оазисе, Конан понял, что его верблюд не выдержит тяжелого пути к далеким горам, если не отдохнет хорошенько в каком-либо месте, где есть в достатке вода и живая растительность.

Откинув вариант возвращения в Оджару, Конан решил поискать другой оазис, находившийся дальше на запад. Кочевники называли его Талиб, или Город в Пустыне. Признавая наличие воды в этом оазисе, все кочевники, с которыми Конан говорил в караванном квартале Оджары, в один голос уверяли, что это дурное место, куда лучше не соваться без крайней необходимости. Либо они просто старались отвадить постороннего, либо же и вправду боялись лишний раз приближаться к этому месту.

Похоже, последнее предположение больше соответствовало истине. В противном случае

зачем вообще стоило упоминать о Талибе? Хотя слухи об источнике воды в пустынной стране невозможно удержать от расплазания. С другой стороны, какая опасность могла бы удержать изнывающего от истощения и жажды путника на расстоянии от источника воды? Дикие звери, чужие земли, враждебные племена — все это было не в диковинку кочевому всаднику и бесстрашно преодолевалось им, если оказывались на его пути к оазису.

Эти храбрые бедуины боялись лишь одного — сверхъестественных явлений, всякого колдовства. Только это, по разумению Конана, могло заставить их дальней дорогой обходить Город в Пустыне и избегать даже подробных расспросов о нем.

Несмотря на все тревожные мысли, Конан, не задумываясь, повернулся на запад. В конце концов, мелькнуло в его голове, злые духи часто охраняют сокровища. Почти полные мешки с водой свисали с седельных лук верблюда. Сухое мясо и финики еще не опротивели седоку. Неведомая опасность Талиба представлялась Конану завесой, прикрывающей драгоценную награду за дерзость.

Ближе к вечеру разразилась песчаная буря. Конан едва успел рассмотреть на горизонте нечто похожее на склоны пологих холмов, как поднятый ветром песок скрыл от глаз даже то, что находилось в нескольких шагах. Конан приготовился пережидать бурю в течение всей ночи. Но к закату ветер неожиданно стих, оставив остывающую пустыню под покровом черного бархата ночи с бесчисленными огоньками звезд.

Такая ночь отлично подходила для продолжения путешествия. Но отдохнуть днем, в самую жару, означало бы заплатить солнцу не меньшую дань, чем продолжая путь под его пальящими лучами. Поэтому Конан решил воспользоваться ночной прохладой для отдыха.

Наутро ветер снова поднял тучи песка. На этот раз он дул в противоположную сторону. Сквозь его завывания Конану в полусне послышался странный звук: тяжелые колеса поскрипывали и стучали по камням, словно где-то рядом двигались телеги обоза какой-то неведомой армии. Но ни единой тени, ни единого силуэта не смог увидеть откинувший одеяло и вскочивший на ноги Конан сквозь плотную завесу песка и пыли.

* * *

Хотя до скалистой гряды, казалось, рукой подать, Конан потратил почти целый день, чтобы добраться до нее. Такие шутки часто выкидывала коварная пустыня. Наряду с иллюзорными видениями и миражами, она частенько меняла расстояние до реальных предметов, то приближая, то удаляя их, чем приводила на край смерти многих и многих путешественников.

Верблюд вскарабкался на очередной уступ, и глазам Конана открылся совершенно другой пейзаж. Пустыня, оставшаяся позади, напоминала дно древнего мертвого моря, кипевшее на горизонте еще одним песчаным штормом. Впереди же лежала пересеченная местность, похожая на поверхность Луны, изошедшей над горизонтом и светившей с кобальтово-пурпурного неба.

Равнина тянулась до теряющихся в сумерках почти вертикальных склонов северных гор, среди которых торчали Клыки Зафура. Тут и там по плоской ровной поверхности были разбросаны груды валунов и каменные монолиты — словно гигантские идолы, сломанные и сметенные рукой неведомого великана.

Неподалеку от Конана, на полпути к ближайшим отрогам гор Отчаяния, лежали руины города, давно разрушенного и покинутого жителями. Еще ближе, перемешиваясь с обломками скал, тянулась темная полоса растительности — кустов и невысоких деревьев, — что явно

указывало на наличие воды.

По скучным описаниям кочевников Конан понял, что перед ним лежал оазис Талиба, Города в Пустыне. Он тронул поводья и понял, что верблюду пришлось по душе его решение: животное широкими шагами поспешило вперед.

Но, даже перейдя на галоп, скакун не смог достичь цели до наступления ночи. Стемнело, лишь последние лучи солнца подсвечивали снизу нависшие над пустыней облака.

Конан проехал еще немного и в сумерках увидел перед собой пальмы, выросшие в расщелинах между камнями, и ручей, пробивавший себе дорогу меж гранитных валунов. Найдя ровную площадку с большим количеством зелени для верблюда, Конан спешился, собрал сухих веток и развел костер.

Руины города с трудом угадывались в темноте, немногим отличаясь от просто разбросанных камней. Поглядывая в их сторону время от времени, Конан все же решил, что стоит подождать до утра с их осмотром. Ручей, у которого он остановился, явно был источником воды для древнего города. Нигде поблизости не было следов пребывания человека — ни постоянных жителей, ни даже стоянок караванов или кочевых племен. Странно, подумал он, с удовольствием глотая прохладную воду, текущую в тени скал и валунов. Скорее всего, источником не пользуются, решил он, следуя древнему заклятию, витающему над разрушенным городом. Остановившись вдалеке от руин, вверх по течению, Конан рассчитывал избежать его действия. Горячая каша из фасоли и размоченных фиников была на вкус лучше или, по крайней мере, отличалась от тех же продуктов, съеденных всухомятку, особенно если запивать ее водой, не считая глотки. Наевшись, Конан устроился на земле между костром и верблюдом, завернулся поплотнее в одеяло, чтобы не продрогнуть на дувшем с северных гор ветру, и заснул.

* * *

Прошло много времени, по крайней мере костер успел потухнуть, а луна — проделать изрядную часть своего пути вслед за солнцем на запад, прежде чем Конана разбудили таинственные звуки, шедшие из темноты: едва различимые из-за журчания ручья шорох и присвистывания.

Проснувшись, Конан продолжал лежать неподвижно. Затем, плотно сжав рукоятку лежавшего рядом с ним ножа, он осторожно повернул голову, пытаясь рассмотреть непрошеных гостей.

Судя по запаху, они вполне могли оказаться овцами. Когда киммериец рассмотрел движущиеся в темноте тени, он поначалу утвердился в своих предположениях, но затем его насторожило то, насколько безмолвно двигались эти «овцы». Ни блеяния, ни стука копыт по камням не доносилось до его ушей. А кроме того, в их передвижениях было слишком много целеустремленности для примитивной скотины: неведомые создания явно намеревались окружить лагерь Конана.

Вдруг его верблюд проснулся и сердито запыхтел и зафыркал. Но стоило ему подняться как несколько теней совсем не по-овечьи метнулись к нему: встав на две конечности, они пытались завалить животное на бок, чтобы не дать ему уйти.

Перекатившись с боку на бок, Конан вскочил и одним взмахом ножа перерезал веревку, удерживавшую верблюда на месте, предоставив ему самому спасаться бегством от нападающих. Развернувшись лицом к нападавшим, остановившимся в нескольких шагах от него, киммериец

наконец рассмотрел их.

Больше всего они походили на обезьян, ставших на задние ноги. Грязные хламиды, затянутые на поясе, составляли их одежду. Но не только это напоминало об их родстве с людьми: явно совместная деятельность, крики, походившие на какой-то примитивный язык. Не все их тело было покрыто шерстью, а кроме того, и это сейчас больше всего беспокоило Конана, они знали, что такое оружие. Многие стояли, держа в руках камни, кое-где мелькали булыжники, привязанные к палкам, — подобие булавы или топора.

В темноте их лица, выглядывавшие из-под грязных волос, больше походили на обезьяны. Длинные но неровные ряды зубов вырисовывались за бесформенными губами, покрытыми, как и вся их кожа, язвами и струпьями.

Почувствовав свободу, верблюд несколько раз лягнул наседавших на него уродцев, укусил кого успел и, разбросав их, скрылся в темноте. Тогда внимание обезьяноподобных существ обратилось на Конана. Киммериец схватил с земли одеяло и обмотал им руку, чтобы смягчить ожидаемые удары.

Когда несколько созданий бросились на него, он отбил удар палкой, а затем сильно пнул первого из нападавших ногой в пах. Второй получил скользящий удар ножом в бок и покатился по земле, зажимая руками рану. Не глядя на него, Конан двинул в лицо рукоятью ножа третьему, замахнувшемуся топором.

Остальные человекообразные, помешкав немного, бросились на Конана все одновременно — некоторые дико размахивали камнями, то и дело нанося ощутимые удары своим товарищам. Острые когти вцепились в волосы и одежду Конана. Их хватка оказалась неожиданно крепкой. Оскаленные пасти, источающие зловонное дыхание, закружились перед его лицом. На фоне луны мелькнул занесенный топор. Конан успел обратить внимание, что на руке, державшей оружие, было слишком много пальцев. Удар его клинка рассек кисть пополам, но даже на той части, что упала на камни, по-прежнему сжимая оружие, пальцев оставалось явно больше пяти.

Отчаянные пинки и удары кулаком и ножом дали Конану минутную передышку. Но дюжина новых противников бросилась на него со всех сторон.

Киммериец понял, что долго не продержится, — его противники задавят его численным превосходством. Резко наклонившись, он отпрыгнул в сторону костра. Схватив мешки для воды и седельные сумки, он бросился бежать вдоль ручья в сторону, куда скрылся его верблюд. Несколько воинственных созданий пытались помешать ему, бросившись наперерез, но были встречены сталью клинка. Пробежав немного, киммериец понял, что этим малорослым созданиям было явно не угнаться за ним. Их злобные крики раздавались далеко за его спиной.

Остановившись, Конан внимательно прислушался. Нет, погони явно не было. Отдельные крики доносились со стороны его лагеря, но лишь голые склоны холмов в ночной тишине лежали вокруг.

Конан предположил, что странные уродцы, напавшие на него, живут в скалистом каньоне и опасаются выходить на открытую местность. На всякий случай он вошел в ручей и прошел некоторое расстояние по воде, чтобы сбить с толку преследователей, если они решат выследить его по запаху.

На открытом месте в стороне от скал звезды светли ярче. В их мерцающем свете Конан легко нашел своего верблюда, пасшегося в пышных кустах вдоль ручья. Взяв животное за уздечку, он повел его дальше вдоль ручья, прочь от опасности.

Оставив у костра большую часть провизии, Конан не очень-то рвался вернуться и отбить свою собственность, сражаясь с несколькими дюжинами человекообразных. Наоборот, еда задержит их на месте боя — ведь наверняка именно завладеть пищей было целью их нападения. А если они собирались сожрать и человека, значит, им надолго хватит добычи: Конан оставил за

собой изрядное количество трупов для любителей пожирания себе подобных. Судя по злым выкрикам, эхом разносившимся по округе, пиршество и драка за кусок добычи вовсю шли на месте сражения.

Эти создания не были похожи ни на каких известных Конану обезьян. Если же их предки были людьми, то как же низко опустилась их раса. Может быть, они были жителями древнего города или наоборот, кочевниками, разрушившими его? Хотя киммериец сильно сомневался, что такие примитивные создания могли захватить и разрушить город, равно как и построить хоть что-нибудь.

Конан терялся в догадках о том, какая сила могла заставить их пасть так низко, превратив людей в стаю обезьян, подобных бабуинам. Что изуродовало их лица, руки и еще кто знает что из их анатомии? Злое колдовство или та же самая сила, которая сровняла с землей город?

Руины, отражая мерцающий звездный свет, лежали под куполом ночного неба. Не желая пробудить еще какой-нибудь ночной кошмар, Конан не стал приближаться к ним. Отведя верблюда в сторону от ручья, он выбрал ровное место и уложил животное. Затем киммериец ножом срезал несколько больших сухих веток и разложил их вокруг, чтобы сделать невозможным беззвучное приближение к нему. Еще раз осмотревшись и прислушавшись к окружающей ночи, он лег рядом с верблюдом и погрузился в чуткий, беспробойный сон.

Глава XII

ГОРОД В ПУСТЬНЕ

Еще до рассвета Конан был на ногах. Обследовав окружающую его местность, он решил проводить свою предыдущую стоянку. Осторожно подбравшись к знакомому месту, он не обнаружил ни живых обезьянолюдей, ни их трупов. Среди камней валялись лишь несколько изжеванных, окровавленных отрывков его одежды и поклажи.

Сейчас, в утреннем свете, ему бросились в глаза следы повседневного пребывания таинственных существ. От скал к ручью тянулась узкая тропа, тут и там валялись обглоданные, выбеленные кости и другие объедки. Повернувшись к вздыбленной гряде, Конан понял, что это нагромождение камней с бесчисленными трещинами и пещерами было для зверя или дикаря идеальным местом жительства, предоставлявшим множество убежищ и мест для засады. Киммериец даже передернулся при мысли о том, какие еще твари могут обитать там и даже следить за ним в эту минуту из чернеющих глазниц пещер.

Вернувшись к ручью, Конан наполнил водой оставшиеся кожаные мешки и покрепче приторочил к седлу верблюда изрядно оскудевшие пожитки. Песчаная буря, бушевавшая на востоке, пробивающееся сквозь нее рассветное солнце окрасили равнину и окружающие ее склоны гор в медно-красный цвет. При этом зловещем освещении, пока не началось самое пекло, Конан решил обследовать разрушенный город.

Эти руины не были похожи ни на один из мертвых городов, виденных Конаном раньше. Обычно они начинались с груд камней на окраинах, сходившихся к внушительным руинам природной или рукотворной крепости в центре, внутри которой находились остатки самых значительных городских зданий. Здесь же все было наоборот. Грязь камней шедшая приблизительно по кругу, представляла собой остатки городской стены. Руины зданий находились лишь внутри этой окружности. А в центре вместо массивных стен дворца правителя, храма и городского зернового амбара, чего можно ожидать в любом городе, была лишь ровная площадка — настолько ровная, что казалась гладью замерзшего озера.

Разумеется, вспомнил Конан, в центре Оджары тоже была ровная мощеная площадь и просторная площадка для караванов внутри городских стен. Быть может, это следы древней традиции строительства среди народов, лишь недавно осевших в городах, а до того кочевавших по пустыне? Быть может, создатели этого города предпочли жить в легких шатрах и палатах, огороженных общей стеной для защиты от нападений? Маловероятно — слишком уж внушительна стена и руины рядом с нею.

Само место постройки города подразумевало развитое сельское хозяйство у народа, строившего его. Город стоял на краю плоской, плодородной долины, несомненно рассеченной в прошлом многочисленными каналами и арыками, орошающими городские поля, сады и огороды.

Теперь лишь полузыпаные песком канавки напоминали о былой ирригационной системе. Река измельчала, превратившись в ручей. Да и тот, убегая под обвалившуюся стену, терялся среди камней и песка, не достигая и противоположного конца города.

Сидя верхом, Конан все время внимательно оглядывался, опасаясь обезьяноподобных монстров или еще более опасных обитателей этого забытого богами места. К счастью, большинство зданий было настолько сильно разрушено, что их руины вряд ли могли дать укрытие для засады.

Пробираясь вдоль кольца стены, Конан рассчитывал найти остатки арки или въездных

столбов. На таких монументах часто бывают выбиты основные даты истории города, девиз его правителей или портрет основателя.

К сожалению, стена была разрушена слишком сильно: высота ее остатков не превышала роста сидящего на верблюде человека. Кроме того, по какой-то неведомой причине стена обрушилась наружу. Лежавшие на земле плиты были покрыты многовековым слоем пыли и грязи, скрывавшим всякие следы рельефов или резьбы по камню.

По поводу названия этого места у Конана были свои предположения. Кочевники называли его Талиб. На диалекте восточного Шема «тал», или «тел», означало «развалины, руины». Значит, название могло обозначать руины Иба или другого похожего по звучанию города. А кто из путешествовавших здесь не слышал долгими вечерами у лагерного костра легенд и сказок о древнем городе под названием Иб? Проклятое место, как гласили предания, город, который покарал неведомый бог за неправедную, греховную жизнь. Какое еще место так точно подходило под это описание?

Увидев более или менее сносный проход в стене, Конан спешился и, взяv в руку поводья, пошел внутрь города. К своему удивлению, он обнаружил, что внутренняя сторона стены сохранилась куда лучше наружной. Вертикальная плоскость ровно выложенных камней достигала человеческого роста. Здесь же сохранились нетронутыми остатки изображений на камне, правда не похожих ни на один известный Конану тип резьбы или рельефа.

Сохранившиеся изображения представляли собой человеческие фигуры, выполненные настолько реалистично, что Конан даже охнул от удивления. Перед ним, словно живые, застыли силуэты людей — простых горожан, схваченных в момент танца или другого ритуала. Молодая женщина в свободном хитоне подняла руки, прикрыв лицо ладонями в веселой игре. Рядом с ней, танцуя или играя, протянул руки мужчина. У ее ног застыла, поднявшись на задние лапы, небольшая собачка, а в нескольких шагах сидящий на земле ребенок, повторяя жест матери, закрыл ладонями глаза.

Силуэты, даже иссеченные песками и ветрами, выглядели живыми и естественными. Их изваял мастер с завидным талантом. Странно, что они представляли собой лишь контуры, без прорисовки лиц, к млей одежды и даже рук там, где они накладывались на тело. Конан предположил, что это тени живых людей были обведены на стене мелом, а уже потом на века высечены в камне. Но ни за что человеческая рука не успела бы обвести тень лишь на миг принявшей такую позу собачки или слишком сильно наклонившегося, готового упасть, если сию секунду не сделать шаг вперед, мужчины.

Нет, несомненно, молоток и резец обессмертил талант мастера, работавшего над этими фигурами по памяти. А детали, например лица, — они могли быть выполнены в более мягком, недолговечном материале — гипсе или керамике, которые рассыпались в пыль в течение прошедших столетий.

Была в этом изображении еще одна странность. На огромной площади находилось лишь несколько фигур. И вместо того чтобы врезать их силуэты в камень, мастер сделал их в виде выпуклого рельефа, сняв слой камня вокруг. Это, несомненно, потребовало много больше работы. При такой технике камнерезы обычно оставляют больше деталей на изображении: солнце, луна, драконы, изречения и девизы — все, чтобы сэкономить силы и острие резца.

И общем, это была совершенно незнакомая Конану форма выражения художника. И как всякое истинное искусство, оно граничило с колдовством. Поежившись, Конан повел верблюда за собой, прочь от этого зрелица. Примитивное, даже первобытное образное восприятие Конана представило эти фигуры застывшими духами смертных людей, замершими по воле магического заклинания, навеки выжегшего их тени на каменной стене.

Пройдя немного от стены к центру города, Конан был готов поверить во все легенды,

говорившие обо всех проклятиях сразу. Ни единой травинки не росло среди развалин. Сами руины не доходили до колена киммерийца. Похоже, какая-то неведомая сила выдернула и выжгла все строения города. Оставшиеся кое-где каменные столбы или тяжелые угловые камни домов были иссечены трещинами и словно оплавлены. Многие из них рассыпались при одном лишь прикосновении руки или легком касании обутой в сандалию ноги Конана.

Еще чуть ближе к центру — и даже эти жалкие остатки исчезли. Взгляду открылось ровное, выжженное и выглаженное пространство. Лишь, в самом центре возвышался одинокий монумент — весь иссеченный, иззубренный монолит. К нему и направился Конан по оплавленным, похожим на жидкое стекло камням. Он сам и его верблюд отбрасывали длинные тени в зловещем свете закрытого пыльным облаком солнца.

Подойдя к его основанию, Конан увидел, что обелиск стоит поверх оплавленной земли. Монумент был грубо выбесан из камня и поставлен здесь некоторое время спустя после катастрофы, стеревшей с лица земли город. Иначе и быть не могло. Вряд ли даже гранитный монолит сохранился бы в самом центре этого адского пекла.

На обелиске был выбит всего один символ: не слово, не буква, а изображение дерева или чего-то очень похожего. Конан явно различил толстый ствол, изогнутые корни и ветки, на которых вместо листьев висело несколько плодов, похожих на чьи-то головы с оскаленными пастьями. Изображение было глубоко врезано в толщу черного гранита и выложено мелкими кусочками белого камня.

Был ли этот памятник воздвигнут руками обезьяноподобных существ, руками, которые природа наделила немыслимым количеством пальцев? Вряд ли, слишком сложна была задача — вырубить камень, вырезать символ, не говоря уже о том, чтобы доставить его на место и поставить вертикально.

Петроглиф, несомненно, представлял собой некий религиозный символ — возможно, знак бога этого древнего города. Но все это уже мало занимало Конана ввиду малой полезности поисков здесь чего-нибудь стоящего. Киммериец опустил верблюда на колени, вскарабкался ему на спину и, прикрикнув, направил животное быстрым шагом на запад — на поиски открывшихся перевалов в горах Отчаяния.

* * *

Руины Иба, если это были они, остались далеко позади. Тайна судьбы древнего города перестала интересовать Конана. Сейчас его голова была занята другим: осматривая горы, раскинувшиеся перед ним, он прикидывал, какое из ущелий может вывести его к перевалу. Это? Нет, слишком далеко от главных вершин. Скорее всего, оно сойдет на нет, не дойдя и до середины склона. Может быть, это? Плохо видна его верхняя часть. Что, если проехать чуть вперед и посмотреть...

Не успел он углубиться в горы в поисках прохода, подходящего для него и его вовсе не горного животного, как необычное зрелище привлекло его внимание. Вдалеке, то пропадая, то снова появляясь в дрожащем мареве нагретого воздуха, глазам киммерийца предстала группа людей. Они шли пешком, собравшись вокруг какого-то предмета или телеги, которая и была объектом приложения их усилий. Сначала Конан с надеждой предположил, что это один из первых караванов, двигающихся на север, но, присмотревшись, понял, что они собираются пересечь равнину, направляясь на восток, туда, откуда пришел он. В любом случае величина их

груза и черепашья скорость, с которой они двигались, не оставляли надежд на то, что они собираются преодолеть склоны северных гор.

Кем бы они ни были, киммериец не считал нужным бояться этих людей. Он приближался к ним не прячась, открыто, предвкушая, как всякий одинокий путник, возможность пообщаться с себе подобными. Киммериец рассчитывал пополнить оставшиеся в его кошельке деньги на кое-какую еду и, быть может, прикупить что-нибудь из необходимых в дороге вещей, которых он лишился ночной стычке с людьми-обезьянами. Но, подъехав к каравану поближе, он понял, что эти люди нуждаются в помощи куда больше, чем он сам.

Они выглядели исхудавшими и изможденными. Там, где жалкие лохмотья не прикрывали тело, их кожа была дочерна сожжена солнцем. Некоторые брели по раскаленному солончаку босиком. Многие шли с непокрытыми головами — лишь жалкие пряди волос оставались на их скальпах. Их было человек сорок-пятьдесят — этих несчастных, впряженных в веревки и налегающих на деревянные жерди-упоры, заставляющие двигаться вперед шестиколесный экипаж.

Колеса из толстых досок были попарно соединены на осях, составлявши основу грубо сколоченной площадки в центре. Из всей компании едва ли дюжина охранников шла не впряженных в чудовищную телегу. Но и эти счастливчики сгибались под тяжестью мешков за спинами. Во всем отряде не было ни единого выручного или тяглового животного. Верблюды ни за что бы не позволили впряжень себя в повозку, а лошади не выдержали бы долгого путешествия по пустыне. Следовательно, транспортировка такого груза требовала человеческого труда или, точнее было бы сказать, нечеловеческих усилий.

Как только Конан приблизился на расстояние слышимости, до его слуха донеслись мольбы и просьбы несчастных, издаваемые их пересохшими губами:

— Воды! О Господин! Во имя всемогущих богов, глоток воды! Сжалитесь, великодушный господин! Мы умираем от жажды! Воды!

Когда киммериец остановил своего верблюда в дюжине шагов от процессии, пилигримы бросились на колени и протянули к нему руки, словно в молитве.

Этой-то ситуации он и боялся. Но, милостью Крома, у него с собой было достаточно воды, чтобы ублажить всех этих страждущих хотя бы на время. Конан отвязал от седла мешки с водой, все, кроме одного, полупустого, для себя, и опустил их на землю перед собой.

Один из отряда — высокий худой загорелый человек, шедший впереди всех, — направился к киммерийцу. В отличие от остальных, он ни о чем не просил, а молчал. Наверняка жрец, подумал Конан. Двое солдат, двигаясь насколько возможно быстро, последовали за своим предводителем.

— Приветствую вас, путники, — поздоровался Конан. — Я могу поделиться с вами водой, видя, что вы так нуждаюсь в ней. — Конан помолчал, ожидая хоть какого-то выражения благодарности. Не дождавшись, продолжил: — Меньше чем в одном дне пути отсюда есть источник, где воды хватит на всех. Если вам будет сопутствовать удача, то все вы доберетесь туда живыми.

Жрец перевел взгляд с мешков с водой на Конана и заговорил на торговом диалекте пустыни, с южным акцентом.

— Вода будет полезна, — сказал он совершенно бесстрастно. — Ты говоришь, что на пути отсюда в Оджару есть оазисы?

Что-то в вопросе незнакомца неприятно поразило киммерийца. Похоже, этот человек не знал, да и особо не интересовался ни расстоянием, ни числом оазисов. Скорее всего, он и вправду был жрецом, не задумываясь вручающим свою судьбу и судьбы своих несчастных спутников в руки своего бога. Он был бос, голова его тоже была открыта солнцу, одеяние

изношенностью и скучностью немногим отличалось от одежды его подчиненных. Несомненно, фанатик, подумал Конан, рассматривая его. Единственным знаком, отличавшим жреца от других, была рукоятка меча, висевшая на его шее. Совершенно беспомощное оружие, решил киммериец, оглядывая обломок клинка. Наверняка какая-нибудь реликвия.

Невероятно, но жрец не сделал движения к воде. По его знаку солдаты бросились к мешкам и потащили их по направлению к стонущим от жажды носильщикам.

— Нет, незнакомец, — помолчав, ответил на вопрос Конан, — на пути в Оджару нет воды. Аистовое озеро высохло и заполнено костями несчастных, считавших его своей единственной надеждой. В мертвом городе, — он кивнул головой, показывая на восток, — много воды, но там живут обезьяны-демоны, пожирающие путников. Мне придется вернуться туда, чтобы пополнить запасы воды. Я советую вам сделать то же самое. Отдохните там, наберитесь сил, возьмите с собой в дальнейший путь побольше воды, только будьте осторожны, а затем — разворачивайтесь и возвращайтесь туда, откуда пришли.

Черный жрец не покачал головой, даже не моргнул.

— Мы пойдем дальше, в Оджару, — таков был его ответ.

Конан пожал плечами:

— Пожалуйста. Я не против. Только не думаю, что твои люди выдержат этот путь. Сначала отдохните. Переходы делайте только ранним утром и поздним вечером, пережидая самую жару, отдыхая под навесом. Конечно, и речи быть не может, чтобы волочь с собой эту штуковину... чем бы она ни была. Оставьте вы ее здесь, если вам жизнь дорога.

— Это священный идол, и мы повезем его собой, — ровным голосом сказал жрец. — Скажи... ты, похоже, знаешь пустыню и дорогу на восток. Как твое имя?

— Конан из Киммерии. А как зовут тебя?

— Я Куманос, Верховный жрец храма Вотанты из города Сарка, что в южной пустыне. Мне нужен разведчик и проводник. Ты знаешь город Оджару?

— Да, Куманос. Я только что из Оджары. Я знаю эти места и даже кое-что слышал о вашей миссии. Но сейчас я еду в Шадизар. — Киммериец с сомнением покачал головой. — Посмотри, до чего ты дошел, жрец. Не думаю, что у тебя найдется что-либо стоящее, способное окупить мое время и силы, затраченные на нелегкий обратный путь, однажды уже проделанный мною.

— Почему ты покинул Оджару, Конан из Киммерии?

— Я же сказал тебе: мне нужно на север. — Избегая напрашивающегося вопроса, почему он собрался так далеко на запад, Конан продолжил: — Так получилось, что я не мог дожидаться каравана. Мы кое-что не поделили с одним из жрецов богини этого города. Так, сущие пустяки.

И из-за этой ерунды именем их храмовых законов меня выгнали из города. А гордость не позволила мне ошиваться у их стен, дожидаясь попутного каравана...

— Достаточно. Я все понял. Сержант Астрак...

Куманос, не отрывая взгляда от киммерийца, щелкнул пальцами за плечом. Высокий крепкий человек в шлеме и с двумя тяжелыми мешками за спиной отделился от сгрудившейся вокруг мешков с водой толпы и бросился на зов.

— Камни, — бросил через плечо жрец, когда подчиненный подошел ближе.

Развязав один из мешков, сержант достал деревянный ящик. Раскрыв его, он показал Конану отделанную изнутри серебром крышку и груду необработанных самоцветов, поблескивавших зеленым светом в солнечных лучах.

— Знаешь, — Конан старался не выдавать удивления, — я никогда не видел таких камней. Полагаю, ты будешь уверять меня, что они недешево стоят...

— Ты сможешь взять себе столько камней, сколько поместится у тебя в кулаке, — перебил его Куманос, — такова будет плата. Ты получишь ее, когда идол окажется в Оджаре в целости и

сохранности.

Жрец кивнул, и сержант немедленно захлопнул крышку, а затем опустил ящик в мешок.

— Ну, в таком случае, — вслух прикинул Конан, — если я вернусь в роли твоего проводника, последователи Единственной Богини едва ли дадут мне от ворот поворот.

Куманос посмотрел киммерийцу в глаза и сказал:

— Ты будешь членом миссии, состоящим на службе Анаксимандра, короля Сарка. А все посланники будут почетными гостями города. Это записано в торжественном договоре королей Сарка и Оджары.

— Понятно. — Спокойно сидя на спине верблюда, Конан не торопился с ответом. В общем-то, предложение было не блестящим. Помочь еще одному фанатику-жрецу и его компании допереть черт знает что через пустыню за горсть камней неизвестной ценности. С другой стороны, это была возможность избежать вовсе не улыбающейся ему перспективы проделать путь через горы в одиночку, без достаточных запасов еды и теплой одежды. А эти доходяги явно не дойдут до цели с таким фанатиком, как Куманос, во главе. С этой точки зрения, принять предложение жреца означало бы совершить акт милосердия. А потом, глядишь, можно уже встретить и караван и отправиться в Шадизар в более подходящей компании.

Но в глубине души он понимал, что его тянет назад, в Оджару. Что-то подсказывало ему, что он еще не развязался с этим гордым городом.

— Ну что ж, согласен, — наконец ответил он Куманосу. — Я еду с вами на восток.

Глава XIII

КАМЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Конан не мог предвидеть, насколько долгим окажется путь назад. Тянувшие и толкавшие телегу люди были истощены и измучены. Они смиренно, без протестов выполняли свою тяжкую работу. Конан так и не разобрался, были ли они вольными паломниками или рабами. Многие, безусловно, погибли за время пути. Их место заняли саркадийские солдаты, впряженные в работу наравне с недавними подчиненными.

Но и солдаты не могли заметно оживить процессию. Они тоже были измучены тяжелыми переходами с грузом за спиной. Отряд шествовал в молчании, без молитв и песнопений, против ожидания Конана. Даже во время отдыха эти люди хранили молчание, словно сами их души были убиты болью и невыносимым трудом.

Тела всех их были покрыты ожогами и язвами. От этого страдали даже охранники, одетые в удобную для жары форму и несшие только заплечные мешки. Конан постепенно уверился в своем предположении, что не одно лишь солнце было причиной страданий этих людей. Он сам никогда раньше видел таких язв и струпьев. К этому следовало прибавить выпадение волос и зубов. Но что могло вызвать все эти напасти? Плохое питание? Вода, которую они пили в пути, которая, быть может, проходила через ядовитую почву? А может, что-нибудь похуже? Например, проклятие, посланное на их головы тем же самым Вотантой или его небесными противниками.

В любом случае их путь был сплошным мучением. В тот день, когда Конан встретил отряд, они так и не добрались до развалин Талиба. Остановившись посреди голой равнины, рабы и стражники повалились на землю под колесами влекомого ими сооружения. Конан съездил к ручью и наполнил мешки водой, чтобы хоть как-то облегчить страдания несчастных и обеспечить их водой не только для питья, но и чтобы помыть лицо и руки.

Когда караван наконец добрался до Города в Пустыне, лагерь был разбит около того места, где ручей уходил под городскую стену. Конан проследил, чтобы Куманос не забыл выставить часовых, хотя в конце концов киммериец самостоял большую часть дежурства, дав солдатам возможность спать. Пару раз ему казалось, что в кустах слышались какие-то странные звуки. Но он надеялся, что если даже обезьяноподобные уродцы пронюхают о лагере, то не решатся так далеко отойти от своих пещер и напасть на многочисленный отряд.

Даже видавшего виды киммерийца поразила мрачность окружающей обстановки. Освещенные лунным светом, затерянные где-то на полпути между двумя горными хребтами, лежали люди, чей сон мало чем отличался от смерти. Укутанный материей идол напоминал изогнувшееся в последней агонии и так застывшее тело какого-то злого великана. Сейчас, в неярком свете луны и звезд, казалось, что идол светится изнутри. Зеленое свечение пробивалось сполохами сквозь несколько слоев ткани, скрывавшей статую.

Позади них лежали развалины: обрушенная стена, снесенные до основания здания и выжженная, оплавленная земля — то, что когда-то было могучим городом-государством, называвшимся Иб, в одночасье испепеленным какой-то неведомой силой.

Конан услышал шаги — совсем рядом. Он вытащил нож и, развернувшись, чуть не воткнул его в грудь Куманосу, выступившему из темноты в круг света от костра.

Бормоча ругательства, Конан вернул клинок в Петлю на поясе и снова присел к огню.

— Кром! Слушай, жрец, ты решил проверить, чутко ли я сплю? Еще немного — и ты проверил бы, насколько остро я наточил этот клинок. Сам-то ты хоть иногда спишь?

Куманос опустился на землю напротив Конана:

— Ты быстрый боец, умелый и бдительный.

— Тут станешь бдительным! Две ночи назад мою бдительность проверили острозубые людоеды.

Совсем недалеко от места, где мы сейчас сидим! — Конан помолчал, а затем осторожно обратился к Куманосу: — Знаешь, я думаю, такой большой компании нечего бояться этих уродов. И вообще послушай ты меня: дай своим людям отдохнуть денек-другой. Пусть они очухаются, отмоются в ручье, наберутся сил...

— Мы выйдем в путь завтра с первыми лучами солнца, — перебил Куманос, даже не взглянув в глаза киммерийцу.

— Куманос, пойми, так ты совсем доконаешь своих людей, — продолжал доказывать Конан. А отдохнув, они будут резвее катить твою телегу, и больше вероятности, что доберутся до места живыми.

— С помощью великого Вотанты мы дойдем до цели, — отрезал Куманос, давая понять, что не принимает возражений. — В пути мы попали в песчаную бурю и сбились с дороги. Затем на нас напали кочевники, убившие многих солдат прежде, чем мы смогли отбить атаку. Оставшиеся солдаты были вынуждены заменить умерших рабов. И все же мы добрались так далеко.

— Веселенькая прогулка, — заметил Конан. — Похоже, ваш бог решил проверить крепость вашей веры...

Куманос чуть кивнул выбритой головой и произнес:

— Для некоторых испытания оказались слишком трудными. Они не выдержали их.

Жрец снял с шеи ржавый обломок меча и внимательно посмотрел на него, поворачивая в лунном свете.

— Некоторые предпочли умереть, не чувствовать ничего, не выдержав страданий разрушающегося тела и крушения надежд. — Куманос вопросительно взглянул на Конана.

— Что до меня — я никогда не буду искать смерти, — сказал киммериец. Его мысли вернулись на несколько дней назад, губы сжались, глаза прищурились, когда он вспомнил Зануса. — И никогда не пойму тех, кто так поступает. По мне, пока я дышу, пока в моих жилах бежит кровь — надежда есть. — Помолчав, он стряхнул с себя набежавшую меланхолию и поинтересовался: — Что это за ржавая штуковина, с которой ты все время таскаешься? Священная реликвия? Остаток клинка, которым был убит двоюродный дедушка твоего обожаемого бога?

— Это? — переспросил Куманос. — Это Меч Онотимантоса. Могущественный талисман, дарованный мне старым мудрецом. Эта вещь перевернула всю мою жизнь.

— Символ вашей веры, не сомневаюсь. Только не надо мне расписывать его могущество, а заодно и могущество твоего бога. — Конан встретился взглядом с Куманосом. — Я тебе честно скажу: дурь ты затеял, напрасно мучаешь своих безмозглых баранов. Но это ваши дела. Только не пытайся обратить меня в свою веру. Я ни за что не дам ввязаться в такой идиотизм...

— Разве что за обещанное вознаграждение? — закончил за него жрец.

— Нет. Даже за плату я бы не стал ввязываться в это, если бы у меня не было своих личных причин пойти с вами.

— У тебя независимая душа и сильная воля, способная противостоять искушениям и чужому влиянию, — сказал жрец, взвешивая на руке обрубок меча-амuleta.

— Пожалуй что так. Поэтому ты и встретил меня, путешествующего в одиночку по этой проклятой пустыне.

— Точно, — задумчиво кивнул Куманос, — именно твой упрямый дух делает тебя столь лестным воином и столь хитрым и изворотливым пустынным лисом.

— Да. И именно поэтому я тебе нужен, — сказал Конан, пристально, даже угрожающе глядя на Куманоса. — А чего ты ждал? Что я окажусь безвольной игрушкой в твоих руках? Чего ты так волнуешься?

— Ничего. В конце концов, наша встреча — не просто случайность, а проявление воли Вотанты.

Вновь повесив амулет себе на шею, Куманос спрятал его под бурнусом и встал, направляясь к выбранному им для сна месту.

— Ну, тогда спокойной ночи, — сказал Конан в спину жрецу, недоумевая, зачем тому понадобился весь этот разговор.

* * *

Еще раз той же ночью Конан почувствовал, что кто-то ходит рядом с лагерем Смутная догадка мелькнула в голове киммерийца. Подойдя к расстеленному на земле одеялу Куманоса, он увидел, что жрец исчез. Спешно растолкав себе на подмену двух саркадийских солдат, он нырнул в темноту. Чутье не обмануло его, и, выбрав правильное направление Конан быстро нагнал высокую темную фигуру, хорошо выделявшуюся на фоне белой, как мел, в лунном свете равнины.

Но что он делал один в таком опасном месте? Конан дернулся было догнать и остановить безумца, но что-то удержало его. Не издав ни звука, киммериец продолжал следить за Верховным жрецом. Тот уверенной походкой направлялся к гранитному монолиту в самом центре выжженной земли.

Куманос подошел к обелиску, замедлил шаг и приблизился к нему с той стороны, где, как помнил Конан, находился вырезанный символ — многоголовое дерево. Верховный жрец наклонился перед изображением, словно желая получше рассмотреть его. Затем — Конан готов был поклясться, что не ошибся, — Куманос встал на колени перед обелиском и склонил голову до земли в почтительной исступленной молитве.

Лоб Конана покрылся испариной, его тело забила дрожь при виде этого зрелища. Что же мог означать этот поступок жреца? Быть может, черный монолит по-прежнему почитался пилигримами как место поклонения? Тогда почему киммериец никогда не слышал об этом? Нет, похоже, Куманос мог много рассказать о трагической судьбе древнего города. Ничего, решил Конан, он еще загонит Куманоса в угол и вытрясет из него все, что тот знает. И сделать это надо при первой же возможности — но не сегодня ночью.

* * *

С первыми лучами рассветного солнца, как и говорил Куманос, отряд продолжил свой путь, преодолевая пологие холмы, отделявшие лунную равнину от дна мертвого моря. Движение не остановилось и в самое полуденное пекло. Несколько раз Конан слезал с верблюда, чтобы подставить плечо под тяжесть ноши, сначала помогая закатить телегу на вершину очередного холма, а затем удерживая и от скатывания вниз, что могло вконец разбить и без того изрядно

поизносившиеся колеса.

Идол оказался еще тяжелее, чем можно было предположить. Казалось, он притягивает падающие почти отвесно солнечные лучи и излучает вокруг себя нестерпимый жар. Во время очередного спуска один из рабов подвернул ногу и рухнул прямо под колеса. Несчастный даже не успел вскрикнуть, как его позвоночник был раздавлен чудовищным грузом. Наконец отряд вышел на дно древнего моря. Путь вперед был прямой, как стрела. Не было ни необходимости, ни возможности свернуть куда-либо за водой. Оставалось двигаться прямо и прямо вперед, по направлению к седловине между двумя вершинами — черной и красной.

Незадолго до заката разразилась песчаная бури, сделавшая невозможным дальнейшее движение. Рабы и охранники сбились в кучу под телегой, прижимаясь друг к другу и к огромным колесам. Конан же, привычный к таким шуткам местной природы, лег в стороне, спрятавшись от ветра за спиной спящего верблюда. Замотав лицо плотной тканью, чтобы уберечься от секущего песка и ледяного ветра, он быстро уснул. И снова, как несколько дней назад, его разбудил скрип колес телеги или колесницы.

Когда ветер стих, Конан еще несколько раз просыпался, чтобы оглядеть пустыню, поблескивавшую в неярком холодном свете звезд. Ничто не нарушало полную, какую-то мертвую, могильную тишину. Но перед рассветом дьявольский ветер снова ослеп и мир поднялся в воздух солончаковой пылью и тучами песка. И вновь сквозь вой ветра послышалось зловещее поскрипывание деревянных колес.

На этот раз звук раздавался совсем рядом. Неожиданно Конан увидел сквозь завесу пыли большую неясную тень, приближавшуюся к нему. Киммериец и перепуганный верблюд едва успели отскочить и пропустить мимо себя тяжелое колесо, сделанное намного лучше колес телеги Куманоса.

Неужели на их отряд напали под покровом бури неведомые воины? Но ни один человек не мог бы уверенно действовать в такой мгле, не говоря уже о том, чтобы координировать свои передвижения с другими.

Схватив свой нож и, по привычке человека, долго путешествовавшего по пустыне, флягу с водой, Конан бросился вперед и, прыгнув, ухватился за поручень двигавшейся мимо таинственной колесницы. Он решил любой ценой разгадать тайну ездоков-призраков. Пусть даже ценой собственной жизни.

Возница не представлял опасности для нового ездока. Высохшая, оскаленная мумия стояла, притянутая широкими ремнями, у переднего поручня колесницы. Тяжелые ржавые доспехи не позволили ветрам унести ее прочь от экипажа. Над ее головой трепыхался наклонный навес из шерстяной ткани, действовавший как парус. Впереди угадывались висящие на столбах останки лошадей — белеющие кости, лохмотья шкуры и обрывки упряжи.

Это была тяжелая боевая колесница с большой площадкой для многих воинов, которую должны были двигать несколько лошадей. Но теперь лишь ураганный ветер был силой, заставлявшей экипаж двигаться по никем не проложенному курсу.

Итак, колесница-призрак, легенды о которой частенько рассказывали в караван-сарайах Оджары, оказалась не выдумкой. Конан припомнил, что даже Ябед излагал ему свою версию, кстати наиболее правдоподобную. Примерно сорок лет назад, по крайней мере так уверял мальчишка, во времена царствования отца Семиархоса — короля Демиархоса, младший брат короля Пронатос решил одним махом основательно обогатить казну города и королевскую семью. С этой целью он снарядил экспедицию — сотню воинов с верблюдами, лошадьми, колесницами и телегами — и отправился на поиски легендарного Каменного Корабля. Это древнее судно, давно уже вошедшее в легенды всего Шема когда-то легло на дно моря, ставшего теперь бескрайней пустыней, притянутое грузом золотых монет, оружия и доспехов.

В эту сказку, еще более невероятную, чем колесница-призрак, не верило большинство образованных жителей Оджары. Но молодежь, соскучившаяся по настоящему опасному делу в городе, которого долгие годы не касались ни войны, ни голод, ни эпидемии, с удовольствием включилась в эту авантюру.

Через полмесяца после выступления отряда Пронатоса разразился жесточайший ураган. На долгие дни солнце и окружающая город пустыня были скрыты от глаз пеленой пыли. С тех пор ни один гонец от экспедиции не постучал в ворота города. Буря стерла все следы экспедиции, поэтому ни с чем вернулись и отряды, посланные безутешным королем на поиски.

Но вскоре в шатрах бедуинов стали рассказывать, что души исчезнувших кладоискателей были похищены демоном урагана, и теперь непогребенные кладоискатели заманивают других любителей приключений разделить их судьбу. Поговаривали, что во время бурь, случавшихся в некоторых долинах непременно на рассвете и перед закатом, noctующий в пустыне путник мог услышать скрип и похрустывание колес. Сложилась легенда, по которой Пронатос и его всадники продолжали свои безрезультатные поиски мифических сокровищ, бороздя пустыню на своих колесницах, подгоняемые воем и лаем диких пустынных псов.

Конану приходилось крепко держаться за поручень, чтобы не упасть на трясущийся, подпрыгивающий пол колесницы. Сквозь пыльную мглу он увидел двигавшуюся невдалеке похожую колесницу. Значит, легенды не лгали. Колесницы отряда Пронатоса по какой-то прихоти богов продолжали свой бег по пустыне, подгоняемые сильными ветрами и скрываемые тучами песка и пыли.

Кто же был возница, стоявший у переднего бортика экипажа? Судя по дорогим доспехам, это вполне мог быть кто-нибудь из самых знатных участников экспедиции, а то и сам Пронатос. Конан, пожав плечами, пробормотал вежливые приветствия и отодвинулся чуть в сторону, словно давая мертвому вознице больше места для управления экипажем.

С трудом удерживая равновесие на качающихся досках платформы, Конан прикидывал, что делать дальше. Самым простым выходом было спрыгнуть с колесницы, что, несмотря на приличную скорость, не составило бы труда. Главное было не попасть под колеса несущегося следом другого экипажа. А затем можно вернуться туда, где остался верблюд, новый работодатель и странная команда полумертвых от тяжелой дороги и неведомых болезней людей. Даже если следы колесниц скрыла песчаная буря, Конан сумел бы, двигаясь кругами, найти своих спутников за день или два. А на это время ему хватило бы воды в прихваченной с собой фляге.

Но, сжимая руками поручень, взглядываясь в пылевую завесу и всем телом ловя ощущение скорости, Конан понял, что ни за что не покинет колесницу. Дух искателя приключений возобладал в нем. Еще бы — раскрыть тайну, столько лет волновавшую жителей этой пустыни! А если в конце пути его ждет награда, обещанная Демиархосом — и подтвержденная его сыном — любому, кто прольет свет на судьбу Пронатоса и его отряда, — что ж, тем лучше.

Ветер продолжал дуть не ослабевая. Много риз Конан замечал то справа, то слева появлявшиеся из темноты неясные силуэты. Иногда они, приближаясь, принимали форму колесниц или телег киммериец чувствовал себя словно в огромной стае привидений, несущихся неизвестно куда по ровной глади пустыни.

Сумасшедшая гонка продолжалась не меньше часа. Затем ветер неожиданно стих. Колеса сделали еще несколько оборотов и, скрипнув в последний раз, остановились. Пыль, висевшая в воздухе, стала оседать на землю, постепенно проявляя окружающую местность.

Оказалось, что колесницы-призраки въехали в узкий каньон в отрогах хребта Крови Атталоса. Со всех сторон к небу вздымались кроваво-красны»-склоны, вокруг же расстипалось дно высокое моря цвета выбеленной кости. Позади колесницы горы почти сходились вместе,

едва не перекрывай устье каньона. Впереди победно вонзались в утреннее небо главные вершины хребта. А вокруг колесницы Конана остановилась целая флотилия повозок и телег разных форм и размеров. Чуть поодаль возвышался каменный монолит, напоминающий по форме корабль.

Конан спрыгнул со своей колесницы и принялся рассматривать изрядно потрепанные ветрами и песками пустыни экипажи. Покрывавшая их некогда краска облезла, металлические части проржавели, но сухость пустынного воздуха не дала прогнить дереву; поэтому они, несмотря на давность постройки, все еще были способны нестись по воле ветра, вселяя ужас в погонщиков караванов.

В некоторых колесницах были видны останки их возничих и пассажиров — тех, кто привязал себя веревками и ремнями к поручням во время того, первого, урагана. Кроме этих полускелетов-полумумий, на платформах колесниц и на дне телег не осталось ничего. Ветры и тряска от езды без дороги выкинули все мешки и ящики, которые везли с собой отправившиеся на поиски сокровищ авантюристы. И по какой-то злой иронии судьбы, после смерти они нашли то, что хотели найти при жизни. Потому что каменная глыба впереди не могла быть ничем иным, как легендарным Каменным Кораблем. Его острый нос гордо вздымался над песчаным морем. Каменные борта и корма ничем не отличались от обычных, деревянных. Даже основание мачты виднелось на нужном месте в центре каменной палубы, а из небольших отверстий в верхней части борта торчали обломки каменных весел. В общем, монолит до мельчайших деталей воспроизводил корабль, построенный в каком-то древнем стиле, размером никак не меньше туранской триремы.

И все же Конан решил, что это чудо — вряд ли творение человеческих рук: слишком уж грубой, необработанной была поверхность глыбы. При том, насколько точно были сохранены детали, от создателя такого памятника можно было бы ожидать иного уровня мастерства обработки материала.

При взгляде на это сооружение возникала мысль, что, скорее, настоящий корабль был взят за основу и каким-то немыслимым образом облит жидким камнем, который, застыв, остался достаточно крепким, чтобы противостоять бесчисленное количество лет пустынным ветрам, швыряющим секущий камень песок.

По пути к кораблю Конан наткнулся на торчащие из земли шесты, обломки досок, детали доспехов и инструментов. Выходило, что судьба совсем уж зло поджидала над кладоискателями, приведя их сюда и лишь затем лишив жизни. Кто знает, может быть, эти люди даже увидели перед смертью легендарные сокровища, ради которых они и отправились в путь. Воодушевленный этими мыслями, Конан почти побежал к кораблю и вскарабкался по борту на палубу.

То, что он там увидел, поразило его еще больше. Он словно попал в заколдованное каменное царство. Сама палуба и все предметы на ней были изваяны из камня. Но при этом — какая точность! Все, вплоть до мельчайших деталей, было на месте, хоть сейчас в море. Для жителя пустыни многие детали были лишь непонятными выступами камня, но Конан, изрядно поплававший в своей жизни по разным морям, без труда, зато с восхищением находил в них до мельчайших подробностей точной копии корабельного снаряжения и оснастки.

Пока Конан осматривал палубу, ему на ум пришло объяснение этого чуда — смелое, но вполне правдоподобное. Когда-то, в древние времена, на этом месте плескались воды моря. Глядя на склоны гор, на горизонтальные полосы и уступы, киммериец представлял, как менялся уровень воды в течение тысячелетий. А раз есть море и есть противоположные берега — нужны и моряки. Какие люди жили здесь в те далекие времена, да и людьми ли они были вообще, — это было неважно, ибо требования к кораблю диктует не его создатель, а само море. Судя по

этому судну, его построили существа, близкие по разуму к человеку и к тому же обладавшие достаточным опытом в судостроении и мореплавании.

Но даже у самых опытных и умелых моряков время от времени тонут корабли. И вот сейчас Конан стоял на палубе такого судна, затонувшего в каком-то доисторическом бою или в шторм. Корабль с множеством весел и парусом — скорее всего военный, — с экипажем в две — две с половиной сотни человек (или каких-нибудь других существ), извяянный теперь в ноздреватом, пористом камне. Камень — вот ключ к загадке! Разве не видел Конан в прибрежных водах на море Вилайет вещи, созданные человеком, — якоря, амфоры, обломки кораблей, — превращенные в камень и намертво прикрепленные ко дну многочисленными, быстро растущими кораллами!

Видимо, такое случилось и с этим судном. Затонув, оно легло на вершину кораллового рифа, который продолжал расти и поглощать его, проникая во все поры и обволакивая мельчайшие части. Затем, когда море обмелело, мертвый коралл остался на суще, пережив века и эпохи. Вот уж шутка богов, подумал Конан. По сравнению с этим колесницы-призраки и судьба их возничих — просто детская шалость.

Продолжая обследовать корабль, Конан обнаружил, что, какой бы груз ни находился в трюме этого судна, люди Пронатоса нашли и вытащили его. В центре палубы зияло отверстие, пробитое явно в не столь уж отдаленные годы. Вокруг лежало лишь несколько обломков окаменевших палубных досок. А в скучном свете, проходившем в трюм, Конан рассмотрел на дне круглые булыжники — самый обыкновенный балласт.

Какая судьба постигла сокровища, Конан не знал. Быть может, добычу успели погрузить на телеги и увезти на какое-то расстояние. Скорее всего, тяжелые, груженные золотом экипажи ветер не смог угнать далеко. И уж наверняка они не мотались взад-вперед по пустыне вместе с другими колесницами. Вполне вероятно, что они застряли где-нибудь в пустыне и стояли, дожидаясь своего часа, готовые свести с ума неожиданно натолкнувшегося на них кочевника. Хотя привыкший к миражам пустынnyй путник может и не подойти к ним, спокойно двигаясь своей дорогой.

Шутка на шутке, подумал Конан, несомненно, боги повеселились здесь на славу! Невесело усмехаясь, киммериец прошел по палубе корабля, чтобы бросить последний взгляд с гордо поднятого над пустыней каменного носа.

Неожиданно раздался громкий сухой треск — тонкий слой камня покрылся трещинами под весом киммерийца. Не успев ничего понять, Конан рухнул куда-то вниз, в малый трюм, скрытый под носовой палубой корабля.

* * *

К вечеру следующего дня к медленно тащившейся вперед процессии Куманоса приблизился одинокий путник в плаще с поднятым капюшоном. Это был их проводник Конан, вернувшийся после необъяснимого исчезновения во время песчаной бури. Двое суток пути, из которых последние двенадцать часов он не пил, сделали его шаг более тяжелым и неуверенным. Да что там, казалось, что киммериец вот-вот рухнет под тяжестью невидимого груза.

Куманос не стал его ни о чем расспрашивать, а сам Конан не выказывал желания поделиться впечатлениями от прогулки. Выпив немного воды, киммериец обрадованно принял возвращенное ему одеяло, скучные пожитки и, главное, — верблюда. Одной ночи хватило

киммерийцу, чтобы полностью восстановить силы. На следующее утро он уже направил своего двугорбого скакуна к оазису Талиба, чтобы привезти воды своим попутчикам по дороге в Оджару.

Глава XIV

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОДЖАРУ

Одинокий всадник подъехал к стенам Оджары в час самого полуденного пекла. Его верблюд был в неплохой форме, но изрядно нагружен. Сам ездок был высокого роста, широкоплечий. Под бронзовой от загара кожей выступали бугры могучих мышц. Он резким движением поводьев остановил своего скакуна перед Караванными воротами.

— Да это же изгнанный еретик Конан! — крикнул стражник, стоявший рядом с воротами, своим товарищам. Выглянувшие на его голос солдаты рассыпались в нелестных для киммерийца шутках.

— Ну что? — крикнул стражник у ворот. — Зажарился, северянин? Слабо тебе по нашей пустыне прокатиться?

Храбрость часового подкреплялась копьями и стрелами стражников, стоявших на стене.

— Если тебе нужна вода — ее полно за стенами города. А если ты хочешь переночевать — устройся где-нибудь под кустом. Тебе не привыкать. Только не вздумай сунуться в город. Изгнанный из храма Единственной Истинной Богини не имеет права пройти за эти стены.

— Попридержи язык, ничтожество, — гаркнул на него Конан, нагло развалившись в седле. — Если бы я захотел пройти за ворота сейчас же, я так бы и поступил. А твоя тупая башка, скорее всего, откатилась бы подальше, на радость стервятникам и шакалам. — С этими словами Конан угрожающе взялся за рукоять своего ножа. — Но можешь не дрожать за тыкву на твоих плечах. Такой поступок был бы недостоин высокого посланника Анаксимандра, короля Сарка, и всей священной миссии храма великого Вотанты! Поэтому я вежливо прошу разрешения въехать в город.

— Что? — раздался со стены удивленный голос начальника стражи. — Ты говоришь, что представляешь посольство короля — союзника нашего города? Ты заявляешь, что прибыл сюда по церковным делам?

— Если ты не веришь мне, спроси таких же стражников, как и ты, охраняющих вот этого идола.

Полуобернувшись в седле, Конан показал рукой в сторону медленно двигавшейся по дальнему полю повозки с установленным на ней замотанным в ткань идолом. Процессия приближалась не по главной караванной дороге, а со стороны узкой долины, изгибавшейся и уходившей в сторону западной пустыни, не пересекаемой караванными тропами.

— Клянусь Садитой! — раздалось со стены. — Это же и вправду посланцы с юга со своим даром нашему городу! Немедленно известить храм и дворец! Пусть почетный эскорта кавалеристов выедет навстречу.

Раздался сигнал трубы, рассыпалась барабанная дробь, послышались окрики офицеров. Через несколько минут группа всадников выехала за ворота и направилась к приближающейся процессии. Отряд Куманоса уже добрался до реки, поэтому встреча с эскортом была лишь протокольной формальностью. Спешившиеся кавалеристы были готовы помочь измученным, изможденным пилигримам перетянуть их телегу через брод.

Но даже сейчас Куманос не позволил впрячь в телегу лошадей или хотя бы воспользоваться помощью самих солдат. Его подчиненные продолжали остаток пути так же покорно, упорно и безмолвно.

Вскоре идол проехал через Караванные ворота в сопровождении почетного кавалерийского

эскорта. Конан вступил в город вслед за Куманосом, ведя в поводу своего верблюда. Им навстречу вышли офицеры стражи и жрицы храма.

По настоящию Куманоса, идол был оставлен в Караванном квартале, не проехав за вторые ворота. Вокруг него была немедленно выставлена стража, состоявшая из саркадийских и оджарских солдат. По приказанию жреца его подчиненные разместились в Караванном квартале в ожидании, пока не будут выполнены формальности приема и некоторые существенные фрагменты ритуала встречи.

Это решение Куманоса вызвало вздох облегчения у оджарских официальных лиц: слишком уж тяжелое зрелище представляли собой прибывшие. Их язвы, струпья, вывалившиеся зубы позволяли предположить, что эти несчастные могут занести в город какую-нибудь заразу. Несмотря на все старания Конана, их состояние не улучшилось за последние дни пути, когда наконец они смогли пить вволю и двигались по сравнительно ровной местности. Напротив, казалось, что их болезнь развивается, делая еще более страшными гниющие язвы.

Правда, никто из встречавших не произнес ни слова об этих опасениях. Наоборот, в приветственных речах сквозило восхищение теми, кто своими физическими страданиями доказал твердость своей веры.

Конана, проводника и разведчика посланников, разумеется, никто не прославлял как героя или святого. Слишком свежо было в памяти его изгнание из города. Но, по крайней мере, никто не делал вид, что не замечает его существования. А внушительный рост и явное умение пользоваться своей недюжинной силой удерживали даже самых горячих горожан от того, чтобы бросить ему в лицо или в спину оскорбительное замечание. Лишь один из самых юных храмовых воинов вынул из ножен меч, явно намереваясь встретить им Конана. Но эту горячую голову тут же перехватили его же товарищи. В общем, Конан был вновь принят Оджарой, особенно радостно — его бывшими приятелями по караван-сараю.

Конану же доставляло удовольствие пройти по улицам изгнавшего его города. Да и ночлег под крышей, хорошая еда и вкусное вино тоже радовали его. Ведь столько времени он был лишен этого, живя за пределами города и путешествуя по пустыне. Конан решил пока не привлекать к себе излишнего внимания городских властей и никому не рассказывать об открытиях, сделанных в пустыне. По крайней мере пока он не развязется с Куманосом, получив от него обещанную плату.

Официальную встречу прибывших королем Семиархосом решили провести на следующий день в Караванном квартале. За ночь в его центре был выстроен изящный навес для тронов королевским семью и скамейки почетного гостя.

Ближе к вечеру прибыли запряженные ослами телеги с продуктами. Были зажжены костры и заколоты жертвенные ягнята. Чуть позже, когда запах жарящегося мяса поплыл над городом, к вновь прибывшим стали стекаться горожане, а также жрицы — музыкантши и танцовщицы.

На следующее утро король Семиархос на золоченой колеснице, запряженной четверкой лошадей, въехал в Караванный квартал. Рядом с ним гордо стояла Верховная жрица храма Единственной Богини королева Регула и их дочь, наследная принцесса Африандра. Король остановил колесницу у навеса и спустился с нее, чтобы поприветствовать Куманоса и стоявшего рядом с ним Конана.

— Верховный жрец, мы ждали тебя. — Семиархос сделал шаг вперед, протягивая руки, чтобы обнять гостя. Но, посмотрев внимательно на полную достоинства, неприступную физиономию Куманоса, король решил сдержать свои чувства. Он лишь положил руку на плечо жреца и сказал: — Прошли долгие недели ожидания, и мы уже стали волноваться. Мы посыпали наших людей навстречу вам, но они вернулись ни с чем. Оказывается, вы пришли оттуда, откуда вас не ждали.

Куманос нехотя поклонился.

— Наш путь был долгим и трудным, — начал он, избегая употреблять все известные формы обращения к монарху. — По нашим традициям, священный дар нельзя провозить через другой город или его земли прежде, чем он будет доставлен к месту назначения. Поэтому наш путь лежал через безлюдную пустыню.

— Понимаю, — участливо кивнул Семиархос и поглядел через плечо Куманоса на его спутников. — Твои люди заплатили за этот путь большую цену. Вижу, они неимоверно страдают от болезней и ожогов...

— Да, это так, — согласился Куманос, не дожидаясь, пока король закончит. — Много дней провели они в пустыне, страдая от жажды и тяжкой работы. Полуденная жара испепеляла их. Песчаные бури не давали вздохнуть. Селяне из Шартоума и саркадийские воины — не все из них были набожны в начале пути. Но теперь, когда лишь благодаря окрепшей вере они выжили в этом аду, каждый из них может быть уверен, что его служба будет оценена великим Вотантой!

— Это просто чудо! — воскликнула королева Регула. — Какое мужество, самопожертвование! И какое испытание веры! Жители Оджары! Перед нами — прекрасный пример могущества веры, Помогающей слабым смертным преодолевать немыслимые преграды и лишения. Священный союз двух городов и храмов придает нам всем новые силы. Пусть будут счастливы наши боги, соединившиеся в браке навечно! Добро пожаловать, Куманос! Мы рады встретить тебя, твоих спутников и твоего благородного бога.

Пока шел этот обмен церемониальными любезностями, Конан внимательно наблюдал за Африандой, стоявшей за родителями. Принцесса была одета в вызывающе открытое платье, спущенное с одного плеча. Прекрасные ноги перекрецивали шнурковка сандалий. Сама же Африандра была прекрасна, как обычно. Пожалуй, лишь внимательный взгляд Конана мог отметить ее легкую взволнованность и нервозность.

Пока продолжались приветственные речи, принцесса, словно не замечая Конана, во все глаза глядела на Куманоса. Но как только церемония была закончена, она быстрым шагом подошла к киммерийцу, улыбаясь и говоря:

— Слухи подтвердились. Это и вправду ты. Странно видеть тебя представителем этого чужого города и его божества. Похоже, этот Вотант не такой уж злодей, раз привел тебя снова сюда.

Сама не отдавая себе отчета в своих действиях, принцесса бросилась на шею киммерийцу и припала к его губам долгим, страстным поцелуем.

В нос Конану ударил тонкий запах жасминовых духов. Почувствовав вкус знакомых губ, он даже зажмурился от удовольствия. А кроме того, он был отомщен перед толпой горожан, наблюдавших эту сцену и не смевших сказать ни слова в осуждение. Обняв Африандру, он словно прикрыл ее от недовольных взглядов. С усилием оторвавшись от ее губ, киммериец шепнул ей на ухо:

— Африандра, малышка. Я так рад тебя видеть, что настроение мне не может испортить даже тот кусок верблюжьего навоза, который ты называешь городом. — Затем, чуть отодвинувшись, Конан сказал вслух: — А теперь пойдем прогуляемся, посмотрим праздник.

И он, втянув ее в толпу, пробрался туда, где люди не видели их радостной встречи и где поэтому было меньше осуждающих взглядов. Вскоре все внимание окружающих переключилось на великолепное зрелище: шесть храмовых танцовщиц исполняли на площади танец — вне стен храма — в неформальном, народном стиле.

Конан обрадовался, увидев среди танцовщиц Шарлу, но Африандра не дала ему дождаться конца танца и поговорить с нею. Принцесса всецело завладела его вниманием. Она радовалась, веселилась и вела себя как обычная девчонка, гуляющая со своим парнем по улицам

празднующего города.

На последние медяки, нашедшиеся в кошельке Конана, они купили соленых орешков, а затем, захотев пить, нырнули в знакомую таверну и заняли тот же столик, за которым познакомились. Только на этот раз оба сели рядом, на узкую скамейку около стены.

— Странно, — сказал Конан, — даже не верится, что тогда я не знал, как тебя зовут, кто ты... Я даже не знал, что ты такая красивая.

— Да, как давно это было. — Африандра положила голову ему на плечо и потерлась щекой. — Занус был еще жив... Он ворвался сюда, чтобы найти меня.

— В тот вечер он чуть не нарвался на мой клинок. Тебе, наверное, его не хватает?

— Трудно сказать. Занус заботился обо мне, беспокоился. По-своему, конечно. Не то чтобы он очень много давал мне, но сейчас, без него, у меня совсем ничего не осталось.

— Родители не подыскали еще тебе нового жениха — наследника трона?

— Нет, — вздохнула Африандра. — Пока что им не до этого. Они совсем помешались с этой миссии от Анаксимандра. Иногда я боюсь, что им может прийти в голову выдать меня за него. Кошмар! Одна его жирная борода чего стоит. Мерзость! Спасибо Садите, пока она бережет меня от этого. Да и вообще, родители будто не замечают меня, словно в наказание за причастность к смерти Зануса. Особенно старается мать. Еще бы, чего ей стоило взять себя в руки, когда это случилось... А может быть, она и права...

Африандра задумчиво покачала головой.

Конан ласково обнял ее и сказал:

— Ну хватит, девочка. Не слишком ли мною слез пролито из-за этого самоубийцы. Естественно, когда знакомый человек накладывает на себя руки, ты ощущаешь себя виноватым, но... Эй, трактирщик! — Возглас Конана был обращен к появившемуся за стойкой Анаксу. — Принеси-ка мне кружку доброго эля. А если у тебя нет благородного напитка, что ж, сойдет и та верблюжья моча, которую ты выдаешь за арак.

— А мне — кубок нарцинта, Анакс, — добавила принцесса.

Знакомый голос заставил трактирщика пристально посмотреть на нее, припоминая деву с прикрытым вуалью лицом.

— Ну а как тебе эта идея с объединением двух храмов? — спросил Конан. — Ты к ней привыкли?

— Нет, что ты. Наоборот, она мне еще больше не нравится. Только родителям нет дела до моего мнения. — Африандра тяжело вздохнула и после паузы добавила: — Честно говоря, Конан, после того, что ты рассказывал мне о жестоких порядках соседнего города и его злом короле, я удивлена, что ты присоединился к его экспедиции.

Конан подождал, пока Анакс поставил перед ними заказанные напитки, и лишь затем ответил:

— А как же еще, девочка, я смог бы вернуться в этот город, к тебе?

— Ты прав. И я счастлива снова быть рядом с тобой. Но знаешь, мне все равно не нравится эта идея. Ты посмотри на этих несчастных, прикативших сюда подарок от Анаксимандра. Еле живые, под конвоем. А моя мать приветствует их как почетных гостей...

— Знаешь, — сказал Конан, — я бы с удовольствием помог им освободиться, разделаться с этим жрецом-надзира-телем. Но если бы у них была хоть тень такого желания. Я-то думал, что Куманос ведет их по самым пустынным землям, чтобы они не разбежались от него. Оказывается, они и не хотят бежать. А теперь и не смогли бы, если бы даже захотели.

— Несчастные. Они измучены, истерзаны этой дорогой.

— Да уж, насмотрелся я на них, пытаясь облегчить им страдания принесенной водой, собранными на ваших полях фруктами... Не понимаю, в чем у них еще душа держится. Если она

еще осталась в этих измученных телах. Что-что, а бороться они уже не способны.

Африандра глотнула из своего кубка и, помолчав, проговорила:

— Знаешь, эта обещанная свадьба Садиты и саркадийского божества кажется мне ересью, предательством нашей богини. И не я одна так думаю. Есть еще люди, которые не согласны с восторгами моих родителей по этому поводу.

— Что ж, это неплохо, — сказал Конан и, понизив голос, предупредил: — Только не болтай об этом много. Случись что — тебе ничего не будет, а твои единомышленники могут поплатиться за это своими головами, если Регула или Семиархос решат, что они замышляют заговор.

— К сожалению, уже ничего нельзя сделать. Отказать сейчас Анаксимандру — значит, вовлечь город в войну с сильным и жестоким противником. Пет, это недопустимо! — Оборвав себя на полуфразе, Африандра негромко сказала: — Пойдем. Мои родители, наверное, беспокоятся, где я. Хотелось бы, чтобы их волнение было искренним...

Не прижимаясь больше к Конану, но и не выскальзывая из-под обнимающей ее руки, принцесса встала и направилась к выходу. Караванный двор еще больше наполнился народом, несмотря на усилившуюся к полудню жару. Гуляющие люди с удовольствием глазели на танцовщиков и акробатов, жонглеров и музыкантов.

— Скажи, — спросил Конан, — нарцант уже подействовал? Ты можешь что-нибудь сказать о будущем этих людей?

— Нет, сегодня все как-то по-другому. Вместо людей и предметов — какие-то неясные тени. Мне даже кажется, что я одна в безлюдной пустыне.

— А я? Я, случайно, не в каком-нибудь мало приличном наряде? — спросил Конан.

Африандра рассеянно покачала головой.

— Жаль, — вздохнул киммериец, понимая, что сейчас ему вряд ли удастся развеселить принцессу своими шутками.

Африандра привела Конана к цепочке храмовых воинов, охранявших королевский павильон. Здесь она попрощалась с киммерийцем, не желая зря нервировать родителей. Она проскользнула между охранниками, а Конан отправился по своим делам.

Найдя в толпе своего сановного работодателя, Конан подошел к нему:

— Как насчет обещанной платы, Куманос? Дела идут так, что мне нужно получить мою долю как можно скорее.

Жрец молча смотрел на киммерийца. Тогда Конан сделал еще одну попытку:

— Ты сказал, что заплатишь, когда идол окажется в Оджаре. Время пришло. Где мои камни?

— Время платить еще не пришло, — ответил Куманос, спокойно выдерживая разъяренный взгляд Конана. — Разве ты не знал, что священный идол Вотанты должен быть собран из трех равных частей, лишь одна из которых доставлена в Оджару? Работа еще не закончена.

— Что? Ты говоришь, что я должен вернуться туда, где мы встретились, и еще дважды проделать этот путь? — Конан зажал в кулаке отворот плаща жреца. — Знаешь, приятель, это просто грабеж.

— Оставшиеся части идола уже в пути, — невозмутимым голосом ответил Куманос, перебирая пальцами талисман на груди. — Они должны прибыть сюда со дня на день. Но лучше будет, если мы выедем им навстречу и поможем добраться сюда. А то вдруг они потеряются и не найдут дорогу в город? Тогда условия сделки так и останутся невыполнеными.

— Подлец! Лживый мерзавец! Значит, там, в пустыне, страдают еще вдвое больше людей, а ты молчишь! Скажи командиру оджарской стражи. Его солдаты будут счастливы сделать эту работу и помочь твоим людям.

Куманос покачал головой:

— Мы можем принимать лишь очень ограниченную помощь. Я должен лично возглавить поиски. А ты мне нужен как разведчик и проводник.

— Жулик, вот ты кто! Может, твои камешки гроша ломаного не стоят.

— Две пригоршни, — перебил его Куманос. — Закончим работу — получишь столько камней, сколько сможешь унести в двух пригоршнях, опущенных в ящик поочередно.

— Три части идола — три горсти, — заявил Конан. — Я согласен доделать работу, но не меньше чем за три горсти твоих камней.

— Договорились. Ты получишь плату, когда идол будет собран, не раньше.

Конан что-то хмыкнул в ответ, но протянул руку, чтобы скрепить сделку. Его неприятно поразила рука Куманоса. Его аж передернуло от этого сухого, холодного, совсем не человеческого прикосновения.

— Мы выходим завтра на рассвете, — сказал Верховный жрец. — Поищем к югу от города. Приготовь свои вещи и верблюда.

Конан, не говоря ни слова, повернулся к нему спиной.

Африандры нигде не было видно. Семиархос и Регула о чем-то беседовали, сидя под навесом, по принцесса как сквозь землю провалилась. Не решившись обратиться к монархам, киммериец отловим какую-то важную шишку при дворце — маленького стариашку, Высокочтимого лорда, Хранителя чего-то там, точнее Конан не помнил.

— Вы не скажете, почтенный, где принцесса Африандра? У меня для нее новости... Ее что, где-нибудь заперли?

— Ты разве не видел? — стариик взглянул на чужеземца с недоверием и негодованием. — Она упала в обморок и была отвезена во дворец. — Увидев в Конане благодарного слушателя, он продолжал: — Она вышла в караванный двор, чтобы взглянуть на прибывших шартоумцев и саркадийцев. Неожиданно она вскрикнула и рухнула на землю. Может быть, перегрелась на солнце, а может, просто девичьи штучки. Она и так стала какая-то странная с тех пор, как ее суженый отрубил себе голову. Но кто бы мог подумать... Упасть при людях...

Конан развернулся и молча пошел прочь. Последние слова старика едва долетели до его ушей:

— Ее глаза были широко раскрыты, и она стонала не переставая.

Конан не мог дождаться вечера, чтобы увидеть Африандру. Ему казалось, что родители заперли ее где-то, чтобы не позволить ей видеться с ним. Хотя, зная ее дар предвидения и чувствительность ко всему увиденному, можно было и поверить в рассказ старика. Хорош «дар», нечего сказать.

Киммериец корил себя за то, что не предупредил девушку об опасности баловства с колдовством, пусть даже самым невинным. Особенno рискованным становится такое дело в переломные моменты человеческой судьбы. А что уж говорить о судьбе целого города, которому предстояло принять нового бога в своем храме. Волей-неволей Конан тоже чувствовал что-то зловещее, исходящее от этого идола, от самого культа Вотанты, и вовсе не радовался, что помог Куманосу добраться до Оджары, несмотря на то что жители города так несправедливо обошлись с ним.

Постучав в ворота королевского дворца, Конан был встречен целым отрядом стражи, грубо не пустившей его внутрь. На вопросы о здоровье принцессы он тоже не получил вразумительного или хотя бы вежливого ответа. Раздосадованный, Конан вернулся в Караванный квартал, чтобы заняться подготовкой к завтрашнему выезду.

Собрав все, что нужно, Конан провел остаток вечера, потягивая арак и болтая со старыми и новыми знакомыми, чтобы скоротать время.

Когда последний луч солнца скрылся за западной стеной города, киммериец вышел из

караван-сарай. С толпой празднично одетых и веселых горожан он прошел через Храмовые ворота и нырнул в один из узких переулков Храмового квартала. Здесь он нашел место, где дворцовая стена была прикрыта с внутренней стороны деревьями, что затрудняло страже наблюдение. Трешины и неровности в стене, пусть даже небольшие, были вполне достаточны для опытного скалолаза, чтобы в два счета подняться на гребень стены и перемахнуть через нее, лишь на мгновение мелькнув силуэтом на фоне темнеющего неба.

Приземлился он мягко и бесшумно. Так же бесшумно Конан стал пробираться по роскошному густому саду, дававшему много плотной тени, чтобы укрыться.

В дальнем конце сада возвышалась еще одна стена — на этот раз полированная, с тщательно подогнанными — ногтя не просунешь — плитами. Но дворцовый архитектор украсил стену декоративными полуколоннами. Упервшись в них и распластавшись по стене, Конан начал подниматься, попеременно продвигая вверх руки и подтягивая ноги. Наконец его пальцы нашупали лепной карниз. Резко качнув всем телом, Конан словно взлетел на балюстраду дворцовой галереи, где и замер, выжидая, пока пройдут мимо часовые. Двигаясь, издавая не больше шума, чем тень охотящейся совы, киммериец пересек галерею и без труда вскарабкался по богато украшенной барельефами внутренней стене и оказался на балконе спальни Африандры.

Из помещения не пробивался ни единый луч света. Но неожиданно тяжелая портьера отодвинулась, и в оконном проеме показалось знакомое лицо. Африандра всматривалась в темноту, явно стараясь что-то увидеть. Она не заметила Конана, стоявшего совсем рядом. Когда он пошевелился, ей пришлось зажать себе рот, чтобы не вскрикнуть. В следующую секунду она уже бросилась в его объятия.

— Я спала, — пробормотала принцесса, — но мне приснилось, что ты приходишь ко мне; я почувствовала, что ты где-то рядом.

— Ты и вправду можешь что-то предвидеть. По крайней мере, я не издал ни единого звука, пробираясь сюда. — Конан осторожно взял в ладони девичье лицо и повернул к себе. — Скажи, нарцант все еще действует?

— Не знаю, трудно сказать. Какие-то чувства и образы то приходят, то исчезают.

— Ты лучше себя чувствуешь? Что так испугало тебя утром там, в Караванном квартале? Ты помнишь?

— Это было, как тогда... С Анаксимандром... только еще страшнее. Кажется, злой рок висит над всеми прибывшими из Сарка. Стоило мне взглянуть на них — как они оказались объятыми пламенем. Полопалась кожа, задымилась плоть, тела задергались в предсмертных судорогах.

Африандру била дрожь, и Конан крепко обнял ее, стараясь успокоить.

— А потом, когда я посмотрела вокруг, мне стало совсем страшно. Это же неземное пламя охватило и лица моих соотечественников, моих знакомых! Затем сам город куда-то исчез, развалился. Я осталась одна в каком-то пустынном, безлюдном месте.

Сзади на меня надвигалась гигантская черная тень, а я не смела повернуться, чтобы увидеть ее. Страх становился все сильнее и сильнее... а потом я, наверное, потеряла сознание. — Всхлипывая, принцесса прижалась к киммерийцу.

Он постарался успокоить ее, глядя по голове и на ходу сочиняя правдоподобное объяснение:

— Знаешь, эти несчастные так страшно выглядят, что не нужно обладать пророческим даром, чтобы упасть в обморок при взгляде на них. Я слышал, как стонали многие молодые девушки, не привыкшие к таким зрелищам... А нарцант лишь прибавил красок к этому образу...

— Нет, Конан. Это боги послали нам предупреждение! Я уверена в этом. В последнее время предзнаменований и предупреждений стало так же много, как мух над дохлым ослом в пустыне.

И это неспроста. Какая-то страшная судьба ожидает Сарк и все, что связано с ним... Или, наоборот, страшные испытания уготованы моей родной Оджаре, а прийти они должны из Сарка! Я не знаю! Не знаю!

Ну, ну, успокойся, малышка! — Конан погладил ее по голове, обнял — и всем телом почувствовал бьющую девушки дрожь. Постепенно Африандра успокоилась, и ее объятия стали крепки не от страха, а из-за чего-то другого. Отчаяние и безумная страсть прижимали ее к Конану. Страсть, словно в последний день жизни. Страсть человека, для которого уже никогда не наступит завтра.

* * *

Конан решил уходить из дворца другой дорогой — через задние ворота, накрепко закрытые, но не охраняемые. Он перебрался через противоположную внутреннюю стену и оказался в уже знакомом ему саду с заросшим лилиями прудом. Правда, на этот раз луна не заливалась все вокруг своим серебряным светом, что тем не менее не помогло киммерийцу уйти незамеченным.

— Ко мне, ребята! — раздался крик, эхом отразившийся от глади пруда. — Это тот самый варвар!

Наперерез Конану бросился высокий человек в тунике храмового воина:

— Стой! Возмездие настигло тебя!

Голос незнакомца был юным, но твердым и уверенным. В нем уже чувствовалась самовлюбленность и презрение к окружающим, которые так раздражали Конана в Занусе.

— Ты испугался возмездия богини? Струсили? — Незнакомец бросил Конану самое страшное обвинение.

До этого момента киммериец все еще рассчитывал, что сможет без драки выбраться за пределы Храмового квартала. Теперь же, резко остановившись, он развернулся лицом к незнакомцу. Его нож словно сам лег в руку.

— Я боюсь только одного — умереть, дешево отдав свою жизнь. — Сделав обманное движение, Конан отскочил в сторону, пропустив вперед почти настигшего его преследователя. — Но если ваша справедливая богиня считает, что возмездие должно быть осуществлено пятью мечами против одного, я готов подождать твоих приятелей до утра.

Говоря это, Конан не переставал двигаться вокруг своего противника, все-таки надеясь отвлечь его и исчезнуть, избежав столкновения. Но тут со стороны ворот послышались шаги, и еще два храмовых воина с обнаженными мечами перекрыли ему путь к отступлению. В это же время в глубине двора раздался топот и крики еще нескольких человек:

— Вот он! Не упустите его!

Выругавшись, Конан бросился вперед, низко выставив перед собой нож. Он решил разобраться с ближайшим противником один на один, пока остальные не подбежали тому на помощь.

Мастерство фехтовальщика спасло молодого воина. В последний миг его меч опустился на клинок киммерийца, готовый пронзить его. Удар ножа был отбит. Но Конан, не останавливаясь, всем телом налетел на противника. Тот, будучи намного легче и не подготовившись к такому повороту дел, не удержался на ногах и рухнул в пруд, оказавшись по пояс в воде.

Конан не последовал за обескураженным соперником, чтобы добить его. Злорадно усмехнувшись, он отошел от кромки воды и приготовился встретить остальных преследователей.

Оглянувшись, он понял, что зажат в угол между внешними стенами дворца и храма, а путь к выходу перекрыт пятью вооруженными людьми, одетыми в одинаковые туники храмовых воинов. Один из них, что-то бормоча, отжимал и выкручивал складки и полы туники.

— Ну, я готов, — рявкнул киммериец. — Кто хочет первым отправиться на встречу с Единственной Истинной Богиней? Вы ведь ее слуги, не так ли?

— Да, это так, — ответил вымокший юноша. — Я — И мир, старший послушник и враг всякого, кто оскверняет имя великой Садиты!

— А, королева Регула послала целую компанию новичков-послушников, чтобы они сделали то, чего не захотел или не смог сделать этот хам — Занус. Ну, посмотрим, как это получится у вас. Проверим, на что годятся ваши мечи!

— Мы пришли не по приказу Регулы. — Невысокий воин с задумчивыми глазами произнес эти слова. — Мы ученики и последователи Зануса Победителя, как и подобает всем истинным защитникам Садиты! А королева пала жертвой ошибки, искушения, посланного ей такими же богохульниками, как ты. Мы здесь, чтобы исправить эту ошибку.

— Хватит, Хассад, — оборвал своего товарища Измир. — Мы вовсе не должны объясняться перед этим варваром. Ему многое чести, даже если мы просто убьем его. А чтобы он не сомневался в нашем умении побеждать в честном бою, вы все будете лишь преграждать ему отход, чтобы этот трус не сбежал от моего карающего меча...

— Подожди, — прервал его Конан. — Значит, ты говоришь, что вы действуете не по приказу королевы, а по собственной воле?

Измир нетерпеливо тряхнул мокрыми волосами:

— Да, если тебе угодно, мы — заговорщики. Но мы не еретики, а хранители истинной веры! Мы поклялись защищать честь нашей богини от осквернения ее грязными чужими богами вроде того, что ты ввел в наш город...

— А, Вотанта... — хмыкнул киммериец. — Значит, вы — мятежники, стоящие за чистоту своей веры. И при этом вы проклинаете меня. Но я же не жрец Вотанты. Я был всего лишь нанят Куманосом как проводник.

— Ты привел этих людей и их идола сюда, — сказал Хассад голосом обвинителя. — И ты обманом вернулся в наш город после того, как был навеки изгнан за грехи и ересь.

— И более того, — вступил в разговор старший послушник, — ты соблазнил принцессу, отвратив ее дух от любви к родителям и ее родному городу. Только боги знают, какой яд ты использовал для этого. — В глазах Измира пылал такой же фанатизм, каким Конан помнил по глазам Зануса. — Предательство за предательством, преступление за преступлением — и все от рук грязного, неверного чужеземца, варвара, отлученного от храма и изгнанного из города!

— Хватит пороть чушь! — рявкнул Конан таким голосом, что заставил замолчать всех противников. — Я не союзник саркадийцев и не последователь их веры. Как, кстати, и ваша принцесса. У вас с ней больше общего, чем вы думаете. Постарайтесь объединиться с ней и ее сторонниками. И если вы хотите изгнать Куманоса с его идолом из города, а на это у вас есть веские причины, — что ж, я готов предложить вам свою помощь.

— Ложь, и опять ложь, — выдавил, задыхаясь от гнева, Хассад. — Он просто заговаривает нам зубы, как сумел обмануть наших правителей и высших жриц. Хватит! Смерть ему!

— Прекратите, клянусь всеми бесами и демонами Земли и Семи Небес! — Слова клятвы и то, каким голосом они были произнесены, сумели вновь призвать всех к молчанию. — Если вы так хотите убить меня — пожалуйста, я к вашим услугам. Попробуй для начала ты, Измир. Помо-ему, у тебя теперь ко мне еще и личный счет. — Киммериец усмехнулся, кивнув в сторону пруда. Его зубы сверкнули в темноте вместе с тяжелым клинком его ножа. — Но сначала я призываю вас прислушаться к воле вашей богини и подчиниться ей. Если лучшему из вас не

удастся убить меня, сочтите это за знак от Садиты и согласитесь поговорить со мной хотя бы до того, как подставить под мой нож следующего несчастного. Пусть этот поединок станет настоящей храмовой дуэлью, в которой Садита назначает победителя своей волей.

— Согласен. Звучит разумно.

— Кончай его, Измир! Разделайся с ним побыстрее!

Противники шагнули навстречу друг другу и скрестили клинки.

Глава XV

ДРЕВО ТЫСЯЧИ ПАСТЕЙ

В первых топазовых лучах рассвета Конан уже появился в Караванном квартале. Невыспавшийся и усталый, но без свежих ран, он подготовил своего верблюда к дороге. Верховный жрец Куманос ждал его у Таможенных ворот вместе с наименее измученными рабами его отряда, отделением оджарских солдат и группой добровольцев, вызвавшихся помочь в поисках. Кто верхом, кто пеший, они проследовали через ворота и вышли в пустыню.

Остановившись лишь для того, чтобы наполнить водой мешки и фляги да чтобы напоить животных, отряд отправился на юг по старой караванной дороге, отмеченной торчащими тут и там из песка костями лошадей и верблюдов.

Этому отряду предстояло найти в песках две другие группы, посланные Анаксимандром с двумя оставшимися частями идола. Их месторасположение было неизвестно, как неизвестно было вообще, живы ли эти люди, — слишком давно Куманос не получал от них известий. По крайней мере, Верховный жрец рассчитывал найти сами фрагменты статуи. Маловероятно, чтобы случайные грабители смогли увезти их или серьезно повредить, желая отколоть образцы металла.

Конан был менее уверен в благополучном исходе поисков. Он хорошо знал, как может бесследно исчезнуть в этих бескрайних пустынях даже нечто очень большое, например Каменный Корабль или экспедиция Пронатоса. Но внешне киммериец оставался невозмутимым и продолжал делать свое дело, организовывая поиск. Он направлял движение всадников, следил, чтобы пешие разведчики не удалялись на опасное расстояние от колодцев и оазисов. Организованная им поисковая сеть вряд ли могла пропустить незамеченный столь основательный объект.

Киммериец лично проверял самые трудные для поиска и подозрительные места — скальные гряды, ущелья и каньоны, карабкаясь на вершины и бесконечно всматриваясь и всматриваясь в песчаный горизонт. Его глаза сузились в ставшем привычным прищуре. Руки дочерна загорели, сравнявшись цветом с руками Куманоса. Губы совсем растрескались от дующих в лицо сухих ветров.

Первая группа была обнаружена разведчиками киммерийца на восьмой день после их выхода из Оджары. Вскарабкавшись на одинокую скалу, Конан увидел несчастных, еле влачивших свою тяжкую ношу. Даже тепло встреченные оджарцами, получив от них воду и продовольствие, эти фанатики отказались отдохнуть от своего каторжного труда, предоставив рвущимся на помощь жителям Оджары занять их место. Лишь перекусив и напившись вволю, они снова впяяглись в свои лямки и покатали тяжелую колесницу по мягкому, вязкому песку.

Конану это упорство казалось граничащим с безумием. Ведь эти люди выглядели еще хуже, чем группа Куманоса, — также покрытые язвами и ожогами и еще более измученные жаждой и голодом.

Киммериец сорвал голос, доказывая Куманосу и второму жрецу, предводителю второго отряда, что во имя милосердия, элементарного человеколюбия следовало немедленно освободить несчастных от работы и на носилках отнести в Оджару. Эти люди, говорил он, будут живыми идолами, памятниками Вотанте и примером истинной веры.

Но жрецы, казалось, едва слушали Конана, не придавая значения его словам. Лишь фанатический огонь сверкал в их глазах. Против ожидания, рабы тоже не проявили никакого

желания избежать продолжения мучений, а, наоборот, вновь смиренно взялись за веревки. Единственное, что позволил сделать Куманос, — это принять помощь оджарских добровольцев, но ни в коем случае не впряженя лошадей или мулов в телегу. Но даже так дело пошло быстрее, и статуя продолжила свой путь на север, к Оджаре. А Конан с оставшимися разведчиками приступил к дальнейшим поискам.

Последняя часть статуи была обнаружена в одном из ущелий два дня спустя. Сам идол стоял, опасно накренившись, на покосившейся платформе телеги. Из шести колес экипажа три были разбиты напрочь. Но самое страшное — это то, что творилось с людьми. Они почти неподвижно лежали вокруг своего груза. Многие были мертвы от жажды и голода. Конан предпочел не выяснять, не было ли у них случаев людоедства.

Их лидер, молодой священник, рассказал, что дважды отправлялся на поиски воды, но безрезультатно. Проблуждав несколько дней по пустыне, он вернулся к своим людям, чтобы хотя бы морально поддержать их. Его увидели сидящим на земле и глядящим по голове умирающую женщину. Вода, принесенная спасателями, уже не смогла помочь ей.

Этот молодой жрец, казалось, был способен на сострадание и понимание чужой боли. Но даже он безоговорочно подчинялся воле Куманоса. Верховный жрец лишь прошептал ему на ухо несколько фраз и провел перед лицом молодого человека своим амулетом. Того словно подменили — ни единого возражения не было сделано им по поводу продолжения движения идола.

Дьявольское предвидение Куманоса помогло ему и на этот раз: выходя из Оджары, он приказал взять с собой некоторые части телеги, оставшейся в Караванном квартале. И вот теперь два недостающих колеса были заменены, а третье собрано из остатков разбитых. На следующий день отряд уже тронулся в путь. И, как и прежде, едва стоящие на ногах люди безропотно впряженлись в свои веревки и налегли на деревянные упоры, толкая вперед свою проклятую ношу.

Через две недели они возвратились в Оджару. Правда, Конан вовсе не был уверен, что сделал доброе дело несчастным страдальцам. Кто знает, не! лучше ли было им умереть там, в пустыне, чем продолжать мучиться, участвуя в дьявольских затеях Куманоса. Но самих измученных дорогой людей не посещала и тень сомнения в необходимости завершения работы. Жители Оджары тепло приветствовали прибытие в город этих мрачных фанатиков с их идолом.

По плану Куманоса, все три части идола должны были быть ввезены в город одновременно с трех сторон. Это вполне устраивало горожан, так как в стенах Оджары было как раз трое ворот подходящего размера для того, чтобы пропустить такой большой груз. Все три фрагмента статуи планировалось собрать воедино на площади перед храмом. Затем, по указу королевы Регулы, должен был состояться ритуал бракосочетания богини Садиты и вновь прибывшего бога Вотанты. С этого дня горожанам следовало поклоняться в равной мере обоим божествам.

У Конана сложилось впечатление, что заговорщики, желавшие воспрепятствовать этому смешению двух религий, не намного продвинулись вперед в своем деле: большинство горожан по-прежнему восторженно встречали пришельцев. Атмосфера в городе куда больше напоминала праздник, чем подготовку к сопротивлению. С огромными почестями обмотанные холстом фрагменты статуи были перегружены на новые платформы тяжелых боевых колесниц. Теперь эти великаны стояли каждый у своих ворот и только ждали своего часа, чтобы войти в город.

Конана очень заинтересовали все эти приготовления, он по опыту знал, что в любом ритуале есть свой скрытый практический смысл. В этом случае, с одной стороны, все было ясно: огромный идол был слишком тяжел, чтобы отливать и перевозить его целиком. Но зачем тащить три его части по пустыне тремя разными маршрутами, всячески избегая возможности их встречи? К чему вообще такая огромная статуя?

Несомненно, в этом было какое-то значение. Во-первых, так можно было заинтриговать

горожан, дразня их воображение и подогревая любопытство. Оставалось лишь гадать, какое действие приготовил Верховный жрец к моменту соединения трех частей идола. Может быть, ожидалось внушительное проявление могущества Вотанты или даже появление божества на глазах у изумленных людей?

У Конана не было времени разыскать своих недоверчивых единомышленников и поделиться с ними своими мыслями. Церемония должна была состояться на следующее утро. Вся Оджара лихорадочно заканчивала последние приготовления. Киммериец выяснил, что ему не удастся увидеть Африандру. Принцесса вместе с другими жрицами была заперта в храме для совершения ритуального очищения души и тела перед церемонией.

Вернувшись в Караванный квартал, Конан разыскал знакомого оружейника, которому перед отъездом поручил сделать кое-какую работу, при этом сохранив ее в тайне. Кузнец не подвел киммерийца, и тот теперь был готов участвовать в завтрашней церемонии во всеоружии. Конан не стал напоминать Куманосу о плате, полагая, что жрец все равно заупрямится и скажет, что условия сделки считаются выполненными с того момента, когда идол будет собран па Храмовой площади. Плотно поужинав, Конан ушел в отведенную ему в караван-сарае комнату и окунулся в тяжелый, беспокойный сон.

На следующий день под безжалостным утренним солнцем тяжелые колеса боевых колесниц загрохотали по улицам Оджары. Части идола двигались, возвышаясь над толпой и над крышами невысоких зданий. Конан вошел в город вслед за группой Куманоса через Таможенные ворота. Как обычно в этих южных странах, Конан был почти на голову выше всей толпы. Его внушительная фигура, завернутая в плотный плащ с капюшоном, привлекала не меньшее внимание, чем персона Верховного жреца, за которым киммериец следовал словно тень.

Так как части идола все еще были укрыты материей, об их истинной форме можно было только догадываться. Конан решил, что идол вряд ли будет похож на человека — слишком уж необычны и громоздки были их силуэты. Кроме того, человекоподобие было маловероятно из-за явной трехсторонней симметрии статуи, если, конечно, Вотанта не был изображен в виде трехликашего шестирукого чудовища.

Эти мысли, похоже, занимали не многих жителей Оджары. До ушей Конана не доносилось никаких тревожных или подозрительных замечаний по поводу предполагаемого облика нового божества. Колесницы продолжали свой путь, вызывая всеобщий восторг. Горожане старались прикоснуться к борту платформы или тяжелому колесу, надеясь, что это принесет им счастье. Кроме того, каждый считал своим долгом помочь тем, кто тащил за собой колесницу. При такой поддержке статуи продвигались к центру города, даже в гору вкатываясь легко и быстро.

Те, кто привез части идола в Оджару, по-прежнему были впряжены в колесницы. Но участие этих измученных, полуживых людей в последнем передвижении идола было скорее символическим по сравнению с тем, как тянули за канаты оджарские солдаты и крестьяне, назначенные на эту работу жрицами Садиты.

Конан обратил внимание на то, что люди Куманоса совсем не отдохнули за то время, что провели в городе, скорее наоборот, язвы и ожоги, покрывавшие их тела, стали еще ужаснее. В этот день жрецы нарядили их в балахоны с капюшонами из тонкой белой шерсти, которые закрывали от глаз сочувствующих зияющие раны.

Эти незаживающие язвы заставили Конана задуматься. В последние недели он встретил три отряда, перевозивших разными дорогами три части идола. Во время путешествия у него не было времени додумать, почему во всех трех группах люди были поражены одними и теми же болезнями. Учитывая удаленность друг от друга их маршрутов, а также то, что они пили разную воду, шли по разной почве, можно было бы ожидать, что тяготы пути по-разному скажутся на рабочих. Если бы речь шла о какой-то инфекции, то она наверняка по-разному поразила бы

шартоумских рабов и их саркадийских охранников. Конан терялся в догадках, какая болезнь могла так одинаково поразить всех членов священной миссии, за исключением Куманоса и двух жрецов, его помощников. Вдруг Конана осенило: единственное, что объединяло все три группы, — сам идол, излучающий таинственное тепло и зловещее мерцание. Рабы и охранники не только находились в непосредственной близости от него целый день, но и ночевали под повозкой. Лишь жрецы, идя впереди отряда и ночуя в стороне от остальных, в основном находились на достаточном расстоянии от статуй. Даже здесь, в Оджаре, Куманос не позволил разместить своих людей в караван-салях, приказав им ночевать, как и раньше, рядом с идолом. Именно эти таинственные сооружения медленно убивали их.

Эти мысли одолевали Конана, когда колесница наконец вползла на центральную площадь. Казалось, здесь собрался весь город: людей было даже больше, чем зрителей во время поединка киммерийца и Зануса. Алебастровая статуя Садиты была выдвинута из портика храма на площадь, и теперь бессмертная богиня, ярко освещенная солнцем, сверкала серебряным шлемом и наконечником копья, нацеленным в небо. Рядом с ней стояла королевская семья, словно родственники невесты, ожидающей прибытия жениха. Король Семиархос и королева Регула светились радостью и счастьем. Принцесса Африандра возглавляла группу жриц, одетых в белоснежные церемониальные наряды, украшенные гирляндами цветов. По обе стороны от статуи богини и ее царственных слуг стояли храмовые воины, как обычно, без доспехов, но с мечами, висящими на широких кожаных поясах. На взгляд Конана, Африандра не выглядела обеспокоенной происходящим. Похоже было, что она смирилась с ролью, отведенной ей в церемонии. Воины, выступавшие против соединения двух божеств, тоже стояли неподвижно, никак не пытаясь выразить свой протест. Конана поразило столь резкое изменение, произшедшее с ними. Он подумал, что, вероятно, Куманос своими магическими способностями смогнейтрализовать сопротивление принцессы и ее единомышленников.

Отряд под руководством Куманоса остановился. Оставшиеся две колесницы чуть опаздывали. Над крышами домов на противоположной стороне площади Конан заметил приближающуюся верхушку второй статуи. Судя по волнению толпы у рынка, третья колесница должна была вот-вот показаться в Старых воротах.

Куманос воспользовался этим моментом, чтобы подойти к ожидающим его королю и королеве. Конан шел рядом со жрецом, помогая ему пробиться сквозь толпу. Киммерийцу было важно, чтобы кошелек Куманоса остался при его обладателе. Что же касается любой другой опасности, Конана это не касалось, его интересовала только плата за выполненную работу.

Куманос лишь коротко кивнул встречавшим его правителям и собрался было пройти мимо них ко второй колеснице. Лишь услышав начало приветственной речи королевы, он неохотно остановился.

— Многоуважаемый гость Куманос Саркадийский! Мы безмерно благодарны за ваш дар — величественный монумент. Мы счастливы вверить судьбу нашей богини в руки мудрого и справедливого бога Вотанты. Наш город не останется в долгу. Новая статуя нашей богини будет в ближайшее время передана в храм саркадийского бога.

— Да, да, хорошо, — рассеянно согласился Куманос. Похоже, он вовсе не слушал приветствий королевы, а лишь ждал появления на площади второй колесницы.

— Живей! — поторопил он своих подчиненных.

Конан обратил внимание, что вместо двух младших жрецов во главе колесниц стояли саркадийские офицеры, которые, услышав приказания Куманоса, бросились подгонять своих рабов и их добровольных помощников.

Регула, казалось, была несколько шокирована недипломатичным поведением Верховного жреца. Прервав приветствие на полуслове, она молча смотрела на движущиеся по площади

колесницы.

— Не забудь снять тряпки, — напомнил Конан Куманосу. Больше всего киммерийцу хотелось увидеть, как выглядит идол. Ему казалось, что момент открыть статую уже наступил.

Верховный жрец, не обращая внимания на киммерийца, стал лично подгонять рабочих, тащивших колесницу. Его приказы возымели действие: отставшие повозки заметно продвинулись вперед, несмотря на то что многие оджарские добровольцы покинули свои места в упряжках, утирая лившийся с них ручьями пот.

— Холст и веревки нужно срезать до того, как статуи соединятся, — вновь напомнил Куманосу Конан, сжимая рукой рукоятку ножа под туникой.

— Твоя помощь не потребуется, — бросил жрец, даже не повернувшись к Конану. — Подожди немного.

Уже не обращая внимания на невежливость ответов Куманоса, Конан повернулся к ближайшей колеснице. От нее шел сильный запах паленой ткани. Через несколько мгновений холст, закрывавший статую, потемнел в нескольких местах. В воздух поднялись тонкие струйки дыма. Неожиданно вся ткань полыхнула ярким пламенем, превратив статую в пылающий факел. В противоположных углах площади одновременно зажглись еще два одинаковых факела. Над толпой пронесся вздох изумления. Конан решил, что Куманос воспользовался, и очень удачно, каким-то фокирским приемом, чтобы произвести впечатление на зрителей. Тащившие статуи люди не пострадали, неповрежденными остались колесницы и даже канаты, удерживавшие фрагменты статуи вертикально. Когда последние хлопья пепла упали на землю, в дрожащем от жары воздухе взорам любопытных предстали ничем не скрытые части большой статуи. Как и предполагал Конан, идол не имел ничего схожего с человеческим телом. Скорее он походил на какое-то растение. Две стороны каждой части, обращенные внутрь, были ровными и гладкими. Наружная часть была окружной и напоминала ствол толстого дуба, кора которого покрыта длинными вертикальными бороздами. От каждой части ствола отходило по две ветви, коротких и толстых, заканчивающихся не листьями, а двумя плодами, размером с дыню. Поверхность каждого плода напоминала голову, на которой не было ни глаз, ни носа, а только оскаленная пасть. В общем, статуя производила отталкивающее впечатление, никак не напоминая ожидаемого в Оджаре бога-героя.

Холодный пот прошиб Конана, неясное опасение превратилось в тревожную уверенность. Киммериец вспомнил, что такой же странный древоподобный символ был выгравирован на обелиске, воздвигнутом посреди руин древнего Иба, Города в Пустыне. Зловещее ощущение того, что все происходящее уже было видено им, не покидало Конана. Конечно, на центральной площади Иба не было толпы людей, но все остальное очень походило на то, что совершалось на центральной площади Оджары. Конан вздрогнул, вспомнив выжженные на камнях городской стены Иба силуэты людей, испепеленных неведомым огнем. Вспомнил Конан и то, как под покровом ночи Куманос приходил помолиться к черному обелиску, на котором, как теперь стало понятно, был изображен бог родного города жреца.

Куманос... Жрец неожиданно исчез из поля зрения киммерийца. Скорее всего, он отправился к одной из колесниц, чтобы потормозить ее продвижение. Этот человек сильно рисковал и перенес много лишних страданий, ведя свои отряды в Оджару разными маршрутами. Зачем ему это было нужно? Не потому ли, что в момент соединения трех частей статуи должно произойти что-то ужасное?

Но что же? Уничтожение древнего Иба не было ли следствием такого же «пришествия великого бога Вотанты»? Конан вспомнил о дурной славе жрецов королей южных пустынь и их кровожадных богов, о том, как равнодушно взирал Куманос на страдания и мучения своих людей. Конан еще более убедился в правоте своих подозрений, когда в его памяти возникли

неясные, полные огня и тревоги видения Африандры.

Из размышлений его вывели вновь пришедшие в движение идолы. Колесницы начали разворачиваться на месте, обращая гладкие части статуи к центру. Развернувшись по команде Верховного жреца, повозки вновь двинулись вперед.

Толпа давно покинула центральную часть площади, расступившись перед сходящимися колесницами. Теперь в самом центре, в той точке, где должны были встретиться три составляющих идола, возникло какое-то непонятное свечение, оно становилось все более ярким по мере того, как усиливалась мощность лучей, направленных к центру.

Конан, стоявший недалеко от одной из частей идола, почувствовал, что жар, исходящий от нее, становится невыносимым. Не удивительно, что покрывавшая ее ткань вспыхнула и моментально сгорела. Несколько рабочих, находившихся рядом с колесницей, не выдержав жара, отбежали. Лишь те, которым длинные веревки позволяли отойти на расстояние, достаточное для того, чтобы переносить нестерпимый жар, остались возле колесницы.

— Стойте!

Над площадью прозвучал тонкий девичий голос, в котором, однако, чувствовалась твердость и привычка повелевать. Принцесса Африандра, сделав шаг вперед, бросила вызов всему происходящему.

— Хватит! Прекратите эту пародию на свадьбу! Нашей богине не нужен муж — чужеземный кровожадный тиран, который заставит ее отказаться от мирного и справедливого правления Оджарой. Посмотрите на идола, — обратилась она к толпе. — Это не бог цивилизованной страны, это не мужчина, не женщина, даже не животное, это какое-то уродливое чудовище. Мы, жрицы Садиты, призываем всех верных ей жителей города остановить этот фарс и изгнать чужеземцев.

С этими словами она сорвала с себя гирлянду цветов и бросила ее себе под ноги. Видимо, за время, проведенное взаперти в храме, она сумела убедить в своей правоте и остальных жриц, так как большинство из них, включая Шарлу, присоединились к принцессе и тоже сорвали с себя украшавшие их цветы. Родителей Африандры такое поведение принцессы явно застало врасплох. Они молча смотрели на нее, не зная, как реагировать на этот поступок. Остальные присутствующие тоже находились в недоумении. Не все рассыпали слова принцессы, поглощенные зрелищем сдвигающихся колесниц и становящегося все более ярким свечения в центре площади на месте предполагаемого соединения частей статуи.

Хотя большинство оджарских добровольцев прекратили свою работу, тяжелые повозки продолжали медленно продвигаться вперед, благодаря отчаянным усилиям измученных болезнями и ожогами людей Куманоса. По мере их продвижения светящийся призрак в месте пересечения трех лучей начинал обретать какую-то непонятную форму. Стоявшие рядом с принцессой храмовые воины схватились за рукоятки своих мечей, Конан мысленно поздравил принцессу с тем, что она смогла-таки связаться с заговорщиками и объединить с ними свои усилия. Однако киммериец не был уверен, что у благородных воинов хватит решимости обрушить свои клинки на безоружных полуживых шартоумских рабочих и саркадийских солдат. Сжимая под плащом рукоять ножа, он ждал, как будут разворачиваться события. Вдруг всеобщее внимание снова привлек Верховный жрец Куманос, вновь шагнувший на площадь и протянувший руки в молитвенном жесте к светящемуся силуэту. Над площадью поплыли произнесенные нараспев слова призывающего заклинания:

— Вотанта, Бог Пустыни, мы взвыаем к тебе! Прими нашу жертву! Все ритуалы выполнены, заклинания произнесены. Ничто не может помешать тебе явиться на землю во всей своей мощи. Приди же сюда, Великий Господин, прими от нас священного идола, пусть насытит тебя наша жертва. Взамен же, великий Вотанта, мы молим тебя, чтобы ты благословил наш город. Одари

его водой, чтобы верные тебе его жители могли и дальше прославлять твоё могущество, славить тебя в веках. Вот и все, что мы просим у тебя, великий Воданта, бессмертное Древо Тысячи Пастей.

Глава XVI

РАСПЛАТА

Верховный жрец Куманос, произнося заклинание, опустил руки и повернулся спиной к толпе, не предпринимая больше попыток поторопить или направить движение колесниц.

С мрачной уверенностью Конан пришел к мысли, что, говоря о жертве, жрец имел в виду Оджару — целый город и всех его жителей, которым суждено было быть сожженными неизвестной силой. Этой же силой семь веков назад был стерт с лица земли могучий Иб. Конан сжал уже рукоять ножа, чтобы воочию убедиться, есть ли у этого жреца сердце, но понял, что убийство будет бессмысленным. Куманос сделал свое черное дело: части идола продолжали двигаться навстречу друг другу, влекомые ничего не слышащими и не обращающими ни на что внимания полусгоревшими фанатиками. Металлические истуканы медленно, но верно подтягивались к центру площади. И там вместо мерцающего силуэта возникло огненное дерево с оскалившимися плодами. Это спускался на землю бог Сарка и бесчисленных мертвых городов, всемогущий Вотанта, воплотившийся в образе Древа Тысячи Пастей.

Сотканный из огненных вихрей, его ствол быстро разрастался. Словно огненные щупальца, тянулись в стороны толстые ветки. Их было не шесть, как на статуе, а намного больше. Множество огненных шаров оскалились на толпу. Оторвавшись от ужасного зрелища, один из мятежных храмовых воинов преградил путь одной из колесниц и хриплым голосом приказал несчастным, двигавшим ее, остановиться.

Не успел он закончить фразу, как от огненного дерева метнулась к нему сверкающая молния. Тело воина вспыхнуло, как спичка. Через несколько мгновений от юного героя осталась лишь горсть пепла на камнях. Мощь Вотанты сожгла его, как сжигает мотылька пламя горящей свечи. Двое товарищей погибшего бесстрашно шагнули вперед. Уворачиваясь от огненных вихрей, они подошли почти к самому дереву, криками и знаками приказывая всем трем колесницам остановиться. Видимо, смельчаки слишком близко подошли к огненному стволу: неожиданно воздух вокруг них вспыхнул ярким пламенем. Испепеленные огнем, воины разделили судьбу своего товарища, а их мечи и щиты лужами расплавленного металла растеклись по камням, которыми была вымощена площадь.

Оставшиеся в живых воины, потрясенные гибелью своих товарищей, застыли на месте. Лишь Конан нашел в себе силы броситься навстречу опасности. Одетый в черный плащ с капюшоном, он являл собой зловещую внушительную фигуру. Но мало кто обратил на него внимание, до тех пор пока киммериец резким движением не отбросил полу плаща. Под плащом были скрыты сверкающие золотые доспехи: нагрудник, шлем с забралом, золотые пластины, прикрывающие ноги и руки, — последнее сокровище Пронатоса или другого, еще более древнего воина, найденное Конаном в тайнике трюма Каменного Корабля. Это облачение притянуло к себе множество взглядов, когда Конан прошел вперед, встав рядом с дымящимися останками погибших храмовых воинов. Затаив дыхание толпа следила за тем, как, достав свой тяжелый нож, прохрипев проклятие, он двинулся по направлению к сверкающему чудовищу.

Нож Конана с потертой рукояткой, со ржавчиной, кое-где тронувшей лезвие, был все же еще грозным оружием, годным для битвы с любым противником. Но он оказался не лучшим приспособлением для борьбы с огнедышащим бичом. Конан почувствовал, как раскаляется клинок, начиная светиться красным светом. Нестерпимо нагрелась рукоятка. Не в силах больше держать в руках раскаленное оружие, Конан размахнулся и метнул тяжелый нож в дьявольское

дерево. Оружие не долетело до цели, расплавившись в воздухе. Жидкий металл так и не пролился на землю, испарившись в воздухе, словно капли воды, брызнувшие на кузнечную печь.

Ни одно живое существо не могло долго выдержать такую жару, однако золотые доспехи спасали Конана. Эта церемониальная, богато украшенная броня не выдержала бы и одного удара копья, пущенного сильной рукой, но сейчас золото защищало киммерийца от яростной энергии огнедышащего бога. Опустив забрало, Конан осматривался вокруг в поисках хоть какого-нибудь оружия. Легкое движение за спиной привлекло внимание Конана. Резко развернувшись на месте, киммериец увидел Куманоса. Еще несколько мгновений назад жрец, несомненно, подкрадывался к нему, держа в руках длинный меч, который сейчас со звоном упал на каменные плиты мостовой. Отличный клинок из стали и бронзы с позолоченной рукояткой. У Конана не было времени гадать, откуда взялся клинок в руках у Куманоса и почему он выпустил его из рук, вместо того чтобы потренироваться в мастерстве мясника на безоружном Конане. Саркадиэц стоял прижав одну руку к груди, на его лице отразилось чувство страха и изумления — эмоций, которых Конан никогда не замечал за Куманосом. Второй рукой жрец теребил шнурок на шее, с которого исчез таинственный амулет.

Подняв невесть откуда взявшийся меч, Конан с сомнением посмотрел на Куманоса. Киммериец подумал, что, во избежание новых неожиданных выходок жреца, стоило бы снести ему голову, не обращая внимания на то, что тот безоружен. Лишь необходимость срочно повернуться навстречу более страшному врагу оторвала Конана от этих мыслей.

Меч пришелся как нельзя кстати. Бронзовый клинок не плавился в бушующем огне, а золотая рукоятка, не становясь горячей, позволяла Конану не бросить оружие. Теперь оставалось выяснить, молено ли поразить этим мечом огненное дерево. Конан ринулся вперед и, размахнувшись изо всех сил, обрушил клинок на огнедышащий ствол.

Нельзя сказать, что результат был впечатляющим. Меч прошел сквозь столб огня, почти не встретив сопротивления. Правда, над головой Конана раздался пронзительный свист — это взвыли не то от боли, не то от ярости дьявольские плоды на ветвях дерева. Оскаленные пасти развернулись к Конану, изрытая струи огня. Увернувшись от них, киммериец ловкими ударами меча снес несколько огнедышащих шаров. Дерево изогнулось и вздрогнуло словно от боли. Хотя не было похоже, что оно умирает, стало понятно, что непрекращающийся град ударов мечом причиняет ему сильные страдания или по крайней мере отвлекает от черного дела.

Однако сближающиеся части идола, между которыми не было теперь и дюжины шагов, продолжали питать энергией огненного монстра. Дерево росло ввысь и увеличивалось в диаметре. В это время некоторые оджарцы, в основном храмовые воины, вмешались в сражение. У них не было под ходящих доспехов, позволявших приблизиться к огненному столбу, поэтому, боясь разделить участь сгоревших товарищей, они принялись отталкивать рабочих, кативших колесницы, прочь от канатов. Краем глаза Конан заметил группу подростков с Эзрелем во главе, швыряющих булыжники в последних фанатиков, оставшихся около колесниц.

Заставить их бросить свою работу оказалось нелегким делом. Части идола сами излучали жар и яркий свет. Колесницы под ними уже начали дымиться, краска, покрывавшая борта платформ, пошла пузырями. Те, кто пытался схватить обезумевших фанатиков, сами рисковали обгореть или ослепнуть от невероятной жары.

Конан почувствовал, что запоздалая борьба будет бессмысленной. Даже не влекомые усилиями людей, даже оставшись без колес, три металлических монолита сольются воедино, притягиваемые силой Вотанты. Его собственное сражение с Древом Тысячи Пастей тоже оказалось безнадежным делом. Ствол продолжал увеличиваться в размерах, а новые ветви со смертоносными плодами появлялись все выше и выше, так что Конан не мог достать их мечом. Все больше сил тратил Конан на то, чтобы отбить огненные стрелы, летевшие в него с ветвей.

Жар проникал даже сквозь золото доспехов. Клинок раскалился докрасна. В какой-то миг Конан понял, что медленно, но верно, шаг за шагом, отступает. Словно почувствовав его слабость, оскаленные плоды удвоили лившийся на него поток пламени. Языки пламени проникли между пластинами золотых доспехов, уничтожив кожаные крепления между ними. Сначала Конан даже не заметил, что доспехи стали рассыпаться прямо у него на плечах. Нестерпимая боль, внезапно настигшая его, заставила его рухнуть на землю и откатиться от огненного дерева. Но чудовище не сбиралось так легко отпускать свою добычу. Языки пламени продолжали кружиться вокруг киммерийца, который, сжав зубы, уже мысленно прощался с жизнью.

Неожиданно все кончилось. Атака огненного дерева внезапно прекратилась. И над площадью пронеслась волна восторженных победных криков. Подняв голову, Конан увидел, что у самых корней в ствол дерева воткнулся длинный металлический стержень — наконечник большого копья, из-под которого, словно кровь из раны, билась о землю струя жидкого пламени. Само же дерево, корчась и извиваясь, становилось все менее ярким и все более расплывчатым. Конан поиском взглядел того, кто метнул спасительное копье. Неясные подозрения заставили его обернуться и посмотреть на бронзовую статую Садиты. Его бросило в холодный пот, когда он увидел, что богиня стоит без копья, подняв руку словно в приветственном жесте.

Дело продвигалось к своему концу. Огненное дерево, постепенно бледнея, растворилось в воздухе, как мираж в пустыне. Все три колесницы одновременно вспыхнули ярким пламенем. Вместе с ними сгорели несчастные фанатики, которые до последней минуты своей жизни исполняли божественную волю. Металлические истуканы рухнули сквозь прогоревшие доски на камни мостовой.

Только теперь Конан почувствовал, что на нем продолжают тлеть остатки одежды, и сорвал с себя дымящиеся лохмотья. Африандра накинула ему на плечи плащ своего отца.

— Твои предвидения были верны, — хриплым голосом сказал ей Конан. — К счастью, золотые доспехи и вправду защитили меня, а колдовское пламя утратило свою силу вместе со смертью огненного бога. Смотри, ожогов как не бывало.

Конан поиском глазами Куманоса и увидел, что жрец со слезами на глазах стоит на коленях перед мечом, с помощью которого Конан сражался с Древом Тысячи Пастей.

— Меч Онотимантоса, — задумчиво произнес он, теребя кожаный шнурок на шее. — Он снова такой, каким был семьсот лет назад... А я... моя душа... — Слезы ручьем хлынули из его глаз. Повернувшись к статуе Садиты, жрец надрывно застонал и, всхлипывая, закрыл лицо руками.

— Да, сегодня многие заклятия и заклинания потеряли свою силу, — сказал Конан. Не ответив ему, Африандра наклонилась к рыдающему жрецу, желая успокоить его.

— Свершилось чудо! — раздался низкий и сильный голос королевы Регулы. — В этот славный незабываемый день наша богиня продемонстрировала свою силу и участие в судьбе нашего города, защитив его от смертельной опасности.

— По-моему, она просто хорошенко согрела копьем своего суженого, — усмехнувшись, бросил Конан.

Верховная жрица согласно кивнула головой:

— Садита реализовала священное право женщины на выбор своей судьбы. Но, делая это, она освободила своих верных подданных от жестокого чужеземного ига.

— Я думаю, что иго Вотанты было бы и вправду тяжелым, но недолгим, — сказав это, Конан взглянул на статую богини. — Значит, идол Садиты собственноручно метнул копье.

— Несомненно, — заверила его королева, — сама я была лишена счастья лицезреть это, но сотни горожан, свидетели этого величественного зрелища, смогут рассказать об этом событии потомкам.

— Значит, так тому и быть, — кивнул Конан в знак согласия, — В любом случае многое во всей этой истории объясняется божественным вмешательством. Например, таинственное появление клинка, которым я сражался с Вотантой. — Наклонившись, Конан поднял оружие, которое Куманос называл Мечом Онотимантоса.

— Твоя судьба с тех пор, как ты появился в нашем городе, тоже оказалась под покровительством богини, — вступил в разговор Семиархос. — Варвар-еретик, изгнанный из города, превратился в величественного воина в сверкающих золотых доспехах. Кстати, где, в каких странствиях по пустыне ты нашел эту броню?

— Мне помог счастливый случай, а может быть, и воля вашей богини. Это последнее из сокровищ Каменного Корабля. Я нашел его и то, что осталось от экспедиции твоего дяди. Но эти доспехи оказались там единственной стоящей вещью. Все остальные сокровища исчезли. Чтобы доказать истинность своей находки, я решил принести эти доспехи в город. Штука дорогая, а в нормальном бою толку от нее мало. Боюсь вот только, попортило ее это огненное чудовище...

— Это неважно. Такой клад, несомненно, должен принадлежать тому, кто его нашел. Но если ты согласишься продать мне эти доспехи как древнюю реликвию, я заплачу достойную цену.

— Конечно, но не забывайте и о божественном провидении, пославшем нам в этот миг древние магические предметы — золотые доспехи и золотой меч, — прервала короля Регула. — Затерянные в веках броня и клинок соединились сегодня здесь, чтобы защитить нас. И чьими руками! Это тот изгнанный, отлученный от храма чужеземец...

— Я вовсе не напрашивался на скандал и не преступал ваших законов, — вдруг заявил Конан, — но я готов выслушать и принять извинения за обиду и оскорбления, нанесенные мне в вашем городе.

— Как человек, я готова извиниться перед тобой, — ответила Регула. — Но принести извинения от имени храма я не могу. То, что произошло, было выражением воли Садиты, где всем нам, смертным, отводилась лишь роль исполнителей. — Регула одернула свою королевскую тунику. — А мои слова относились лишь к тому, насколько всепрощающей может быть божественная воля и как таинственны и неожиданны для смертных оказываются результаты направляемых ею действий.

— Дорогая, — чисто по-человечески запротестовал Семиархос, — оставь же хоть долю похвал храброму воину с севера. Если он и был всего лишь инструментом для выражения воли Садиты, то, надо признать, она вряд ли могла найти лучшего исполнителя. И думаю, что мы, смертные приверженцы нашей богини на этой земле, должны по-земному щедро отблагодарить героя.

— Безусловно, — согласилась королева, задумчиво окидывая взглядом киммерийца. — Его пример храбрости и боевого духа и готовности пожертвовать собой может быть весьма поучителен для наших граждан. И если этот пришелец научится вести себя подобающим образом в присутствии королевской семьи, а также усвоит хотя бы основные догматы нашей веры, — я полагаю, он сможет занять в нашем городе высокое положение и, кто знает, быть может, даже заменить в глазах горожан ушедшего Зануса. — Регула взглянула на принцессу. — Да, да, вполне возможно, он поднимется действительно очень-очень высоко...

— Благодарю вас, правители Оджары, — с достоинством сказал Конан, — но я все равно собираюсь уехать из вашего города.

Конан бросил взгляд на Африандру. Она стояла на коленях рядом с Куманосом, обнимала его за вздрагивающие в беззвучных рыданиях плечи и вытирала льющиеся по его щекам слезы.

Затем, обернувшись к толпе горожан, полукругом обступивших королевскую чету и доблестного воина, Конан обратился ко всем присутствующим:

— Я задержусь в Оджаре, чтобы помочь вам избавиться от этих зловещих истуканов, которых я по незнанию помог привезти в ваш город. — Он махнул рукой в сторону все еще светящихся зеленым светом частей идола. — Эту мерзость нужно увезти далеко в пустыню, поглубже закопать. При этом важно сделать так, чтобы ни ваш, ни какой-либо другой город или оазис не оказались в центре их смертоносного воздействия.

В любом случае вы можете рассчитывать на мою помощь до прихода северных караванов. Тогда, получив вознаграждение за доспехи и древний меч, который может стать прекрасным оружием для вашей богини вместо расплавившегося копья, я с чистой совестью могу отправиться, как и собирался, в Шадизар с большим и надежным караваном.

Эпилог

Весь Сарк жил в те дни чередой значительных событий. Сначала по городу прокатилось известие об отправке божественной миссии в Оджару. Значительность и трудность такого мероприятия были восприняты горожанами как еще одна серьезная попытка привлечь благосклонность Вотанты. Это мероприятие потребовало отправки отряда солдат и рабочих в тяжелый путь, а также заставило самого короля Анаксимандра нанести дипломатический визит в соседний город.

Затем небо над южным горизонтом на долгие недели затянулось черным дымом — это в горах у Шартоумского моря произошло подряд несколько извержений вулканов. Вслед за извержениями последовала череда землетрясений. Наверное, в горах они были очень сильны, так как толчки чувствовались даже в Сарке.

Затем наконец пошел дождь. В одну ночь небо затянуло тучами, наутро пролившимися обильным ливнем. В последующие дни ливень сменился мелким дождичком, время от времени уступавшим место солнцу. Такая погода обещала обильную влагу на полях, полные реки, пруды и цистерны-хранилища, без риска наводнений и оползней. Это было явным проявлением милости Вотанты, его благосклонности к не дрогнувшим в своей вере горожанам. Жители Сарка, еще недавно понуро передвигавшиеся по теневой стороне улиц, радостно крича и танцуя, повыскакивали из домов, встречая дождь. Все ликовали, пели песни, строили планы на будущий урожай, прикидывали, насколько можно будет увеличить посевы и сколько караванов остановится в зеленом оазисе города.

Король Анаксимандр позволил своим подданным повеселиться. В конце концов, дождь все равно делал работу на полях невозможной. А вот когда он пройдет, тогда горожане сполна заплатят потом за дни праздного безделья! Кроме того, теперь, когда Вотанта явно вновь повернулся лицом к своим почитателям, Анаксимандр вернулся к мысли о военном походе, который мог бы успешно продолжить череду событий, ведущих к процветанию его королевства. Так что горожанам еще придется изрядно походить строем и ощутить на себе армейскую дисциплину.

Король пребывал в эти дни в благодушном настроении, несмотря на отсутствие вестей из Оджары. Настораживало то, что ни один из молодых жрецов пока не прибыл с докладом о свершившемся жертвоприношении. Хотя, вполне вероятно, они погибли, обезумев или ослепнув при взгляде на существо божества на землю. Но если задержка была следствием их лени или ошибок — жрецы пожалели бы, что не проявили должной расторопности.

Трудно было сказать, являются ли столбы дыма на горизонте и толчки земли под ногами следствием появления Вотанты. По крайней мере, Анаксимандру хотелось верить, что далекие взрывы и вспышки эхом отражают титанические шаги всемогущего Вотанты по земной тверди и посылаемые им в ярости огненные стрелы.

Беспокоила короля и сохранность шахт и вулканической плавильни после всех извержений и землетрясений. Оставалось надеяться, что в ближайшее тысячелетие поклонникам Вотанты не придется пользоваться ими.

Но, несмотря на все беспокойства, Анаксимандр был уверен, что миссия в Оджару закончилась успешно: дождь был лучшим проявлением благосклонности Вотанты. Сытый бог — добрый бог, повторял про себя Анаксимандр. Будущее его города рисовалось ему в радужных красках.

Словно в подтверждение его догадок, из Оджары прибыл подарок королю Сарка от

правителей Оджары, привезенный на шестиколесной повозке, запряженной мулами. Анаксимандр хладнокровно подумал, что погонщиков, охранников и королевского посланника ждет по возвращении домой изрядный сюрприз. Несомненно, подарок был отправлен из Оджары незадолго до испепеляющего пришествия Вотанты. Свиток, прилагавшийся к дару, был исписан ровным почерком Куманоса и запечатан личными печатями этого самодовольного тупицы и клоуна Семиархоса и его много воображающей о себе и лезущей не в свои дела супруги.

Подарок представлял собой кровать — тяжелое ложе из бронзы, искусно покрытое слоем позолоты. Великолепный шелковый матрас покрывал тонкое кружево переплетенных кожаных ремней. Что ж, подарок был достоин украсить королевскую спальню. Правда, ложе было намного мягче того, на котором обычно спал Анаксимандр. Это еще раз доказывало чрезмерную изнеженность и привычку к комфорту властителей Оджары. Однако, учитывая, что постоянный дождь наполнил воздух сыростью и прохладой, Анаксимандр счел себя вправе попользоваться, по крайней мере некоторое время, излишне роскошным ложем. По его приказу кровать была установлена в королевской спальне.

Подаренная кровать была украшена с большим вкусом. И самым главным украшением служили установленные по четырем углам на изящных бронзовых подставках четыре драгоценных камня размером с кулак, мерцавших в темноте исходившим из их глубины зеленым светом. Анаксимандр восхищенно следил за перекрещающимися лучами. Подставив под них руку, он почти физически ощутил проникающее под кожу тепло, шедшее от камней.

Новый Верховный жрец, вызванный благословить чужеземный дар, с подобострастной готовностью поспешил разделить энтузиазм короля. Отослав жреца, Анаксимандр объявил слугам, что собирается лечь спать пораньше.

Король позволил наложницам снять с него одежду, но когда одна из них безмолвно опустилась на край новой кровати, Анаксимандр отоспал из спальни всех женщин, включая и тех, кто обычно проводил ночь, обмахивая его опахалом. Затем, сладко потянувшись, он удобно лег на роскошное ложе.

В эту ночь король рассчитывал спать в тепле и спокойным глубоким сном.